

Михаил Михеев

АДМИРАЛ

Адмирал

Заморский вояж

Страна рухнувшего
солнца

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

**Адмирал: Адмирал. Заморский
вояж. Страна рухнувшего солнца**

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Адмирал: Адмирал. Заморский вояж. Страна рухнувшего солнца
/ М. А. Михеев — «АСТ», 2019 — (Коллекция. Военная
фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111475-6

Если вы стоите перед выбором жизнь или смерть – ответ очевиден. Но вот как прожить доставшиеся тебе годы и что совершить, зависит от тебя. И вот ты в стане врагов, ты один из них. Как предотвратить войну, как спасти миллионы соотечественников, если именно тебе предстоит вести на них броненосные армады? Разве что попробовать сыграть в собственную игру, вот только... хватит ли у тебя сил, Адмирал?

УДК 821.161.1-312.9821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111475-6

© Михеев М. А., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Адмирал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Михаил Михеев

Адмирал: Адмирал. Заморский вояж. Страна рухнувшего солнца

Адмирал

*Вы безумно элегантны
На паркетах и коврах.
И к лицу вам аксельбанты,
И к лицу вам черный фрак.
Вы – везучий, ох, везучий! —
Словно нет на вас пальбы...
И все решат, на всякий случай,
Что вы – Баловень Судьбы!
И все решат, и все решат...
А, может – правда?*

Алькор. Баловень судьбы

Соленые брызги на лице... Откуда они? Рефлекторный жест, стирающий их со лба, – и удивление. Рукав из жесткой материи. Какой рукав? Пижаму он не надевал, не любил их с детства, и даже сейчас отказался, лежал в майке. Впрочем, сейчас он стоит. Почему стоит? И почему так холодно? И откуда, черт побери, брызги? Лишь после этого вопроса он открыл глаза.

Перед ним было море. Огромное, холодное, без малейших признаков голубизны. Серые и тяжелые, как свинец, волны перекачивались отчего-то бесшумно. Нет, не бесшумно, просто их шелест заглушал глубокий, ровный гул, идущий почему-то из-под ног. В этот момент его качнуло, и он еле устоял на ногах.

– Герр адмирал, вам нехорошо?

Он на несколько секунд замер, вслушиваясь в себя, и не понимая, что здесь еще не так. И лишь секундой позже осознал – вопрос был задан не по-русски. Немецкий, да – он его никогда не учил, но, было дело, сталкивался с бошами и отличить их язык от английского или французского мог вполне. Но главное, он не только смог узнать его, но и понял, что ему сказали, причем так, словно немецкий язык был ему родной...

Медленно обернувшись, он обвел глазами стоящих позади него людей. Их оказалось неожиданно много, одетых в незнакомую черную форму с витыми погонами. Погоны он узнал – в фильмах о войне видел. Такие погоны носили... немцы? Да, немцы. Фашисты. А еще он понял вдруг, что перед ним не только море, а еще и палуба корабля, утыканные орудиями пирамиды надстроек и, как апофеоз, жуткие в своем бронированном совершенстве орудийные башни. И в этот момент он вспомнил все!

Рак. Последняя стадия. Этот диагноз Иван Павлович Колесников воспринял почему-то спокойно. В конце концов, если тебе далеко за восемьдесят, к вопросу жизни и смерти начинаешь относиться философски. Тем более если пережил не только жену, но и детей, внуки где-то далеко и разве что звонят по праздникам, а сама жизнь не только не легкая, но и совсем небогатая. Скорее даже, наоборот. Впрочем, чего еще ждать математику и кандидату наук, всю жизнь преподававшему в провинциальном вузе и не дотянувшему к пенсии даже до профес-

сора? Да ничего. Оставалось только привести в порядок дела (завещание написать да за коммуналку заплатить) и спокойно ждать конца.

В больницу не клали долго, да он и не настаивал. Только когда боль стала такая, что не получалось уже терпеть, он обосновался в небольшой палате, рассчитанной на четверых, но вмещающей почему-то шесть кроватей. И там, под храп соседа и шлепанье засаленными картами двух других, он и стал ожидать конца. В конце концов, оставались считанные дни, врачи это даже не скрывали.

В тот день он понял, что – все. Как? Да просто ничего не болело. Ремиссия – он читал про это. Уставший организм в последние часы отдает все резервы, некоторым это даже кажется признаком выздоровления, но на самом деле так ощущается первое дыхание смерти. Сколько осталось? Да несколько часов, вряд ли больше, но пока что его это не волновало. Пользуясь моментом, он отдыхал.

В этот момент и пришел Рабинович. Классический такой Рабинович, с круглой, окаймленной венчиком кучерявых волос, лысиной, пейсами, массивным висячим шинобелем и прочими атрибутами истинного еврея. Впрочем, Ивана Павловича и раньше это не волновало, а сейчас тем более. Да и знакомы они с Рабиновичем были, кажется, целую вечность. В институт пришли одновременно, были ровесниками и коллегами, хотя работали на разных кафедрах. Вдобавок, жили по соседству, через подъезд, и, хотя друзьями их никто не считал, хорошими знакомыми, которые не только здороваются при встрече, но и имеют общие интересы и вполне могут запросто зайти друг к другу в гости, чтобы посидеть за бутылочкой чего-то крепкого, они были. Так что Колесников даже обрадовался – в конце концов, хоть попрощаются. Да и вообще, это был первый человек, который навестил его за полуторанедельное пребывание в больнице.

– Ну что, Иван, как здоровье? – Рабинович выглядел бодро. Он вообще, в отличие от многих евреев, никогда и никому не демонстрировал вселенскую скорбь и не считал, что весь мир ему должен на том основании, что он ведет свой род от какого-то Моисея.

– Нормально, завтра умру. Или, может, сегодня, ближе к вечеру.

– Ну, ты давай не спеши. И вообще, такими вещами не шутят.

– Да я и не шучу, – пожал плечами Колесников. – Просто знаю.

– Еще пожить хочешь?

– Если так, как сейчас, то боже упаси.

– А здоровым, бодрым и наглым?

– Шутник ты, Соломоныч.

– Не шутник. Ладно, ходить можешь?

– Сегодня могу.

– Вот и хорошо, пойдем тогда, покурим. Тебе уже, наверное, все можно.

Они стояли в выстуженной морозом, заплеванной курилке, где нормальным людям не хотелось задерживаться даже на минуту, и Рабинович излагал ему свой план. Фантастика, смешанная с идиотизмом, еще год, да что там, пару месяцев назад иного эпитета от Колесникова эта затея и не удостоилась бы. Но сейчас – дело иное. В конце концов, Рабинович предлагал ШАНС! Зыбкий, убегающе малый, но все же шанс. От такого грешно отказываться. Не баре, чтоб харчами перебирать. Всего-то и надо, что из больницы уйти. Врачам наплевать, а триста метров до дому он как-нибудь пройдет. И Колесников согласился, логично рассудив, что хуже уже не будет.

Стакан крепкого чая. Последний – в жизни или здесь, уже не важно. Неспешный разговор. Тоже последний. А потом жесткая койка, к которой Рабинович его буквально прикрутил. На всякий случай – вдруг задергается, оборвет провода... Оно надо? Последний взгляд на старомодный, перечеркнутый длинной трещиной, белый потолок. А теперь закрыть глаза. Процесс еще не начался, можно просто полежать, отдохнуть – усталость навалилась, словно

тяжелое бревно. Он знал, что это такое – в железнодорожных войсках когда-то служил, и при прокладке новых дорог приходилось, в том числе, и лес пилить. Сейчас ощущения были очень схожие, но, как ни странно, ничуть не мешающие думать.

То, что предложил ему Цезарь Соломонович, и впрямь походило то ли на безумие, то ли на ненаучную фантастику. Тем не менее, в изложении старого еврея звучало все чертовски убедительно. Да чего уж там, умел Рабинович убеждать, именно поэтому, когда требовалось что-то продать, к ректору всегда посылали именно его. И он шел, смиренно сидел в приемной, потом выдерживал начальственный ор – и получал, что требовалось. При этом никогда не забывая про собственный гешефт. Однако гешефт этот, как правило, заключался в чем-нибудь вроде тортика или коньяка, которые потом всеми вместе дружно и употреблялись. За это Рабиновичу прощали и выразительную внешность, и картавость, и даже полное нежелание ставить нужные оценки детям нужных людей. А самое интересное, он всегда и со всеми ухитрялся оставаться в хороших отношениях. Как? Про то знал только он сам и навыками делиться не спешил.

И кто бы мог подумать, что у насквозь рационального Рабиновича имеется некая страстишка. Причем не тайная – он просто ее не афишировал, а потому никто не обращал на нее внимания. Колесников, к примеру, точно не подозревал. Да и знал бы – так что с того? Кто-то интересуется чужими женами, кто-то рыбалкой... Рабинович любил фантастику.

Какой уж выверт сознания заставил его увлечься идеей о переселении сознания, не вспомнил бы теперь, наверное, даже он сам. Какая книга подтолкнула к этому, «Звездные короли» Гамильтона, «Дом скитальцев» Мирера или еще какая, тоже. И уж никто бы не подумал, что преподаватель задрипанного вуза из глубинки не только займется изысканиями (как раз такое вполне могло быть, люди, бывает, закливаются на всякой ерунде и тратят массу сил на ее воплощение в жизнь), но и добьется успеха. Во всяком случае, теоретически. Но, тем не менее, эксперименты на животных прошли успешно, и тут весьма удачно подвернулась двуногая мышка, которой нечего терять.

Правда, когда Цезарь Соломонович поделился с ним определенными нюансами процесса, Колесников решил, что тот окончательно поехал с катушек. Как оказалось, старому еврею пришлось, для начала, решить вопрос, мучающий всех фантастов и кучу восторженных юношей – о путешествии во времени. И ведь решил! Кто бы мог подумать, что Рабинович – гений? А все почему? Да потому, что переселение сознания, согласно его расчетам, оказалось возможным только в прошлое. И, кстати, не абы в какое, а в строго определенные точки. Правда, какая будет конкретная точка, вычислить можно было только весьма приблизительно. На вопрос, чем именно эти точки отличаются от других, Рабинович лишь спросил: «Тебе это надо?» И впрямь, не надо, так что вопросов Колесников больше не задавал, придя к выводу, что изобретатель и сам не все до конца понимает. Главное – они есть, эти точки, и наиболее подходящая (точнее, та, на перемещение до которой гарантированно хватало энергии) находилась в конце тридцатых годов двадцатого века. Не самое приятное время – но все же лучше, чем ничего. Главное, войну пережить, а там уж как-нибудь образуется.

Во-вторых, перемещенного можно было отслеживать. Как? Об этом Рабинович тоже не распространялся. Можно – и все тут. И этим отслеживанием он намерен был заняться, экспериментатор хренов. И вовсе не из любви к науке, а чтобы впоследствии самому перебраться туда и начать новую жизнь. Впрочем, почему бы и нет?

В-третьих, и едва ли не главных, сознание не просто перемещалось. Ему требовался новый носитель. А вот подсадить его абы в кого не получалось, требовался человек, генетически схожий по определенным критериям. Проще говоря, родственник, можно дальний. Это, конечно, накладывало определенные моральные ограничения, но, с другой стороны, семийродный дядя пятнадцатюродной тети родственник только формальный. Так что Колесникову

оставалось лишь согласиться. Вот и лежал он теперь с проводами на висках, думал... А потом яркий свет, короткая страшная боль – и вот уже он летит по радужному тоннелю...

Он сидел в роскошной адмиральской каюте, пил крепкий кофе и размышлял. Тот факт, что адмирал затребовал кофе в неурочное время, наверняка кое-кого удивил – но не насторожил. В конце концов, адмиралы отличаются от простых смертных тем, что имеют право не обращать внимания на подобные мелочи. Даже самые пунктуальные из них. Вот и оставалось сидеть да размышлять, благо никто не мешал.

Итак, вот ведь угораздило попасть не куда-нибудь, а в тело адмирала Лютьенса, и не когда-нибудь, а во время боевого похода. Счастье еще, что исчезло только сознание немца. Навыками и памятью прежнего владельца этого тела он мог пользоваться так же легко, как и своими, а то бы живо попал в ласковые руки докторов. Хотя, конечно, интересно, как он, чистокровный сибиряк, очутился в теле немецкого офицера? Ну да это, честно говоря, дело не десятое – сотое. Мало ли с каким бравым казаком могла согрешить прабабка адмирала во время наполеоновских войн, к примеру? Да и вообще, русские гуляли по Европе не так уж и редко. Случалось, торговали, случалось, воевали, так что пути генетики неисповедимы.

Хуже другое. Адмиралу уже за пятьдесят. Не так уж много времени он, выходит, себе прибавил. Хотя, с другой стороны, все равно лучше, чем ничего. К тому же тело в хорошем состоянии, лет тридцать протянет, если за ним следить. Только вот незадача, на дворе-то война!

Колесников не считал себя знатоком истории, но Пикуля почитывал. Можно сказать, на его книгах интерес к военно-морской истории и возник, и Лютьенс самым краешком в этот интерес вписывался. Не сильно, однако же кое-что в памяти отложилось. В том числе и тот факт, что долго адмиралу не протянуть. Весной сорок первого года он выйдет в рейд на линкоре «Бисмарк» и отправится с ним вместе на свидание с акулами. Перспектива не самая завлекающая. И прежде, чем думать о долгой и счастливой жизни, да и вообще строить хоть какие-то планы, требовалось решить этот вопрос, причем, желательно, радикально.

А вообще, Рабинович, конечно, гений, но морду ему стоило бы набить. Хотя бы за то, что перед самой войной подсадил в тело врага. Пускай и не со зла, пусть даже случайно. Впрочем, может статься, такая возможность еще представится.

Колесников откинулся на спинку дивана, потер ноющие виски и, уже проваливаясь в дремоту, подумал, что пора одеваться – надо было идти на мостик, оценить, кто есть кто, не только с позиций знаний адмирала, но и своих собственных. И заодно осмотреть корабль, освоиться на нем – в конце концов, линейный крейсер «Шарнхорст» и его систершип «Гнейзенау» в боевом походе, и что будет дальше – предсказать довольно сложно.

Волны представляли для крейсера едва ли не большую опасность, чем гипотетические вражеские корабли. Как только ветер крепчал, носовую часть «Шарнхорста» буквально заливало, и уже не раз случались проблемы с электрооборудованием, которое со страшной силой закорачивало. Однако укрыться от шторма не имелось никакой возможности – согласно диспозиции, наиболее мощные боевые корабли недавно возрожденного буквально из небытия германского флота должны были располагаться именно здесь, обеспечивая прикрытие войск от возможного появления британского флота. Шла операция «Учения на Везере», и сейчас немецкие солдаты брали под свой контроль Норвегию и Данию. Бои шли не то чтобы очень яростные, но, теоретически, все висело на волоске. И лишь Колесников знал точно, что сейчас, в этом маленьком эпизоде большой войны, немцы победят.

Откровенно говоря, захват этих стран выглядел по всем статьям логичным. Хотя бы потому, что они уже давно де-факто находились под британским управлением. Во всяком случае, в области внешней торговли уж точно. И терпеть запрет ввоза через Норвегию той же шведской руды Германия не могла себе позволить. Да и англо-французские войска на террито-

рии этих стран могли появиться в любой момент, поэтому формальный повод для удара, пускай с натяжкой, присутствовал. Учитывая же сильнейшие пронацистские настроения в Норвегии, был неплохой шанс не просто оккупировать эту территорию, но и, в перспективе, получить лояльное население, а значит, промышленность и новых солдат. В общем, игра стоила свеч.

План, разработанный германским командованием, был хорош. Вот только страдал он тем, что и большинство планов немецкого генштаба, – в нем все было продумано настолько четко, что практически не оставалось места для импровизации. Соответственно, как только что-либо начинало идти не так, сразу же возникали серьезные проблемы, а с оперативным реагированием на них у немцев получалось так себе. Спасали же, как правило, действия командиров низшего звена – от комвзвода до командира батальона. Эта молодежь, выкормыши нацизма, обладала немаловажным достоинством – была не столь зажата старонемецкими, имперских еще времен, догмами. Соответственно и действовать они могли не только дисциплинированно, но и куда инициативнее, чем офицеры старой школы, хотя, может, и не столь умело. Не все, конечно, но таких тоже хватало, а вкупе с традиционно хорошей подготовкой солдат это давало убойный результат, который ощущали на себе по очереди все армии Европы.

Тем не менее, пока что импровизации сводились к неизбежному минимуму. Потомки викингов оказывали на удивление слабый отпор захватчикам. Точнее, какие-то их подразделения сражались и храбро, и умело, но большинство предпочитало ограничиться формальными действиями. К тому же отменно сработали десантники, сумевшие захватить аэродромы и нейтрализовать норвежскую авиацию. В общем, победа была у немцев в кармане, но крутилось в голове у Колесникова воспоминание о том, что еще ничего не закончено и потери у немецкого флота здесь будут бешеные. От кого – ясно, британцы расстараятся. Не норвежский же флот отметится, частью уничтоженный в море, а частью захваченный прямо в портах. Англичане. Но вот как это произойдет, Иван Павлович не помнил. Не сохранила память когда-то мельком читанные нюансы, да и голова болела знатно. Все же перенос для него бесследно не прошел.

– Адмирала просят прибыть на мостик!

Колесников несколько секунд недоуменно смотрел на адъютанта и только потом сообразил, что адмиральские уши привычно отбросили все приличествующие истинным немцам формальности. Затем кивнул, чуть замедленными движениями (не освоился еще с моторикой нового тела) оделся. Ну что же, назвался груздем – держи пальцы веером, а то съедят и не подавятся. Придется командовать – именно этого от него сейчас ждут. Ну а легкую неадекватность поведения спишут на недомогание, он об этом уже всех предупредил. Никто и не удивился, кстати, все же в зимнем штормовом море торчать на открытом всем ветрам мостике для здоровья чревато. Доктор выдал даже какую-то дрянь от простуды. И, кстати, это наводит на интересные мысли, ведь чтобы посреди ночи выдернуть из постели больного адмирала, требуются веские основания. Неужели началось?

Убедиться в том, что мысли ему в голову сегодня приходят исключительно правильные, Колесников смог уже через несколько минут. Доклад командира «Шарнхорста», капитана первого ранга (мозг автоматически перевел кэпитэн цур зее в привычную систему единиц) Курта Цезаря Хоффмана был по-немецки четок и лаконичен. Бравый и достаточно молодой для своей должности офицер (а что поделать, военный флот Германии от гигантских размеров времен кайзера ужался до нынешних, относительно несерьезных, и потому конкуренция между офицерами подчас была дикая) вполне профессионально обрисовал ситуацию. На радарх крупный объект, движется в их сторону. К германскому флоту отношения, естественно, не имеющих – уж они бы знали. Судя по всему, средних размеров торговое судно или военный корабль, но скорость невелика. Их эскадру, разумеется, еще не заметил.

Вот с последним утверждением Колесников готов был аргументированно поспорить. Используемые британцами радары, основанные на честно свистнутых советских разработках, значительно превосходили все, что имели немцы, это новоиспеченный адмирал помнил точно.

Для немцев данное обстоятельство долго оставалось неизвестным, не в последнюю очередь благодаря их гонору и убеждению, что в области высоких технологий они лучшие в мире. Даже тот факт, что радар «Шарнхорста» чужой корабль не видел, отслеживал его только «Гнейзенау», ничего не поменял в голове офицера старой выучки. Сказано, что они лучшие – значит, они лучшие, и другого быть не может. Придурки... Так что если перед ними военный корабль (а скорее всего, так оно и есть), то его командир уже давным-давно знает о немецкой эскадре, а главное, не боится ее. И если это и впрямь не заблудившийся от великого ума транспорт, то им предстоит иметь дело либо с быстроходным крейсером, командир которого намерен за чем-то посчитать немецкие вымпелы на расстоянии прямой видимости, либо, что более вероятно, с чем-нибудь линейным. И эта перспектива не радовала.

Колесников хорошо понимал, какие проблемы на них могут свалиться. «Шарнхорст» и «Гнейзенау», разумеется, великолепные корабли, но оба они – наследие кораблестроительной школы, развившейся в Германии после Великой войны. Не самой лучшей школы, стоит признать.

Тогда немцам запретили строить крупные военные корабли. Что поделаешь, проигравшие не спорят, они подчиняются. Вот и пришлось извращаться. Строить океанские рейдеры на дизельном ходу, к примеру, обзывая тяжелые крейсера броненосцами, ограничивая их водоизмещение. В результате получилась интересная ситуация – корабли как бы подвешивались между классами, что было дорого, требовало массу усилий (германские инженеры тут, надо признать, оказались на высоте) и, вдобавок, не обеспечивало требуемую эффективность. «Шарнхорст» оказался наследником такой методики. В результате отлично защищенный, быстроходный корабль получился не только недостаточно мореходным, но и банально недовооруженным. Создатели его, похоже, и сами не представляли себе, что хотят получить на выходе, и в тот момент, когда британские аналоги несли пятнадцатидюймовую артиллерию, немецкие корабли вынуждены были довольствоваться жалкими одиннадцатью дюймами. В условиях современной морской войны, право слово, не смешно.

Эх, посмотреть бы за горизонт, но погода не даст выпустить самолеты. Стало быть, придется думать, а там и своя память, может, проснется. Читал же что-то, читал, аж в затылке свербит.

Итак, что там есть у британцев? Не здесь, они перебросили сюда, по данным разведки, то ли три, то ли четыре линейных корабля, но слишком часто германские разведчики ошибались. Итак, линкоры типа «Нельсон», две штуки. Старье, машины которых предельно изношены. Даже если такой корабль с какого-то перепугу оказался здесь, уйти от него не сложно. Огневая мощь, конечно, приличная, девять орудий калибром шестнадцать дюймов, не считая всякой мелочи, но малая скорость и неудачное расположение башен фактически ополовинивают его возможности. Что там еще? Еще более древние, типа «Куин Элизабет»? Они вроде в Средиземном море сейчас, хотя британское адмиралтейство немцам о своих планах не докладывает. Но даже если и здесь, что с того? Восемь пятнадцатидюймовок, конечно, сила, но, опять же, общий износ плюс ходовые качества, изначально соответствующие прошлой войне, делают его малоперспективным для охоты. Через шторм, конечно, такие корабли пробьются легко, что в определенной степени нивелирует этот недостаток, но все равно со временем не поспоришь.

Линкоры типа «Принц Уэльский». Сильные корабли. Недостроенные. Нет их пока. Физически. И это радует. Линейный крейсер «Худ». Он тоже вроде далеко. А может, и нет – с проклятыми островитянами никогда точно не знаешь. С этим кораблем не хотелось бы столкнуться нос к носу – он не только огромен и красив, но и быстроходен и хорошо вооружен. Орудия, кстати, у него едва ли не лучшие в британском флоте. К тому же флагманский корабль Великобритании содержат в состоянии, близком к идеальному, а значит, в такую погоду, если захочет, догонит. И, если потребуется, утопит. Единственный недостаток «Худа» довольно слабое

бронирование палубы, но сейчас это непринципиально – снаряды немецких кораблей для него все равно слабоваты.

– Герр адмирал, – прервал его рассуждения Хоффман. – С «Гнейзенау» передают – отмечены многочисленные малые корабли противника.

Колесников медленно кивнул. Все верно. Крупный военный корабль с эскортом из миноносцев или даже легких крейсеров. Неважно, в такую погоду эффективность что тех, что других невелика. Все равно, главное – их флагман.

Какие у противника еще могут быть козыри? Кажется, в этих водах могут оперировать их линейные крейсера. «Ринаун» и...

В голове словно щелкнуло что-то. «Ринаун». И ход боя разом вспомнился. Отступление. Точнее, обмен несколькими залпами – и бегство. В результате тяжелейшие повреждения почти без ущерба для врага и разгром, который английский линейный крейсер учинил потом эсминцам и транспортам.

На секунду он задумался. Как-никак, немцы через год нападут на СССР, будет Великая Отечественная война... Но это будет потом. Если вообще будет – он-то здесь и, возможно, удастся что-то изменить. И не погибнет дядя, и не останется без ноги отец. Но это все – потом, а сейчас перед ним такой же враг России, неважно, что говорящий на другом языке. И к тем, кто идет в этом десанте, у него никакой ненависти пока не наблюдается. Скорее, наоборот – командиров эсминцев прежний хозяин тела знал лично и, как следовало из его памяти, хорошо к ним относился. А еще, если он хочет здесь что-то поменять, надо «зарабатывать очки» в глазах руководства Германии. И это обстоятельство оказалось для принятия решения основным.

– Господа, спешу вас обрадовать – на нас идет «Ринаун».

Только потом он сообразил, что сказать так мог, скорее, русский офицер, а не немец, но, по счастью, никто не обратил внимания на непривычный речевой оборот. Собравшиеся были настолько ошарашены известием, что даже переглядываться начали только через пару секунд. А потом Хоффман, очевидно, как старший по должности и званию, что, в общем-то, обязывало принимать возможное недовольство командования на себя, осторожно спросил:

– Герр адмирал, вы уверены?

– Абсолютно. И нечего на меня так смотреть, Хоффман, не изображайте мне тут обиженного теленка. У командования имеются источники информации, о которых вам знать по должности не положено.

Вот так, сразу показать, что нечего спорить с командованием. Командир «Шарнхорста», похоже, сразу вспомнил, кто есть кто и чьи погоны красивше. Во всяком случае, резко принял стойку «смирно», да и остальные подтянулись. И, словно бы в доказательство слов адмирала, довольно далеко от немецких кораблей встали два высоченных столба воды – с дистанции свыше одиннадцати миль британский корабль начал пристрелку.

Когда он отдал приказ разворачиваться навстречу британцам, подчинились ему беспрекословно. Орднунг, чтоб его. Но лица у немцев были нерадостные – похоже, героями они не были и хорошо помнили: у «Ринауна» шесть орудий калибром пятнадцать дюймов, и удары их снарядов броня линейных крейсеров не выдержит. Видя это, Колесников усмехнулся одними губами и, повинувшись неистребимой преподавательской привычке, сухо пояснил:

– Это английское корыто лучше держит волну. И снаряды его на дальней дистанции порют нам палубы. А вблизи мы имеем шанс сыграть на большем количестве орудий и суммарном весе залпа, да и броневой пояс у нас куда толще. Если повезет и сделаем кроссинг, то у него будет четыре орудия против наших восемнадцати.

– Но мы можем попробовать оторваться, – робко заметил кто-то.

– Во-первых, – педантично начал перечислять Колесников, – он нас догонит. Или вы забыли, как наше бронированное чудо справляется со штормом? Никак. Во-вторых, отходя, мы сможем работать только кормовыми башнями и потеряем все преимущество в артиллерии. И,

в-третьих, даже если линкорам удастся уйти, он устроит нашим транспортам и эсминцам резню не хуже лисы в курятнике. Мы прикрываем десант, а не бултыхаемся в море потому, что нам это нравится. Даже если мы погибнем, то остановим англичан и спасем жизни немецких солдат. Люди ценнее техники. И, кстати, герр Хоффман. Начинайте пристрелку. Вряд ли попадем, но кто его знает.

Насчет людей и техники он ввернул специально. Здесь находились не только офицеры, но и матросы – рулевые, сигнальщики... Офицеры промолчат, конечно, но солдатский телеграф работает в любой армии, и если удастся пережить этот бой, легенда об адмирале, жертвующем собой, чтобы спасти простых солдат, завтра же пойдет гулять по кубрикам, а там и по другим кораблям. И до пехоты рано или поздно дойдет. Что это даст? Может, и ничего, а может, очень многое. Как повезет. И наверняка доложат на самый верх. Чтобы при штабе да без стукача – да не бывает такого, адмирал точно знал про двоих, но наверняка есть и те, про кого он не слышал. Опять же, это может не привести ни к чему – а может понравиться дорвавшемуся до власти ефрейтору, просидевшему в окопах всю Первую мировую. Понравится – сострижем бонус. Нет – ну и пес с ним. В любом случае, репутацию ему это не испортит.

– Герр адмирал. Осмелюсь напомнить. Носовые башни кораблей в такой шторм заливаются. Может произойти замыкание и...

– Хоффман, – нытье отнюдь не жаждавшего лезть под вражеские снаряды командира «Шарнхорста» вызвало у Колесникова жуткое раздражение. Судя по всему, у настоящего адмирала было бы такое же чувство, поскольку он не почувствовал уже ставшей привычной паузы между мыслью и словами. – Пускай ваши матросы хоть бушлатами щели затыкают, но за результат вы мне отвечаете головой. И если башня выйдет из строя не от вражеского снаряда, а по любой другой причине, я отдам вас под трибунал! Ясно?

Начальственный рык возымел ожидаемое действие. Во всяком случае, все принялись заниматься своим делом, и не пытались лезть с личным мнением. И артиллеристы очнулись наконец от спячки – во всяком случае, башня «Антон» начала пристрелку. То же делали и артиллеристы «Гнейзенау». Даже если не попадут, нервы британцам попортят, цинично подумал Колесников, возвращаясь к руководству первым в жизни морским боем.

Как ни странно, он не испытывал даже намека на мандраж. Лишь несколько позже до него дошло – реакция тела, не раз слышавшего рев снарядов, позволяет сохранять спокойствие и сознанию. Биохимия, не более того. Сейчас это, а также еще не до конца освоенные знания адмирала Лютенса пришлось более чем кстати.

Корабли шли на сближение с противником неторопливо – шторм и неудачная конструкция носовой оконечности весьма мешали. Из-за качки эффективность стрельбы тоже была первоначально околонулевой. Но дистанция, с первых минут боя не слишком большая, все равно достаточно быстро сокращалась, и результаты не замедлили сказаться. Причем, надо сказать, вполне ожидаемо.

Первыми накрытия добились англичане. Ничего удивительного, большой калибр – большая точность. По корпусу будто молотом ударили. Через секунду удар повторился. Это было еще не попадание, просто разорвавшиеся на небольшой дистанции снаряды контузили «Шарнхорст» взрывами. Что случится, если такие «чемоданы» угодят в слабобронированную палубу, не хотелось и думать. Впрочем, и в близких разрывах приятного мало, но на этот раз корпус выдержал, хотя лопнувшие от сотрясения лампы засыпали пол мелким стеклянным крошевом. Эту неприятность вполне можно было перетерпеть, хотя, конечно, от такой близости смерти разом стало неудобно.

Однако накрытие – это, конечно, хорошо, вот только достать до врага первыми удалось немцам. Не потому, что их артиллеристы оказались лучше, скорее, наоборот – Колесников помнил, что в той, прежней истории и те, и другие показали себя не на высоте, то ли из-за шторма, то ли еще почему. Но если у британцев процент попаданий выглядел удручающе низ-

ким, то у немцев он получился и вовсе безобразным. Однако сейчас, очевидно, сработала статистика – все же в сторону «Ринаун» вели огонь двенадцать тяжелых орудий, а в такой ситуации количество выпущенных «в сторону цели» снарядов значит не меньше, чем мастерство артиллеристов. А главное, результаты попадания увидели многие.

Одиннадцатидюймовый снаряд, выпущенный с «Гнейзенау», угодил в британский корабль позади второй башни и с грохотом разорвался среди пирамиды надстроек. Особого вреда он не причинил – вместо прямого удара произошла цепь рикошетов, и обошлось без пробития брони. «Ринаун», по сути, только хорошенько трянуло. Три с лишним сотни килограммов стали и взрывчатки превратились в огненный смерч и ливень осколков, но вред от него ограничился парой раненых. Однако вспышка от взрыва была замечена на германских кораблях, и известие, что «влепили», моментально прошло по отсекам. Естественно, реакция немцев была куда сдержаннее, чем у оказавшихся в подобной ситуации русских, но настрой сразу же заметно поменялся. Люди стали действовать и веселее, и злее, а это в бою немало важно.

Для британцев это было звоночком, и, возможно, сделай они правильные выводы, все могло бы пойти и по-другому, но тут им повезло, причем дважды. Во-первых, залило-таки носовую башню «Шарнхорста». Замыкание в электропроводке – и громада массой в сотни тонн и огневой мощью с хорошим, полностью автономный форт моментально превратилась в груды мертвого железа. Во-вторых, один из британских снарядов угодил в немецкого флагмана. По счастью, он ограничился тем, что скovyрнул за борт грот-мачту, хотя на самом деле последствия от попадания оказались куда серьезнее. Сотрясение привело к выходу из строя кормового радара, что пока что не влияло на боевую эффективность корабля, но грозило серьезными проблемами в будущем.

Из вспышки взрыва и резкого снижения интенсивности обстрела британцы сделали не вполне корректные по причинно-следственным связям, но абсолютно логичные и правильные выводы. Германский флагман поврежден, и надо его поскорее добить, а учитывая шторм, для этого требовалось сблизиться. При всей своей чопорности англичане и азартный, куда более азартный, чем считающиеся импульсивными французы и итальянцы, и храбрый народ, поэтому даже мысли о том, что стоит отвернуть, уклоняясь от боя с двумя немецкими кораблями, моментально выветрилась из их голов. Напротив, они еще решительнее устремились вперед и даже увеличили скорость, что оказалось роковой ошибкой.

Колесников с каменным лицом стоял, не обращая внимания на взгляды подчиненных. Те в свете открывшихся обстоятельств совсем не против были бы отвернуть, но адмирал одним лишь холодным взглядом заставил их отшатнуться. Что творилось у него на душе, можно было понять лишь по тому, как хрустнули сжатые в кулаки пальцы. Продержаться, любой ценой продержаться, пусть и с уменьшившейся на треть огневой мощью и под жестоким обстрелом. Сократить дистанцию – и раздавить британца сосредоточенным огнем двух кораблей, а иначе никак. Всего несколько минут... И его линейные крейсера с немецкой дисциплинированностью шли вперед.

Дистанция сокращалась, точность огня возрастала. «Шарнхорст» практически не выходил из-под накрытий, то справа, то слева от него вставали огромные водяные столбы, некоторые даже окатывали палубу, словно того, что забрасывал на нее шторм, оказалось мало. От гидравлических ударов постепенно сдавала обшивка, по стыкам начала где понемногу, а где все интенсивнее просачиваться вода. Дважды пятнадцатидюймовые «чемоданы» попадали в корабль, разворотив палубу, а третий проделал огромную сквозную дыру в надстройках и благополучно разорвался над морем. Артиллеристы «Шарнхорста» смогли ответить на это всего одним снарядом, и тоже в надстройку, где он натворил дел, но воинственного пыла англичан охладить не смог.

Однако, принимая на себя всю ярость английских орудий и фактически жертвуя собой, «Шарнхорст» отвлекал их внимание от «Гнейзенау». Артиллеристы последнего вполне отдавали себе отчет, что долго так продолжаться не может, и на всю катушку использовали преимущества необстреливаемого корабля. За время сближения они добились целых пяти попаданий, которые не нанесли серьезного урона огневой мощи «Ринауна» (выбитая батарея из трех четырехдюймовых орудий не в счет), но продемонстрировали англичанам, что броня их корабля попаданий немецких бронебойных снарядов не выдерживает и дальнейшее сближение может оказаться вредным для здоровья.

Убедившись, что проклятые боши и не думают отворачивать, командир «Ринауна» отдал приказ о смене курса. Откровенно говоря, Колесникова он опередил буквально на минуту – тот, убедившись, что дистанция сократилась, и летящие по настильной траектории вражеские снаряды теперь смогут поразить только прикрытый мощным, соответствующим кораблю классом выше, броневым поясом борт, сам готовился отдать аналогичный приказ. Он планировал поставить британцев под продольный огонь, но тем самым давал им шанс отвернуть и разойтись на контркурсах. Однако получилось то, что получилось, англичане начали первыми, и оставалось лишь лечь на параллельный курс и, медленно сближаясь, надеяться на прочность брони и мастерство артиллеристов.

С ничтожной по меркам середины двадцатого века дистанции попадания начали следовать одно за другим. И вот здесь выяснилось, что пятнадцать орудий главного калибра против шести – это здорово! Даже без учета большего количества снарядов, сосредоточенный вес бортового залпа двух немецких кораблей превосходил возможности английского корабля. К тому же теперь в дело включились пятнадцатисантиметровые и стопятимиллиметровые орудия немецких линкоров, намного превосходящие и числом, и весом снаряда артиллерию среднего калибра британцев. Ну, и в качестве вишенки на торте у последних возникла еще одна проблема. Артиллеристам «Ринауна» приходилось распределять огонь между двумя немецкими кораблями, что тоже не улучшало его эффективность. А немецкие артиллеристы, хорошо понимая расклады, в этот момент развили максимальную, почти технически предельную скорострельность, и результат не замедлил сказаться.

Не прошло и получаса, как результат боя стал ясен. Несмотря на шторм, превратившийся в медленно ковыляющую по волнам груды развалин «Ринаун» пылал от носа до кормы. Возле разбитых орудий среднего калибра рвались снаряды, из шести пятнадцатидюймовок уцелело две, но и они могли угрожать наседающим немцам, скорее, номинально. Удары четырех шестидюймовых снарядов практически в упор, с интервалом в несколько секунд, башня пережила. Броня, детище английских сталеваров, оказалась на высоте, но теперь проворачивать стальную машину можно было только вручную, а дальнометры показывали дистанцию от Земли до Марса. Система же централизованного управления огнем отказала еще раньше, когда немецкие снаряды главного калибра вдребезги разнесли дальномерный пост, радар, да и вообще половину надстроек. Скорость корабля упала до жалких шести узлов, борта зияли огромными дырами, а дифферент на корму медленно, но неуклонно нарастал. Словом, имелся закономерный результат неравного боя, и огромный, водоизмещением свыше тридцати тысяч тонн, корабль представлял собой классическую иллюстрацию ужасов войны.

Однако, несмотря на повреждения, тонуть «Ринаун» пока не торопился, и у английских моряков оставался еще неплохой шанс довести его до базы. Ну, или хотя бы приткнуть к берегу, что в условиях шторма выглядело куда предпочтительнее шлюпок. Сейчас, несмотря на серьезные потери в личном составе, аварийные партии все еще боролись – и безуспешно – с пожарами, ухитрялись локализовать затопления, а механики и вовсе делали чудо. Невзирая на то, что из четырех десятков котлов уцелело не более половины и из пробоин в бортах валил даже не дым – пар – машины все еще работали, и винты, неторопливо вращаясь, толкали крейсер вперед. В общем, шанс был, вот только немцы не желали отпустить свою добычу.

Бой дался эскадре Лютьенса нелегко. «Шарнхорст» с трудом ковылял по волнам, сохранив не более десяти узлов хода, и лишился всех орудий главного калибра. В носовую башню, и без того молчавшую, влетел снаряд, пробивший броню и уничтоживший артиллерийские расчеты до последнего человека. В башне «Цезарь» снаряд угодил в ствол орудия перед самым выстрелом, вызвав детонацию уже находящегося в нем снаряда и приведший к полному уничтожению башни. Теперь ее руины гнилым зубом торчали посреди палубы. Третью башню попросту заклинило. Досталось и всему остальному, но, как ни удивительно, несмотря на ураганный огонь и преимущество в калибре орудий, нанести «Шарнхорсту» повреждения, угрожающие его живучести, британцы не смогли. Броневой пояс толщиной в триста пятьдесят миллиметров выдержал обстрел, и ни разу за весь бой крен корабля не превысил трех градусов, а машины исправно работали. Больше проблем доставлял поврежденный руль, перо которого с трудом установили в нейтральное положение. В принципе, из-за необходимости в шторм управляться машинами и снизился ход. Так что ситуация выглядела тяжелой, но далеко не безнадежной, и за способность корабля вернуться на базу можно было не волноваться.

По сравнению с ним, «Гнейзенау» отделался очень легко. До момента, когда удачным залпом удалось подавить кормовую башню «Ринауна», он получил всего два снаряда главным калибром. Один из них, правда, сделал в носовой оконечности немецкого корабля дыру размером с добрые ворота, и пришлось снизить ход – несмотря на то, что пробоина была заметно выше ватерлинии, волнами ее заливало изрядно. Помпы справлялись, но усугублять положение не хотелось, а общая потеря скорости другими участниками боя позволяла «Гнейзенау» без ущерба предотвратить ускорение затопления. Второй снаряд повредил офицерские каюты – неприятно, но на боевых возможностях корабля это сказалось меньше, чем гибель от того же взрыва десятка матросов. Правда, стодвухмиллиметровых снарядов линейный крейсер успел нахвататься изрядно, однако повреждения надстроек можно было перетерпеть, а борта ими попросту не пробивались. Получить же снаряд в слабо защищенную палубу «Гнейзенау» уже не грозило, на последнем этапе боя траектория их была не просто настильной – противники били друг по другу практически в упор.

По всему выходило, что именно «Гнейзенау» светила полезная, но малопочетная роль палача. Оставшийся практически безоружным «Шарнхорст» мог долбить британцев остатками среднего калибра хоть до посинения без серьезных шансов на успех. Сдаваться английские моряки не собирались, а отпускать их не хотелось от слова «вообще». Не для того дрались, не для того умирали. И потому обстрел линейного крейсера не прекращался ни на минуту. Впрочем, у немецких артиллеристов появились и новые цели.

Британские эсминцы, лидером которых, собственно, и выступал «Ринаун», наконец подошли к месту боя. Обычно стремительные и смертельно опасные, в шторм эти корабли разом теряли свои преимущества. Их валяло на волне, не давая толком организовать огонь и без того достаточно маломощной артиллерии, а скорость падала настолько, что угнаться за идущим в атаку линейным крейсером они попросту не могли. Главное же, основное оружие эсминцев – торпеды – в такой ситуации теряло свою эффективность. То есть выпустить-то их можно было, а вот попасть – уже вряд ли, волны делали курс торпед абсолютно непредсказуемым. Единственный плюс – облегчался корабль и избавлялись от взрывоопасного груза, но – не более. Словом, атаковать пусть и поврежденных, но далеко не беззащитных гигантов им сейчас категорически не рекомендовалось.

Однако не из того теста слеплены британские моряки, чтобы бросить своих и с позором ретироваться, даже не попробовав склонить чашу весов на свою сторону. Девять эсминцев начали атаку, несмотря на плотный заградительный огонь. Обстрел с них был, скорее, средством занять артиллеристов и слегка давить на нервы немцам – за все время атаки в цель попал только один снаряд, что уже можно считать везением. Непонятно даже, на что они рассчитывали, ведь чтобы в шторм иметь шансы дотянуться до немецких кораблей торпедами, им при-

шло бы выходить на минимальную дистанцию под огнем «Гнейзенау». И отрезвление наступило достаточно быстро.

Уже после третьего залпа «Гнейзенау» среди идущей в первой волне четверки эсминцев начали подниматься в небо фонтаны накрытий. Еще через минуту на одном из британских кораблей плеснуло яркое пламя, почти сразу же скрытое высоченными всплесками от падения других снарядов. Когда они опали, стало видно плачевное положение корабля. Одиннадцатидюймовый снаряд буквально оторвал ему носовую оконечность, и теперь быстро теряющий ход эсминец на глазах погружался в волны. С палубы его горохом сыпались за борт фигурки людей – очевидно, спасать корабль было уже бесполезно.

Почти сразу под накрытие попал второй эсминец. Попаданий удалось избежать, но близкие взрывы контузили корабль, и он, замедляясь, начал отворачивать. Остальные в безнадежный бой не полезли, ограничившись выпущенными торпедами. В другое время залп семи эсминцев не оставил бы немецким кораблям и тени шанса, но сейчас наблюдатели «Шарнхорста» смогли заметить лишь одну торпеду, прошедшую далеко за кормой, остальные же бесследно канули в штормовое море.

После отступления эсминцев эскорта наступил момент истины и для «Ринауна». Под градом тяжелых снарядов упорно огрызавшийся остатками противоминной артиллерии корабль окончательно потерял ход, а затем начал быстро ложиться на борт. Наблюдающий за этим Колесников вздохнул и только сейчас почувствовал, что китель его насквозь промок от пота. Снял фуражку, провел рукой по волосам, и ничуть не удивился, почувствовав себя будто из бани.

– Господа, я поздравляю вас с победой германского флота. «Адмирал граф Шпее» отмщен.

Слова получались будто сами собой. Собравшиеся вокруг офицеры внимали адмиралу с немимым восхищением. Колесников усмехнулся:

– Начинаем спасательную операцию. Наши враги были храбрыми людьми и хорошими моряками, не стоит бросать их здесь. И рассчитайте курс, сразу после того, как подберем англичан, возвращаемся на базу.

– А может, «Гнейзенау» лучше продолжить патруль? – робко поинтересовался кто-то. Колесников вздохнул:

– С расстрелянным боезапасом? Думайте, о чем говорите, молодой человек. В этих водах у Великобритании еще как минимум три линкора, и оставить «Гнейзенау» значит подписать ему приговор. Если он встретится с любым из них, то жизнь корабля будет исчисляться минутами. И, кстати, для нас задерживаться в этих водах сейчас тоже противопоказано, поэтому постарайтесь справиться в кратчайшие сроки. И – домой.

Спасательную операцию можно было описать всего одной фразой: «скоро сказка сказывается – нескоро дело делается». В этом плане русские народные сказки оказались пророческими – вылавливание британских моряков заняло почти два часа, и Колесников с трудом удержался от того, чтобы не сгрызть себе ногти до локтей. Радары «Шарнхорста» были уничтожены, а те, что стояли на «Гнейзенау», после многочисленных сотрясений в бою не вызывали доверия. Колесников читал в свое время, что от сотрясений навернулся звонким медным тазом радар на куда более мощном «Бисмарке», и закономерно полагал, что здесь и сейчас может случиться то же самое. А значит, в любой момент, прячась за пелену дождя, может скользнуть хищная тень британского крейсера, обнаружить их и навести на поврежденные линейные крейсера главные силы вражеского флота. Однако показывать волнение было нельзя, и оставалось лишь изображать нордически спокойного, уверенного в себе адмирала, которому все нипочем, и даже попадание вражеского снаряда неспособно заставить его изменить выражение лица. В принципе, опыт имелся – только что весь бой так себя вел, но Колесников чувствовал, что нервы придется всерьез поправлять, и, желательно, коньяком.

В том, что операция затянулась, не было вины его подчиненных. Просто огромные корабли, тем более в шторм и поврежденные, малопригодны для вылавливания из воды плавающих то здесь, то там, людей. Шлюпки были частью разбиты, а в шторм спускать уцелевшие выглядело не самой удачной идеей. Людей вылавливали погрузочными сетями, бросали им концы, за некоторыми, ослабевшими и неспособными самостоятельно удержаться за веревку, спускались, привязав себя тросами, немецкие матросы. Война еще не дошла до той стадии ожесточения, когда вид тонущего противника вызывает чувство удовлетворения или радости. Пока что все здесь были в первую очередь моряками, а потом уже врагами, но скоро это должно было закончиться...

Спасенных оказалось чуть более трехсот человек. Кого-то наверняка не заметили в волнах, кто-то ушел на дно вместе с кораблями или погиб во время боя. На «Ринауне» экипаж был свыше тысячи человек, сколько-то на эсминце, выходило, что погибло от двух третей до трех четвертей тех британцев, что шли в этот бой. Война...

Возвращение получилось воистину триумфальным. Германия слишком отвыкла от побед на море и теперь восторженно встречала героев. Ведомство доктора Геббельса тоже внесло свою лепту в процесс, раструбив на весь мир о великом успехе кригсмарине. На взгляд уже вполне освоившегося в новом теле Колесникова, мелкие странности которого окружающие списывали на легкую контузию (мнение, имеющее право быть, поскольку пару раз снаряды взрывались совсем рядом, и сотрясало боевую рубку «Шарнхорста» изрядно), не такой уж и большой оказался успех. Все же один потопленный корабль, причем не самый мощный и порядком устаревший, никак не тянул на разгром британского флота, как о том вещали на всех радиостанциях. С другой стороны, это все же было победой, к тому же обеспечившей успех, в том числе и других подразделений армии и флота. Как-никак «Ринаун» в этот раз, в отличие от прошлой истории, не смог порезвиться на германских коммуникациях, и эсминцы, которые тогда отправились на дно, здесь уцелели. Причем их командиры наверняка хорошо понимали, что могло случиться, не останови силы Лютьенса британскую эскадру. Да и не только они. Это знание добавляло Колесникову очков как среди командиров кораблей, так и в глазах гросс-адмирала Редера, хотя наверняка в штабах найдутся и те, кто посмотрит на свежеиспеченного героя косо.

Кстати, наверняка косо будут смотреть и рабочие верфей Киля, им-то работы изрядно добавится. Как ни крути, восстанавливать поврежденные корабли требуется в кратчайшие сроки, а повреждения огромны. Впрочем, им не привыкать, справятся. Не зря же получают свои деньги, цинично подумал Колесников.

Встречать корабли заявила целая толпа официальных, полуофициальных и неофициальных лиц. Последние – это в основном партийные функционеры, любители поорать «Хайль!». Колесников с трудом удержался от того, чтобы поморщиться – все же нацистские приветствия его, воспитанного и большую часть жизни прожившего в СССР, раздражали страшно. С удивлением он понял, что прежний носитель этого тела был с ним солидарен. Не было, конечно, оставшейся наследием той войны ненависти, но все равно служака до мозга костей и монархист по убеждениям, Лютьенс считал большинство наци дорвавшимися до власти быдлом. И, кстати, был противником репрессий против евреев. Не иначе, русская кровь, пусть и до жути разбавленная, сказывалась, хотя, возможно, это был некий снобизм человека, сделавшего себя благодаря личным качествам и таланту, а не поднимавшегося по служебной лестнице благодаря древности рода и протекции.

Как бы то ни было, приходилось играть по здешним правилам, отвечать на приветствия, жать руки и демонстрировать лояльность. Еще требовалось улыбаться огромной толпе совершенно искренне ликующего народа. Боги, как же легко управлять немцами, отдай им приказ – и они станут его выполнять, причем совершенно искренне радуясь успеху и некритично отно-

сая к своим действиям. Хоть дома строй, хоть пленных расстреливай. Орднунг, чтоб его. И осознание этого еще более усиливало раздражение.

Между тем, опытный взгляд политика (а попробуй добиться высот, не владея этим искусством, хотя бы даже на уровне своей профессии) вычленил тех, кто был здесь по-настоящему важен. Гитлер, разумеется, не прилетел, ограничился телеграммой, но и без него... хватало. В-первых, это, разумеется, собственное начальство. Гросс-адмирал Редер собственной персоной. Умнейший человек, но фанат больших кораблей. И тот факт, что они имеют свойство заслонять горизонт, периодически забывающий. Впрочем, с Лютьенсом у них достаточно хорошие отношения, хотя бы потому, что последний всегда поддерживал шефа и, вдобавок, готов был выполнить любой приказ.

Появление Редера здесь, конечно, обоснованно. А вот его соперник Дённиц не приехал, небось, опять занимается своими подводными игрушками, холит их и лелеет. У этого другая крайность, он крупные корабли воспринимает лишь как средство поддержки субмарин. Но, стоит признать, тоже не дурак, и для подводников отец родной. Хотя, будучи убежденным нацистом и ярым поклонником Гитлера, он вызывал у Лютьенса некоторое отторжение.

Во-вторых, появился Геринг. Толстяк и сибарит. Будучи чуть более продвинут в вопросах медицины, чем его предшественник, Колесников моментально сообразил, что виной ожирения командующего люфтваффе является сильнейшее нарушение обмена веществ, которое здесь и сейчас лечить толком еще не умели. И даже сложно представить его молодым и стройным, легко взбирающимся в маленькую кабинку хрупкой этажерки, чтобы творить чудеса в боевом небе. Впрочем, Лютьенс видел его молодым... Флот Геринг недолюбливал, считая корабли лишь пожирателями топлива, так необходимого его любимой авиации, но удержаться от поздравлений не мог – положение обязывало. Впрочем, поздравлял он Лютьенса совершенно искренне, как солдат солдата, признавая и храбрость, и удачу моряков. А может, просто доволен был ходом норвежской операции – как-никак, его ребята сработали там отменно, в числе прочего, сумев угнать из-под носа у норвежцев кучу самолетов. А раз так, то был он благодушен, доволен жизнью и, наверное, в честь этого даже предложил адмиралу поохотиться вместе. Пришлось неопределенно покивать и поблагодарить – мол, когда-нибудь, как только позволят дела, обязательно и с превеликим удовольствием.

Третьей особо важной персоной оказался Борман. Откуда он здесь взялся, было непонятно, никаких серьезных должностей этот классический партноменклатурщик вроде бы не занимал, но при этом слово его весило очень много, немногим меньше, чем у самого Гитлера, и вполне сопоставимо с Герингом. Знаком с ним старательно не лезущий в большую политику адмирал был лишь шапочно.

Впрочем, эта сладкая парочка, благожелательно покивав, занялась своими представительскими обязанностями. В смысле, толкала речуги на огромном и вроде бы стихийно, но при этом с истинно немецкой четкостью организованном митинге. Пришлось и самому, на правах героя дня, сказать пару слов. Получилось не очень, но это было тоже воспринято, как должное. «Я старый солдат и не знаю слов любви», хотя это, конечно, совсем из другой оперы. В общем, ему простили солдафонскую неотесанность, зато эти двое разливались соловьями. И ведь пришлось, дико скучая, присутствовать, никуда не денешься.

Больше всего это напоминало Колесникову выступления каких-нибудь деятелей уездного масштаба времен позднего СССР, разве что бумажками не пользовались. Рапорт о том, как все хорошо, чествование героев-космонавтов, точнее, применительно к местным условиям, героев-моряков, и прочие красивые слова. Упор на героизм, естественно – искалеченный борт «Шарнхорста», с которого, собственно, и шло вещание, смотрелся шикарнейшей и очень уместной декорацией. Единственная разница, что в восьмидесятых годах в СССР народ уже привык делить сказанное кто на два, а кто и на десять, а здесь этому искренне верили. Ну и пес с ними, главное, не зевнуть...

Разговор с гросс-адмиралом Редером состоялся вечером. В смысле, не поздравления, а нормальный, серьезный разговор. По счастью, адмиральский салон на «Шарнхорсте» уцелел, Редер не хотел разговаривать в штабе. По его словам, там развелось слишком много лишних ушей, а на линкоре, большая часть экипажа которого отдыхает на берегу, подслушивать попросту некому. Не то чтобы командующий кригсмарине собирался говорить какие-то крамольные вещи, но все же чтобы о разговоре знало слишком много народу, он не желал. И Лютьенс его в этом поддерживал. Неприятно, как-то так.

– Ну что, Гюнтер, натворил ты дел...

– Что я опять сделал неправильно, Эрих? Объясни уж. Вроде бы победил.

– И покалечил два корабля.

– Иначе потери были бы куда серьезнее.

– Да знаю я, – гросс-адмирал досадливо махнул рукой и, пригубив коньяк, поудобнее развалился в кресле. В отличие от сухощавого Лютьенса, который в нем буквально тонул, Редер был плотно сбит и места ему, соответственно, требовалось больше. – Только мне теперь месяц отписываться и доказывать Самому, – тут он многозначительно указал пальцем вверх, – что твои действия были единственно верными. Хотя нет, это сам доказывать будешь, тебя завтра вызывают в Берлин на доклад.

Колесников безразлично пожал плечами. На доклад – значит, на доклад, тем более, не в первый раз. Редер заметил этот жест, поморщился:

– Ты, кажется, не понимаешь, Гюнтер. От флота ждут действий.

– Они получили действия, да еще какие! Пожалуй, «Ринаун» был единственным серьезным кораблем, который мы могли уничтожить, и шанс, что мы встретим именно его, да еще в выигрышном для нас составе, да еще сумеем победить, да еще... В общем, мы ухватили за хвост удачу.

Колесников даже немного забылся и говорил невероятно эмоционально. Едва удержался от того, чтобы прямо здесь же не подсчитать, каковы они были, эти шансы, но поймал удивленный взгляд Редера и опомнился, стух, вновь превращаясь в немецкого адмирала. Который, пусть и обладал, несмотря на похожую на вампира внешность, беззлобным и легким характером, почему и становился периодически душой компании, на такие вспышки вряд ли был способен. Впрочем, он же теперь «контуженый», ему можно.

– Они... получили действия, – медленно сказал Редер. – И будут ждать новых. Сначала – ждать, потом – требовать. А у нас всего два корабля, и оба придется ставить в док.

Колесников попытался вставить слово, но гросс-адмирал остановил его резким жестом. Похоже, разговор пошел не вполне так, как планировалось, и теперь он обдумывал расклады на ходу. Пришлось замолчать и внимательно слушать, в конце концов, Редер куда лучше него владел ситуацией в высших эшелонах власти.

– Понимаешь, Гюнтер, там, наверху, собрались люди, большей частью далекие от понимания того, как живет флот, что он может и чего не может. Фюрер, при всем моем уважении, профан. Да, он честно отвоевал в ту войну, как и мы с тобой, но его кругозор остался кругозором солдата, который видит лишь то, что можно разглядеть из окопа. Да ты и сам это понимаешь. Сейчас он политик, искусный, талантливый, но понимания многих нюансов это ему не добавило. Он авантюрист до мозга костей, и пока что все авантюры не просто сходят ему с рук – они приносят успех, и чем дальше, тем больше он теряет связь с реальностью. К тому же, как и любой художник, он мыслит образами, а не цифрами, а война – наука точная, в ней такой подход чреват ошибками. Пусть даже мелкими, тактическими, но которые, тем не менее, имеют свойство накапливаться и давать потом совершенно неожиданный эффект.

Да ты сам подумай. Мне было сказано, что Германия имеет еще не менее шести лет на подготовку. Шесть лет, ты понимаешь, Гюнтер? Вся кораблестроительная программа строи-

лась, исходя из этих сроков. И в результате мы оказались к ней не готовы! И приходится выходить против английского флота с голой ж...!

Редер почти кричал, чего Лютьенс никогда не замечал за ним ранее. Не долго думая, он встал, щедрой рукой налил коньяку, приложил лимон, кофе... Подумал еще, что это будет слишком по-русски, но ничего менять не стал, просто сунул получившуюся композицию в руки гросс адмиралу. Тот недоуменно посмотрел на него, потом кивнул, залпом выпил, зажевал, невидящими глазами глядя в пространство, и вздохнул.

– Спасибо... Так вот, Гюнтер, у нас имелось всего два корабля, способных хоть как-то противостоять английским. Я молчу про наши броненосцы, они хороши в качестве рейдеров, но при встрече с сильным противником... В общем, сам понимаешь.

Колесников и в самом деле понимал, даже не прибегая к памяти адмирала. Совсем недавно карманный линкор «Адмирал граф Шпее» был настигнут в Атлантике тремя британскими крейсерами. Теоретически он должен был их раздавить, шесть одиннадцатидюймовых орудий, почти таких же, как и на «Шарнхорсте», давали ему огромное преимущество. А у британцев самый мощный из кораблей нес лишь восьмидюймовки, два других и вовсе были легкими крейсерами, слабо вооруженными и почти незащищенными. Тем не менее, рейдер проиграл бой и, получив серьезные повреждения, был подорван экипажем в нейтральном порту. Командир «Шпее», капитан первого ранга Ганс Лангсдорф, застрелился.

– Корабли у нас и сейчас имеются. «Гнейзенау» можно привести в порядок относительно быстро.

– И гнать его в море в одиночку?

Совсем недавно он говорил почти те же самые слова, даже с похожей интонацией, собственным подчиненным. Колесников раздраженно дернул плечом:

– «Шарнхорст» рано списывать. Это хороший, крепкий корабль. Повреждения велики, но не фатальны. Запасные орудия на складах есть, я уже выяснял. А здесь, в Киле, хорошая ремонтная база и отличные специалисты.

– Я даже не сомневаюсь, что так и есть, – Редер чуть заметно расслабился, плечи его опустились. Сейчас это был уже не бравый моряк, а немолодой, смертельно усталый человек. Таким он мог позволить себе быть лишь в присутствии очень немногих людей, и до сегодняшнего дня Лютьенс в их число не входил. – Более того, я и сам все это знаю. Читал доклад о повреждениях, запрашивал информацию об орудиях... Только вот сколько продлится ремонт? Месяц? Два? Три? Я не знаю, и ты не знаешь. Никто пока не знает.

– Я думаю...

– Думать можно что угодно, вот только действий от нас потребуют сейчас, немедленно. Понимаешь? И нам не получится объяснить, что корабль долго строить и еще дольше чинить. Они знают, что танк чинится в короткие сроки. Все. На это и будут ориентироваться. А что между жестяной в десять тонн и линейным кораблем пропасть... В общем, если ты не сможешь убедить фюрера в том, что на какое-то время об активных действиях в Атлантике придется забыть, нас будут заставлять их предпринимать. И, скорее всего, сделают крайними, независимо от того, будем мы держать корабли в портах или выйдем в море и потерпим поражение.

Колесников задумался, надолго задумался. Потом налил себе и Редеру еще коньяка, медленно, сквозь стиснутые зубы, выщедил, и сказал:

– Хорошо, Эрих. Я тебя понял.

В Берлин он вылетел утром. Огромный четырехмоторный «Кондор» глухо ревел двигателями, продираясь сквозь холодный северный воздух. Два истребителя сопровождения, тонкие, словно осы, сто девятые «мессершмитты», лениво покачивая угловатыми, словно обрезанными крыльями, шли справа и чуть выше. Не то чтобы приходилось всерьез опасаться вражеской

авиации, но фронт все-таки не так уж и далеко, и, теоретически, кто-нибудь мог сюда дотянуться. Вот и шел штабной самолет под защитой истребителей, так, на всякий случай.

Расположившись в кресле, Колесников с тоской рассматривал салон «Кондора». Мало того, что самолет полз, по мнению привыкшего к совсем другим скоростям пассажира, с прямо-таки черепашной скоростью, так еще и внутри было не слишком просторно. По меркам будущего, прямо скажем, откровенно убого. К тому же самолет немилосердно раскачивало, все воздушные ямы были его, а учитывая, что шторм закончился совсем недавно, завихрений в воздухе хватало. В общем, не полет, а сплошная мука.

Впрочем, остальные, два незнакомых генерала и молодежавый эсэсовский штандартенфюрер, очевидно, думали иначе. Во всяком случае, для них, не избалованных высокими технологиями, этот самолет казался верхом технической мысли. А с другой стороны, и Колесникову-Лютенсу нечего было жаловаться. Это не на поезде пикировать, это относительно короткий и быстрый перелет. И ему, привыкшему к качке, не грозили приступы воздушной болезни, как остальным. А еще здесь коньяк недурственный давали...

К моменту, когда самолет удивительно мягко коснулся обутыми в резину колесами посадочной полосы, Колесников уже слегка захмелел и находился в устало-благодушном настроении. Правда, очень уж быстро сработало спиртное. То ли упало на старые дрожжи – они с Редером вчера изрядно перебрали, как оказалось, немецкие адмиралы могут квасить не хуже русских интеллигентов, то ли сказались высота, падение давления и негерметичный салон. Тем не менее, адмирал отметил мастерство пилотов. В его времени самолеты были куда совершеннее, под завязку напичканы электроникой, но козлили при посадке иной раз со страшной силой. Здесь же все прошло мягко, и пилоты ухитрились опустить их, как пушинки. Хотя, с другой стороны, тут могли сыграть роль относительно малые размеры самолета и исключительное качество покрытия полосы. Размышляя над этим, Колесников и сам не заметил, как оказался снаружи, и с удивлением обнаружил, что его встречают. Аккуратный черный «хорьх» с молодым унтер-офицером за баранкой и лейтенант в черной форме. Опять СС... Впрочем, перед адмиралом он вытянулся в струнку.

– Герр адмирал...

– Спокойнее, молодой человек, спокойнее. Не на параде. Вас как зовут?

– Лейтенант Вальман, герр...

– А имя у вас есть?

– Петер, – окончательно стушевался сбитый с толку парень. Колесников присмотрелся – ну да, лет двадцать от силы.

– Вот что, Петер, берите мой багаж – и поехали. Заодно объясните мне, куда, а то я, признаться, только вчера из похода, да и вообще в Берлине не частый гость.

Лейтенант Вальман, когда с него немного скатилось смущение, оказался достаточно приятным в общении молодым человеком. Во всяком случае, не дуболомом «от сохи», а, как путем несложных вопросов сумел выяснить Колесников, из студентов. Последнего обстоятельства парень почему-то стеснялся, но выяснять причины такой не вполне адекватной реакции адмирал не стал. Мало ли, какие у них там, в СС, внутренние терки. Так-то, на вид, истинный ариец, но мало ли, вдруг у них к интеллигенции предубеждение. Зато лейтенант оказался еще и вполне информированным. В пределах своей компетенции, разумеется.

Как оказалось, аудиенция у Гитлера была назначена на завтра. Во второй половине дня – фюрер любил поспать. Вернее, планировалось на сегодня, но что-то там не срослось. А сегодня с ним изъявил желание встретиться Гиммлер. Зачем? Трудно сказать. Но если главный палач рейха изъявил такое желание, отнестись к нему требовалось со всей серьезностью.

Положительными во всем этом были всего два момента. Во-первых, адмиралу забронировали место в хорошей гостинице, причем с рестораном, а то желудок уже начал требовательно напоминать о необходимости кинуть в него что-то потверже коньяка. Во-вторых, в

городе не было бича последующих десятилетий – пробок. Вообще не было – мало того, что автомобилей в Берлине было относительно немного, так еще и управляли ими с немецкой аккуратностью. В сумме это давало просто замечательный эффект. Но главное, обещало возможность не торопиться, выезжая заранее и потом, если пробок не было, мариноваться в приемной. Здесь все было проще, и лейтенант подтвердил, что да, заедет за герром адмиралом ровно за полчаса до назначенного времени. Успеют.

Гостиница оказалась на удивление небольшой. Он-то думал, что повезут в какой-нибудь отель с холлом размером в два футбольных поля, хрустальными люстрами и отблесками хрома из всех углов. Здесь же было спокойно, уютно и по-домашнему. Приятный полумрак, ровно такой, когда глаза еще не напрягаются, а эффект уюта уже создается, деревянные перила лестницы, странно и совсем не по-немецки изогнутые, мило улыбающаяся пожилая женщина за стойкой... В ней даже при огромном напряжении фантазии невозможно заподозрить осведомителя, работающего на полицию, контрразведку или на всех сразу. А ведь работает, к бабке не ходи, но даже это знание почему-то не напрягало. Так и тянуло расслабиться. Тот, кто выбирал гостиницу, явно преследовал именно эту цель. Последнее обстоятельство даже настораживало – вряд ли все делалось для того, чтобы обеспечить приезжему адмиралу, птице, по столичным меркам, не самого высокого полета, возможность максимально эффективно отдохнуть от трудов тяжких. Однако, немного подумав, Колесников решил не забивать себе голову раньше времени, а, разложив вещи, спустился в ресторан.

Здесь тоже все было уютным и небольшим. В том же домашне-деревенском стиле. Десяток столиков, полумрак, маленькая сценка с роялем и без какого-либо намека на микрофон – в таком помещении и без того все будет слышно. И меню, не слишком изысканное, зато ассоциирующееся со вкусами «доброго немца». Впрочем, почему бы и нет?

В машину он сел окончательно довольным жизнью. Накормили быстро, вкусно... Еще бы капельку вина сверху, но он, подумав, решил воздержаться. Все же пил уже, и вечером, и в самолете, причем не наперстками, а смешивать – последнее дело. Но все равно, пока ехали до места, едва не задремал – в старинной (хотя здесь это едва ли не новинка) машине тоже оказалось уютно. И мягко...

В приемной их почти не держали. Пять минут – как раз то время, которое у них стало запасом. А потом Колесников вошел в кабинет, небольшой и отнюдь не роскошный, и увидел перед собой Гимmlера, спокойного, чуть вальяжного и совершенно не страшного на вид. Во всяком случае, с тем образом, который тиражировался в советском кино (не особенно, правда, но все же), этот человек имел весьма мало общего. Ну а лично ни Лютьенс, ни тем более Колесников, с ним знакомы не были.

Ничего демонического... Внешне – ну точно покойный Кравчук с кафедры химии... И лишь глаза под тонкими стеклами очков холодные и спокойные. Глаза умного хищника, способного при нужде сожрать безо всяких эмоций. Впрочем, кто с линкором борт о борт становился, того гляделками не напугать. И Колесников уставился в глаза своему визави, сделав взгляд безразлично-пустым. Так он смотрел на излишне гонористых студентов, если хотел их малость осадить. Срабатывало с ними – сработало и сейчас. Гимmlер отвел глаза первым, а потом вдруг усмехнулся:

– Знаете, адмирал, мне говорили, что вы бесстрашный человек. Я, признаться, не верил... Присаживайтесь, будем разговаривать.

Ну, разговаривать – значит, разговаривать. Колесников подвинул стул, прочный, монументальный и на удивление удобный. И настолько же тяжелый. Хозяин кабинета развел руками:

– Это не парадная приемная, малая, здесь не столь удобно, зато от прослушивания кабинет защищен надежно.

Колесников медленно кивнул, а про себя подумал, что паранойя в Третьем рейхе стремительно набирает обороты. Во всяком случае, прослушки бояться поголовно, даже на самых верхах. Особенно на самых верхах, это таким, как он, бояться особо нечего, они и так каждый раз, выводя корабли в море, под смертью ходят. А вслух сказал:

– Весьма рад знакомству, герр рейхсфюрер.

Этакий тонкий намек на то, что стоило бы поздороваться. Или хотя бы ответить на приветствие. В другое время он бы, может, и поосторожничал, но сейчас Колесникова несло. Коньяк два дня подряд, да еще и в самолете, штука коварная.

– А вы наглец... – Гиммлер внезапно улыбнулся. – Это хорошо, потому что разговор нам предстоит серьезный.

Он был не дурак. Мерзавец, возможно, садист, но не дурак, и вопросы задавал дельные. А вот политическими пристрастиями, отношением к еврейскому вопросу и прочими мелочами не интересовался вовсе – наверняка и так знал.

Больше всего Гиммлера интересовало, что может сделать флот, степень его боеготовности, сроки ремонта кораблей. Колесников, подумав, отвечал честно, как на духу, особо акцентировав момент неизбежных случайностей, куда чаще, чем на суше, способных поставить любую ситуацию с ног на голову. Да вот хотя бы в этой операции. «Блюхера» потеряли? Потеряли. А всего-то одна замаскированная береговая торпедная батарея и не потерявший головы расчет. Так что флот может показать свою эффективность, а может и нет, именно это он пытался донести до собеседника, и похоже, Гиммлер прислушался к его доводам. Так и сказал, что если человек, доказавший свою храбрость и профессионализм, не боится испортить настроение вышестоящим, то к его словам имеет смысл прислушаться. В общем, отпустил с миром и даже пообещал всемерное содействие в ремонте кораблей и, это было, пожалуй, главное, в скорейшем вводе в строй авианосца «Граф Цеппелин». Этому противился Геринг, не желающий выпускать из рук часть пилотов, которые подчинялись бы морякам. К авианосцу прохладно относился командующий флотом. Но Колесников-то знал, что именно такие корабли в будущем станут основной ударной силой флота, и сумел убедить Гиммлера, что корабль им необходим. А поддержка второго человека в государстве, пусть и не завязанного на флот напрямую, дорогого стоит. Еще удалось вернуть, правда, как личное мнение, что у британцев радары стали совершеннее немецких. Гиммлер только головой покрутил, но пообещал напрячь заграничную агентуру. В общем, насквозь полезная встреча, хотя после одного приглашения на такую, с испугу можно запросто потерять сон или заработать энурез. А можно и то, и другое.

В гостиницу Колесников вернулся, когда уже смеркалось, а живот вновь требовательно заурчал. Хорошо еще, тихонечко, не привлекая внимания сопровождающих. Впрочем, может, и привлек, но Вальман оказался достаточно умен, чтобы сделать вид, будто ничего не заметил. Ну а мнение водителя вообще никого не волновало. Его дело баранку крутить, хотя, в этом стремительно заражающийся паранойей Колесников практически не сомневался, слушал он наверняка внимательно и потом с точностью до слова передаст услышанное начальству. Ну да пускай его, на работе человек, а ничего крамольного в машине не говорили. Более того, вообще ничего не говорили, кроме пары дежурных фраз. Но молчание молчанием, а желудок во избежание конфуза требовалось срочно удовлетворить.

В ресторане было тихо и спокойно. Играла негромкая музыка. Пианист, наряженный в самый настоящий фрак, был мастером ухитряться вести мелодию ненавязчиво, никому не мешая, но в то же время заполняя ею все пространство. На взгляд Колесникова, ни разу не меломана, старомодно, однако здесь и сейчас мелодия звучала крайне органично. И акустика была неплоха, в результате чего музыка словно накрывала столики непроницаемым куполом, не давая гулу голосов просачиваться наружу. Приятное ощущение.

Адмирал прошел к единственному свободному столику. Его замечали, но, несмотря на то, что Лютьенс тут оказался старшим по званию, вставать и приветствовать никто не спешил. То ли из-за неформальной обстановки, то ли из вечного соперничества между армией и флотом. Ему, впрочем, было все равно. Усевшись и сделав заказ, он начал ожидать, когда ему принесут знаменитые баварские сосиски, традиционно главное блюдо немецкой кухни.

Ожидание затянулось вроде бы совсем ненадолго, но то ли музыка сыграла роль, то ли, что вероятнее, усталость, и Колесников начал отключаться от реальности. Не засыпать, а именно отключаться. И потому голос, прозвучавший буквально над ухом, оказался для него полной неожиданностью.

– Вы позволите?

Колесников несколько секунд смотрел на терпеливо ожидающего ответа худошавого генерал-майора и лишь потом сообразил, что в зале его столик самый свободный, за остальными по трое-четверо. Ну а здесь – никого, наверное, из-за его морской формы и высокого звания. Оставалось только кивнуть:

– Разумеется.

Генерал аккуратно сел напротив него, виновато улыбнулся, и пришлось сказать, что не стоит... и так дальше, и так дальше, и разговор завязался, и Колесников, в общем-то, не жалел об этом, потому что собеседником генерал оказался интересным. И ничего удивительного в том не было.

Генерала звали Эрвин Роммель. Да-да, тот самый Роммель, которому совсем скоро предстояло малыми силами гонять по пустыне до зубов вооруженных англичан. Уж про него-то Колесников был наслышан, редко в какой передаче о войне с упоминанием союзников не вспоминали этого бравого генерала. Самое страшное африканское пугало, лис пустыни... Впрочем, все это будет, а пока перед Иваном Павловичем сидел еще относительно молодой – ему не было и пятидесяти – генерал и увлеченно рассказывал о своих людях, своей дивизии и своем взгляде на войну.

Чем дальше, тем больше Колесников убеждался, что в отношении этого генералаистики не врал. Действительно, «отец солдатам». Вот насчет «слуги царю» – это, памятуя, как он кончит, совсем не факт, зато насчет своих людей он знал столько, что оставалось поражаться его памяти. А еще страшно не любил начальство и был даже чрезмерно инициативен, что в будущем приведет и к стремительному взлету, и к падению. Но в целом интересный собеседник и, возможно, полезное знакомство на будущее. К тому же только сегодня прибывший из действующей армии в штаб.

Зачем его вызвали, Роммель не знал и страшно костерил разномастных военных теоретиков, которым сначала зачем-то потребовалось проводить очередное совещание, а потом внезапно его переносить, из-за чего он, вместо того чтобы разбираться с делами в своей дивизии, торчал в этом отеле уже третий день. Судя по всему, армейский бардак интернационален... Хотя, с другой стороны, при нынешнем темпе ведения войны можно было и отдохнуть без ущерба для дела. И вообще, то, что происходило во Франции, напоминало нечто среднее между великим стоянием под Троей и верчением ежика в поисках места, где нет иголок. На это сравнение Роммель отреагировал здоровым смехом и цинично указал место, где их точно не будет. Посмеялись...

Надо сказать, генерал живо заинтересовался распиаренным на всю Германию морским сражением, так что пришлось не только слушать, но и рассказывать. И внимание и уважительный тон сухопутчика, как ни странно, весьма польстили, хотя Колесников и понимал, что это дают о себе знать остатки памяти Лютьенса.

А еще, было интересно мнение Роммеля, воюющего уже вторую войну, о противнике. Французов он не то чтобы презирал, но относился к ним, скорее, с пренебрежением. Британцев не любил, но как о солдатах отзывался о них уважительно. Русские... С ними войны пока не

было, но что она не за горами для понимающего человека секретом не являлось. Так вот, о них Роммель говорил с опаской. Здравомыслящий человек, однако.

Что в зале что-то изменилось, Колесников сообразил с запозданием. Недоуменно pokrутил головой – и вдруг понял: к музыке добавилась песня. На сцене появилась девушка, лет, наверное, двадцати, или чуть старше. Классика истинной арийки – высокая, спортивная, светловолосая, но это было неважно, главное, пела она замечательно. Вот только поразила не чистота ее голоса, а то, что пела она не только по-немецки, свободно переходя от песни к песне то на английский, то на французский, а пару раз даже на русский язык, причем акцента почти не ощущалось. И как это, спрашивается, понимать?

– О, – улыбнулся Роммель, видя неподдельный интерес собеседника. – Это местное чудо, племянница нашей хозяйки. По слухам, ее родители из России, выехали оттуда после их революции. Родилась она уже здесь, но владеет, в числе прочего, еще и этим варварским языком. Экзотика, правда?

– О да...

– Такое впечатление, вы понимаете, о чем она поет.

– С пятого на десятое, – следовало срочно уходить от темы, а то хоть Эрвин и хороший мужик, но мало ли. – Я все же моряк. Говорю на трех языках и ругаюсь еще на тридцати.

Успевший малость захмелеть Роммель вновь рассмеялся. Смеялся он хорошо, не цинично, не зло, а просто весело. Так смеются уверенные в себе люди, которым нечего доказывать, они и без того знают, чего стоят. Колесников даже позавидовал немного, у него так смеяться пока не получалось, во всяком случае, в этом теле.

История получила внезапное продолжение ближе к ночи, когда они с Роммелем, не прекращая уже вполне приятельский треп, вышли на улицу. Концерт уже закончился, но народ все еще сидел, и в зале стало не продохнуть от табачного дыма. Вот и выбрались они на улицу... покурить. Неисповедимы пути логики слегка подвыпивших мужчин.

Безобразная сцена, происходящая тут же, буквально в двух шагах от входа, сразу же привлекла их внимание. Классика жанра, мужчина добивается благосклонности женщины... Только вот не надо женщину хватать за руку, если она того не хочет. И уж тем более не стоит делать это, если ты в форме. Честь мундира и все такое. Даже если это мундир СС. Тем более если это мундир СС. Хотя бы потому, что военное крыло правящей партии, выполняющее, вдобавок, функцию службы безопасности, должно если не отвечать за законность, то хотя бы демонстрировать, что люди в этих мундирах ее поддерживают. Ну а если ты этого не понимаешь, то не обижайся. И погоны оберштурмбанфюрера не помогут. Тебя все равно будут считать тем, кто ты есть на самом деле – жирной и безграмотной свиньей.

Именно эти мысли Колесников озвучил, причем максимально громко и доходчиво. Как оказалось, дебошир нажрался до потери адекватности, но понимать, что ему говорят, был еще вполне способен. И, обернувшись, отреагировал совсем не так, как положено доброму немцу. В смысле, не встал по стойке «смирно», увидев перед собой двух военных в немалых чинах, а выпустил свою жертву, сжал кулаки и молча двинулся на них. Ну неадекват, право слово, или просто совсем одурел от безнаказанности.

Адмирал подпустил его поближе, легко уклонился от богатырского, но не слишком умелого и чрезмерно размашистого удара, и с наслаждением пробил ему в печень. Это были уже рефлексы не Лютьенса, пусть и не дурака подраться в молодости, а собственно Колесникова. Все же когда-то в СССР спорт являлся неотъемлемой частью жизни, и полученный еще в студенчестве первый разряд по боксу сейчас весьма пригодился. Годы прошли, тело сменилось, но что-то с тех времен явно осталось.

Эсэсовец забавно хрюкнул, скособочился, и как-то весьма неловко опустился на колени. Ну да, в печень – это больно, даже алкогольная анестезия не спасает. А вот если после этого еще и сапогом по враз растерявшей наглость роже, то еще и обидно. Во всяком случае, этот кон-

кретный фриц явно обиделся и принялся шарить непослушными пальцами по кобуре. Колесников стоял рядом и с интересом смотрел за его манипуляциями, будучи вполне уверен, что если противник все же сумеет извлечь свой вальтер или парабеллум, что там у него, он вполне успеет размазать его по асфальту. Однако крайних мер не потребовалось.

Откуда появился Вальман, Колесников так и не увидел. Поразительно, с какой скоростью лейтенант подскочил, и... нет, он не пытался обезоружить коллегу по мундиру, он просто шепнул ему что-то на ухо. Совсем немногое, судя по продолжительности фразы, но тому хватило. Даже при неярком свете уличного фонаря было видно, как он побледнел и, бросив попытки извлечь застрявшее в кобуре оружие, машинально зашарил рукой по вороту. Попытки его застегнуть оказались, правда, ничуть не более успешными, но, особенно с учетом того, что немец по-прежнему сидел на земле, выглядели забавно.

– Простите, герр адмирал... Простите...

Звучало невнятно – похоже, только разбитыми и сейчас напоминающими мясные оладьи губами пострадавший не отделался. Наверняка еще и зубы пострадали. Тем не менее, Колесников понял, кивнул небрежно:

– Пшел вон.

Эсэсовца как ветром сдуло. Вот он был, а вот его и нет. Адмирал прищурился и сказал, обращаясь к лейтенанту:

– Похоже, вас приставили ко мне ангелом-хранителем?

Вальман улыбнулся:

– Наверное, можно и так сказать, герр адмирал.

– Тогда благодарю, что избавили от необходимости марать руки об этого хама. Вот что, Петер, езжайте-ка вы отдыхать. Обещаю, что покурю сейчас и больше из гостиницы до утра не выйду. И... отвезите фройляйн домой. Боюсь, красивым девушкам гулять по улицам Берлина ночью стало небезопасно.

Лейтенант щелкнул каблуками, как заправский гренадер. Непрост мальчик, ой, непрост, куда интереснее, чем показалось вначале. С таким надо держать ухо востро. Впрочем, Гиммлер явно покровительствует Лютьенсу, иначе не приставил бы к нему охрану как раз на такие случаи. Поэтому бояться нет смысла, а вот поостеречься стоит.

– Спасибо вам...

Голос девушки не дрожал, похоже, успела прийти в себя. Крепкие нервы, хорошие, дурной экологией не измученные. Только сейчас Колесников сообразил, что перед ним та певичка из ресторана. Да уж, незадачливого ухажера понять можно, деваха красивая и, вдобавок, представительница профессии, которая считается легкодоступной. Так что пал мужик жертвой стереотипов. Оставалось лишь галантно поклониться:

– Не волнуйтесь, фройляйн. Мы должны защищать свой народ... в том числе и от недостойных его представителей.

Когда девушка села в машину и та, глухо ворча двигателем, скрылась в темноте, Роммель, внимательно наблюдавший за происходящим, только головой покрутил:

– Однако же вас уважают.

– О да, есть за что, – усмехнулся Колесников, доставая сигареты и мельком подумав, что пора бросать. А то снова рак заработать можно.

– А девушка красивая.

– Я женатый человек, да и вы, Эрвин, тоже.

Роммель лишь усмехнулся, но ничего не сказал. Так и закончился этот не в меру насыщенный событиями день.

На следующий день была церемония награждения. Рыцарский крест – награда при таких раскладах вполне ожидаемая и заслуженная, и, получая ее, Колесников ощутил настоящую

гордость, хотя вроде бы должно было оказаться наоборот. Германия, фашисты, враги... Но ведь награда-то заслуженная! А главное, за таких же врагов. Будучи человеком, воспитанным на советском интернационализме, позже насмотревшимся на то, как начали относиться к русским те, кого эти самые русские вытащили из грязи, и пережившим и лихие девяностые, и хамство «цивилизованного мира», Иван Павлович имел вполне конкретные взгляды на международные отношения. Описывались они всего двумя фразами: «У России нет друзей, только враги и временные союзники, которые могут завтра стать врагами» и «Да хоть сдохните все, нам от этого не тепло и не холодно». Так что никаких угрызений совести в отношении уничтоженных британцев он не испытывал.

Там же он впервые увидел Гитлера. Точнее, Лютьенс-то его видел и раньше, воспоминания остались, вот только искаженные восприятием адмирала. Колесников же имел возможность лицезреть фигуру главного злодея двадцатого века впервые в жизни, и, надо сказать, впечатления оказались неоднозначными.

На растиражированный советскими фильмами образ Гитлер походил только мордально. Правда, здесь сходство было почти фотографическим, но на том оно и заканчивалось. Гитлер не выглядел психом или неадекватом, напротив, это был весьма обаятельный человек с буквально прущей во все стороны харизмой. Пожалуй, неудивительно даже, что он сумел не только захватить власть в Германии, но и до последнего момента, до самой смерти пользовался непроходящей поддержкой населения. А еще он умел и любил быть ведущим шоу – именно участником такого действа чувствовал себя Колесников.

С другой стороны, почему бы и нет? Процесс у режиссера получился весьма занимательным. Само-то награждение ладно, но экспрессивная речуга, фото на память, потом выступление лично доктора Геббельса... На местных, зрелищами неизбалованных, такое должно действовать убойно. Можно не сомневаться, что с завтрашнего дня еще и в кинотеатрах крутить начнут – вон, оператор над камерой склонился. Единственно, концовку подзатынули, а может, просто Колесников начал терять интерес к происходящему.

Беседа с фюрером тоже не принесла чего-либо неожиданного. Как и предсказывал Редер, от флота требовали закрепить успех. Правда, Гитлер оказался неожиданно вменяемым и осторожным, но все равно пришлось пообещать ему, что флот, пусть и ослабленный, максимально активизирует свои действия. Скорее всего, первое лицо государства уже имело разговор с Гиммлером, и слова адмирала падали на хорошо унавоженную почву. В результате карт-бланш на задействование любых необходимых сил и средств для скорейшего ремонта «Шарнхорста» и достройки авианосца был получен. А активизация действий... Ну, это уж как получится.

Вечером он ужинал в гордом одиночестве. Просто из-за церемоний с последующими разговорами пропустил обед, а на полагающемся к церемонии банкете все было как-то несерьезно. Это вам не Россия, где если уж праздник – так чтобы наесться от пуза. Здесь все по-немецки, в смысле, по чуть-чуть. Поэтому непривычный к такому подходу мозг Колесникова солидаризировался с привыкшим к сытному флотским харчам желудком адмирала Лютьенса.

Выход был прост – вернувшись в гостиницу, он направился в ресторан, и, хотя до момента, когда все начнут подтягиваться сюда, чтобы вкусно поесть, было еще далеко, накормили его без проблем. Ну и на финал – классические немецкие копченая рулька и пиво – у-у-у! Такого вкусного пива Колесников в жизни не пил, в его времени, похоже, производить по-настоящему хорошие напитки давно разучились. И, хотя Лютьенс был к пиву достаточно равнодушен, новый хозяин его тела оценил качество.

– Здравствуйте.

Он поднял глаза, чтобы посмотреть, кто осмелился нарушить его медитацию. Ну надо же, вчерашняя... гм... фройляйн. Хотя, учитывая ее происхождение, стоило бы называть сударыней.

– Здравствуйте, – ответил адмирал, вставая. – Чем обязан?

– Я хотела вас поблагодарить...

Ну вот, понеслось. Интересно, ее в ведомстве Гиммлера успели завербовать, или как? Но, тем не менее, надо было продолжать играть роль истинного, как говорят англичане, офицера и джентльмена. Поэтому адмирал вышел из-за стола и галантно отодвинул стул, предлагая даме садиться. Она и села, абсолютно не чинясь.

– Что будете заказывать?

– Э-э-э...

Вопрос, похоже, сбил гостью с толку. Колесников усмехнулся мысленно, а вслух сказал:

– Я сомневаюсь, что здесь вам много платят. Поэтому экономите вы на всем. Полагаю, и на еде тоже. А раз так, сейчас вы не то чтобы голодны, иначе выступать не сможете, но и не слишком сыты. Имеется ли ошибка в моих рассуждениях?

– Э-э-э... нет, – ответила девушка и покраснела. Как и многие блондинки, изменять цвет лица она могла легко и абсолютно независимо от собственного желания.

– Ну вот видите. Поэтому, раз уж вы здесь, то, полагаю, вам следует поужинать. И не скупитесь при заказе, мой бумажник выдержит небольшое кровопускание, – и рассмеялся собственной немудреной шутке.

М-дя... А казалось, сильнее она покраснеть уже не может. На самом деле еще как могла. Но, очевидно, исходя из принципа «терять все равно нечего, а кушать хочется», заказ сделала вполне серьезный. Ну и ладно, все равно не так часто в пятьдесят лет оказываешься за одним столиком с красивой девушкой. Так что не жалко.

– Я и в самом деле хотела вас поблагодарить. Не люблю оставаться в должниках, – сказала она, закончив есть.

– Не любите? Хорошо. Вы вчера замечательно пели. Споете еще раз, для меня?

– Вы считаете...

– Я не люблю считать. Простите, как вас зовут? А то мы друг другу даже не представились. Вы меня, скорее всего, уже знаете, или лейтенант проболтался, или просто журнал учета постояльцев посмотрели. И мы оказываемся в неравном положении. Вы меня знаете, а я вас нет.

– Хелен.

Лена, значит. Скорее всего, вначале и была Елена, позже адаптировали под местные стандарты.

– А фамилия?

– Орлова.

– Русская фамилия. Ваши родители эмигрировали сюда?

– Да, после революции. Сначала во Францию. Потом мама осталась, а отец, он был офицером, отправился к генералу Деникину. Потом вернулся, и они переехали сюда. У нас здесь родственники. Я родилась уже здесь.

– Понятно... Так вот, Хелен, возвращаясь к нашему разговору. Я не люблю считать. Предпочитаю знать. И сейчас я точно знаю, что вы мне ничего не должны, я просто исполнил свой долг. Но если вы споете, я буду вам весьма признателен.

И она пела, и весь вечер он знал, что поют для него. И утром, уже улета, Колесников все еще слышал этот голос и слова «Я буду помнить вас, адмирал». Оказывается, он и забыл уже, каково это, когда о тебе кто-то помнит, пускай даже и сопля на тридцать лет тебя моложе.

Немецкие корабли в очередной раз подтвердили свою квалификацию, уже через три недели введя в строй «Гнейзенау», причем не только отремонтировав повреждения, нанесенные вражескими снарядами, но и проведя профилактику капризной силовой установки, очистку днища и еще кучу незаметных взгляду, но важных работ. «Шархорсту», правда, до момента, когда он сможет выйти в море, предстояло находиться в доке еще минимум два

месяца, и то при условии, что все необходимое будет доставляться в срок, но от этого было никуда не деться. Но все равно, вместе с «карманным линкором» «Адмирал Шеер», модернизация которого была закончена в рекордно короткие сроки, и отремонтированным после полученных в операции «Учения на Везере» повреждений тяжелым крейсером «Адмирал Хиппер» получалась солидная эскадра. «Хиппера» протаранил британский эсминец, но свои тяжелые крейсера немцы строили крепко. Корабль пережил столкновение без фатальных последствий и не только не встал в доки до конца войны, но и вообще отправился туда лишь после успешно проведенного обстрела норвежских батарей.

Колесников предполагал, что работы, во всяком случае, по «Шееру», в разы ускорились благодаря оставшейся незаметной постороннему взгляду накрутке хвостов, проведенной кем-то на букву Г. Впрочем, это его устраивало. Куда хуже было, что однотипный «Хипперу» «Блюхер» отправился во время той операции на дно, а «Принц Ойген» еще не был достроен. Систершип «Шеера» «Лютцов», еще недавно гордо именовавшийся «Дойчландом», тоже застрял в ремонте надолго, словив торпеду с шального британского самолета. В результате сейчас под командованием Колесникова оказались три разнотипных и не слишком подходящих для совместных действий корабля. Увы, выбирать не приходилось, а пилюлю слегка подслащал тот факт, что скорость самого медленного, «Адмирала Шеера», составляла двадцать восемь узлов, что позволяло надеяться на отрыв от британских тяжелых кораблей в случае, если дела пойдут совсем плохо и придется быстро-быстро делать ноги. С другой стороны, восемь орудий калибром двести три миллиметра и пятнадцать одиннадцатидюймовок, не считая среднекалиберной мелочи, давали реальные шансы навалить даже серьезному противнику. В бою с «Ринауном» обошлись меньшим.

Выходить в море ночью, в шторм – удовольствие ниже среднего, требующее недюжинной подготовки экипажей и мастерства командиров. Однако что поделать, шторм давал хоть какой-то шанс незамеченными проскочить мимо вражеских кораблей и вырваться на просторы Атлантики. В мастерстве британской разведки можно было не сомневаться, но если удастся проскочить, то ловить эскадру на океанских просторах даже с помощью новейших радаров будет занятием неблагодарным. Главное, не нарваться на мину – чем дальше, тем больше эти воды напоминали суп с клецками. И, хотя ставили их пока что достаточно аккуратно, частенько мины, особенно старого образца, срывало штормом с якорей, после чего они отправлялись в дальнейшее плавание, угрожая любому, с кем доведется пересечься. Однако на сей раз обошлось без происшествий, и вскоре все три корабля уже резали океанскую волну. Британцы еще не привыкли посылать свои корабли в составе конвоев – что же, тем хуже для них.

В течение суток им удалось перехватить аж четыре транспортных корабля. Правда, к сожалению, не с войсками. Три шли с грузом руды, возвращались из Норвегии, а четвертый, под французским флагом, который непонятно как занесло так далеко на север, и вовсе направлялся в Британию с грузом продовольствия. Рудовозы, как оказалось, перебрасывали туда солдат, а обратно – сырье, вполне логичные действия. Британцы торопились вывезти со складов еще контролируемых ими скандинавских портов все мало-мальски ценное до того, как трофей достанется немцам.

С этими кораблями разобрались просто. Снять команду, по паре снарядов ниже ватерлинии – и все, только пузыри пустили. С четвертым провозились дольше – продовольствие топить оказалось банально жалко. Поэтому, недолго думая, воспользовались опытом «Эмдена». Кое-что перегрузили на корабли. В самом деле, почему бы матросам не порадовать желудки элитными сырами и колбасами, каких они в жизни не пробовали и уже, скорее всего, не попробуют, а господам офицерам не продегустировать новые сорта вин? Остальное, посадив на судно призывную команду и, заодно, всех пленных, отправили кружным путем в Германию. Как выяснилось позже, ценный приз добрался до цели, хотя и с трудом проскочил британские дозоры.

Настоящее веселье началось на следующее утро, когда лоаторы засекли среднеразмерную быстроходную цель, идущую встречным курсом. По всему выходило, что это британский или французский военный корабль, скорее всего, крейсер, хотя, возможно, и эсминец, с местной аппаратурой точнее не скажешь. Возможно, еще и польский, у пшеков оставалось несколько вполне приличных эсминцев, которые после разгрома их псевдостраны ушли в Англию и довольно активно воевали, но это вряд ли. Слишком уж малая вероятность, привычно сформулировал Колесников.

Впрочем, это как раз неважно, чьим бы ни был корабль, ему надо понять, с кем он встретился. А вот немцам понимать ничего не требовалось, друзей в этих водах у них быть не могло. Правда, теоретически здесь можно было столкнуться еще и со шведским кораблем. Эти нейтралы, де-факто поддерживающие Германию, тем не менее, предусмотрительно делали ставку и на наших, и на ваших, так что поделиться с Британией информацией могли запросто. Однако шведский флот маленький и далеко от своих берегов старается не отходить, поэтому такую вероятность также можно оставить за скобками. В общем, надо топить, а кого – потом разберемся.

Германские корабли не увеличивали ход практически до момента, когда стало возможно визуальное обнаружение цели, после чего дали полный ход. Колесников не без основания полагал, что чужому кораблю для бегства (а другого варианта у противника и не было, бой с тремя тяжелыми кораблями – самоубийство) потребуется время на разворот. Развернуть же эсминец, а тем более крейсер, хотя они и считаются маневренными, дело не такое уж и простое. Стало быть, есть шанс накрыть его артиллерией, сбить ход и, сблизившись, утопить. Именно сблизившись – бить с дальней дистанции с нынешним уровнем точности артиллерийского огня занятие неблагоприятное. Стало быть, догнать и утопить, а потом быстро сваливать и, желательно, в родной порт – чужой корабль наверняка успеет сообщить о бое, и в океане сразу же станет неуютно.

Колесников почувствовал легкий озноб. Он словно бы воочию увидел, как разворачиваются британские линкоры, чьи снаряды в три раза тяжелее, чем у его флагмана. Как они стягиваются, охватывая его корабли, и как палуба «Гнейзенау» вспучивается от чудовищных внутренних взрывов, когда бронебойные снаряды британцев, проткнув палубу, взрываются, разнося нежное корабельное нутро. Нет уж, нет уж. Активность продемонстрировали, британцам плюх накидали, пора и честь знать. А тонуть из-за чьих-то запредельных ожиданий он не нанимался. Жаль, сейчас не отвернуть – не поймут-с... А ему, если он хочет и впрямь влиять на ход событий, надо лезть на самый верх, делая себя незаменимым. То есть – побеждать!

Пары к моменту начала атаки были подняты до максимума, но все равно, он физически ощущал, как медленно, с усилием набирает ход бронированная громада «Гнейзенау». «Адмирал Хиппер» разгонялся немногим быстрее, а вот «Шеер» вырвался вперед. Его дизеля хотя и не обеспечивали такой же максимальной скорости хода, как у более новых кораблей, зато позволяли почти моментально выдавать полную мощность и, соответственно, выходить на максимальные обороты намного быстрее. Сейчас это обстоятельство оказалось весьма кстати.

Британцы замешкались совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы носовая башня «Адмирала Шеера» начала пристрелку. Сейчас было не до экономии снарядов, главное – зацепить, потому что опознать британца удалось, и полученная информация хоть и внушала оптимизм, но какой-то очень уж осторожный.

Легкий крейсер типа «Линдер». Какой именно? Да пес его знает. Британцы успели только для себя наклепать пять штук, да еще и своим доминионам что-то подобное поставили. Два таких корабля, правда, при активной поддержке тяжелого крейсера, не так давно разделились со «Шпее». Неплохие корабли, не новые и не старые, постройки начала тридцатых годов. Восемь шестидюймовок в четырех орудийных башнях плюс от четырех до восьми орудий стандартного для британцев калибра сто два миллиметра. Водоизмещение чуть менее десяти тысяч

тонн, броня... Да какая там броня, от силы три с половиной дюйма, да и то лишь на погребах, ну и три дюйма палубы. Все остальное вообще бумага, пальцем проткнуть можно, а значит, пара хороших попаданий – и все.

Слабая защита – это, несомненно, плюс. А вот скорость – это уже минус. Даже самого быстроходного в эскадре Лютенса «Адмирала Хиппера» «Линдеры» превосходили на пол-узла. Немного, конечно, но когда речь идет о жизни, каждая соломинка может оказаться решающей. Даже такая вроде бы тоненькая.

Тем не менее, тридцать два с половиной узла – это парадный ход на испытаниях. Машины корабля наверняка изношены, и днище хоть немного, да обросло. Немецкие корабли тоже не вчера со стапеля – зато неделю как из дока, а значит, шанс догнать имеется. Хотя бы у «Хиппера», но для британца хватит и его одного. Ну и плюс, сейчас не шторм, но балла четыре еще есть. Для тяжелых кораблей меньше, чем ничего, для более легкого британца – уже хуже. Нет, есть шансы, есть, думал Колесников, стоя на мостике и не обращая внимания на пронизывающий до костей ветер.

Время шло. Орудия медленно отстающего «Адмирала Шеера» тяжело бухали, своей пунктуальностью напоминая метроном. Пока безрезультатно, если даже и были попадания, то их с немецких кораблей не заметили, и скорость британцу сбить пока не удавалось. На самом деле одно попадание все же было, но бронебойный снаряд попал в небронированную надстройку, пробил ее насквозь и бессильно зарылся в волны. Неприятно, однако на боевых качествах корабля аккуратная круглая дырка не сказалась совершенно. В ответ британцы вели огонь из четырех кормовых орудий, однако на такой дистанции попасть в цель из шестидюймовки можно разве что случайно. Да и вряд ли даже в случае успеха такому снаряду удалось бы проломить броню «карманного линкора». А раз так, оставалось лишь подгонять механиков, требуя от них выжать еще хоть немного, и ждать результата.

Наконец «Адмирал Шеер» окончательно отстал, не только от британского крейсера, но и от своих более совершенных товарищей. «Гнейзенау» пока что вроде бы удавалось держаться, а вот «Хиппер»... Колесников присмотрелся – ну да, точно, тяжелый крейсер медленно, но верно догонял британский корабль. Ну, в принципе, и все. Если в ближайшее время не случится ничего экстраординарного, вроде британского линкора, подоспевшего на помощь орущему на всех волнах эфира незадачливому товарищу, или аварии в машине, то очень скоро все будет кончено.

Все получилось так, как и планировалось. Рано или поздно баллистика превращается в статистику, и британский крейсер получил наконец первый восьмидюймовый снаряд с «Хиппера». Фугас – кэпитэн цур зее Гельмут Хейе оказался предусмотрительнее своего коллеги с «Адмирала Шеера» – разорвался на палубе британского корабля, сделав относительно небольшую пробоину, зато разнеся вокруг все, до чего дотянулся. В течение следующих десяти минут артиллеристы немецкого крейсера добились еще трех попаданий, выведя из строя одну башню главного калибра, броня которой оказалась совершенно неспособной противостоять германским снарядам. Но главное, скорость британского корабля то ли из-за полученных повреждений, то ли из-за проблем с машинами, начала наконец падать.

Дальше не происходило ничего интересного. Скорее, на взгляд Колесникова, шел объективно необходимый, но неприятный процесс уничтожения практически неспособного защищаться корабля. Вначале «Хиппер», сблизившись с жертвой, без особых усилий выбил ему вторую кормовую башню главного калибра и, похоже, вывел из строя рулевое управление. Потом, легко парировав неуклюжую попытку британского корабля развернуться с помощью машин и ввести в дело носовые башни, окончательно сбил ему ход. Ну, а затем подоспел «Гнейзенау» и, сблизившись с британским крейсером, двумя залпами носовых башен окончательно обездвигил противника и привел к молчанию его артиллерию. Последней точкой стала торпеда с «Хиппера». К тому моменту британский крейсер уже пылал от носа до кормы и был обречен,

но немцы ускорили процесс. Колесникову не хотелось рисковать, слишком долго находясь на одном месте, и он приказал поторопиться.

Ну, поторопиться, не поторопиться, а людей спасать пришлось. К счастью, крейсер – не линкор, экипаж заметно меньше, не дотягивает и до шестисот человек, а после обстрела с немецких кораблей он и вовсе поубавился. И все равно из волн подняли около четырех сотен моряков, многие из которых были ранены. Немцы в этом бою получили два попадания шестидюймовыми снарядами в «Гнейзенау», оба без пробития брони.

После окончания спасательной операции Колесников отдал приказ возвращаться на базу. Откровенно говоря, можно было бы и еще попирагивать, но не хотелось слишком долго испытывать судьбу. Конечно, тяжелые корабли противника на горизонте пока не появились, но мало ли. В спокойную погоду подняли бы в небо самолет и провели разведку, но сейчас такой возможности не было, а значит, можно было и нарваться, особенно учитывая преимущество британских радаров. К тому же Колесников всерьез опасался, что известная своей капризностью силовая установка «Гнейзенау» после нескольких часов гонки может и отказать, причем в самый неподходящий момент, поэтому, отдавая приказ, он не раздумывал. Все, отвоевались.

Однако, как выяснилось, поход был еще не завершен. Утром следующего дня их посетили с визитом британские самолеты, и результат неприятно удивил адмирала. А ведь как хорошо все начиналось!

Утро радовало глаз солнцем и слабой волной и навевало мрачные мысли о том, что сейчас британцы смогут реализовать свое преимущество в авиации. Подумав, Колесников решил поднять в воздух самолет-разведчик, но его приказание запоздало – британцы обнаружили их первыми. Вначале раздался слабый, на грани слышимости, стрекот мотора, а потом сигнальщик доложил об обнаружении самолета.

Маленький темный крестик на фоне неба, казалось, не летел, а еле-еле полз. И, зараза, не собирался улетать, а целенаправленно следовал за эскадрой. Наверняка успел и определить ее курс, и сосчитать вымпелы, и, возможно, идентифицировать участников веселья. При этом он аккуратно держался вне зоны досягаемости зенитных орудий, тем самым заставив Колесникова остро пожалеть об отсутствии в его распоряжении хотя бы плохоньких зенитных ракет.

Впрочем, «спитфайер» висел над ними в гордом одиночестве совсем недолго. Очень скоро он убрался, зато ему на смену пришла дюжина торпедоносцев типа «суордфиш». Откровенно говоря, меч-рыбы, а именно так переводилось название этих самолетов, особого впечатления не производили. С первого взгляда было заметно, что они морально устарели еще десятилетие назад, и ни одна развитая страна, даже Россия, к которой немцы и без нацистов традиционно относились с чувством некоторого превосходства, таких боевых самолетов уже давно не строила. Тихоходные бипланы с неубирающимся шасси, единственным преимуществом которых был короткий разбег, а значит, способность без проблем взлетать с палубы авианосца. Словом, этажерка этажеркой...

Все так, но вот только под брюхом каждой такой этажерки фаллическим символом летчика морской авиации висела торпеда, а Колесников хорошо помнил, что в той, сейчас растворяющейся в небытие истории именно такие самолеты ухитрились остановить «Бисмарк». И повторять судьбу легендарного линкора ему совершенно не хотелось. Под звуки боевой тревоги разбегались по местам орудийные расчеты, и три корабля приготовились к тому, чтобы накрыться от внезапной угрозы куполом из огня и стали. Ну, или попытаться накрыться.

Между тем британские летчики продемонстрировали, что они не только смельчаки (ну да трусы не летают на торпедоносцах), но смельчаки хорошо обученные. Самолеты разделились, неспешно заняли позиции, а затем синхронно атаковали с разных направлений, заставляя немцев распылять свое внимание. Действовали они четко, наверняка подобный маневр не раз отрабатывался и, в конечном счете, принес некоторые плоды.

Как оказалось, зенитных орудий на кораблях стояло совершенно недостаточно, а стреляли немецкие артиллеристы-зенитчики неожиданно паршиво. Снаряды упорно проходили перед атакующими самолетами, бессильно разрываясь в стороне от цели, а «суордфиши» словно заговоренные шли сквозь заполняющие все пространство белые облачка дыма и осколков. А потом эффективность зенитного огня и вовсе упала – корабли принялись отчаянно маневрировать, уклоняясь от сброшенных торпед.

По счастью, единственная торпеда, достигшая цели, не привела к гибели корабля. Хотя выглядело это, конечно, очень эффектно. У борта «Гнейзенау» вдруг поднялся колоссальный пенно-красный сноп воды и пламени – и рухнул, хорошенько облив палубу. Одновременно корабль трянуло, да так, что в рубке никто не устоял на ногах. Оглушенный Колесников, наверное, с минуту мог лишь трясти головой, не слыша почти ничего. В общем, спецэффектов море, а результата практически ноль. Пробойна оказалась очень маленькой и к обширным затоплениям не привела, возникший крен не превышал четырех градусов, но все равно неприятно.

Отработав по немецким кораблям, торпедоносцы развернулись и легли на обратный курс. Вслед им до последнего били зенитки, и один из самолетов все же удалось зацепить. Он вывалился из строя и начал постепенно снижаться, оставляя за собой все более четкий дымный след. Потом от него отделились две темные фигурки, над которыми тут же вспухли белые купола парашютов. Самолет же продолжал держаться в воздухе еще некоторое время, после чего вдруг резко пошел вниз и почти вертикально воткнулся в волны.

– Передайте на «Адмирала Шеера», пускай они подберут летчиков. И пускай обращаются с ними по-человечески – они храбрые люди и заслужили этого.

Голос звучал хрипло, в горле пересохло. Наверное, это был неправильный приказ, все же опять потеря времени. Тем не менее, его команду помчались выполнять бегом, все же авторитет Лютьенса на флоте с недавнего времени был непререкаем. Как же, почти легенда, лучший адмирал германского флота. И, надо признать, ему снова повезло – через пару часов погода вновь начала быстро портиться, и новых атак британских самолетов не последовало. То ли они не могли взлететь, то ли просто не нашли германскую эскадру, резко сменившую курс, но главное, кораблям удалось оторваться, и вскоре они вновь заходили в Кильскую бухту.

– ...Честно говоря, ущерб от твоих действий для англичан небольшой, хотя пропагандистский эффект, несомненно, имеется.

– А что поделать? – Колесников пожал плечами. – Что получилось – то получилось. Нас заставляли обеспечить активность – мы обеспечили. Как смогли, естественно. Большого от нас сейчас требовать не стоит, все же у островитян подавляющий перевес в кораблях.

– Да бога ради, никто же тебя ни в чем не обвиняет, – Редер устало потер виски. – Вышел в море, победил, еще и пленных целую ораву притащил... Говорю же, пропагандистский эффект неплохой. Но в целом поход малоудачен.

– А вот это еще с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Колесников. – Я тут у нашей разведки кое-чем поинтересовался, они поломались, как девочки, но дали.

– И что именно?

– А вот это, – на стол лег девственно белый лист бумаги со всего несколькими цифрами.

– И что это?

– Ничего особенного, всего лишь стоимость страховки морских грузоперевозок. До нашего похода и сейчас. Выросла резко.

– И что?

– Стоимость страховки, – терпеливо, как маленькому, начал объяснять Колесников, – приводит к росту цен на товары. В свою очередь повышается стоимость промышленной продукции и падают доходы населения. Проще говоря, мы увеличиваем инфляцию в Великобри-

тании, одновременно вгоняя их экономику в кризис. А она и так сейчас на ладан дышит. Война. Помнишь, как говорил Наполеон? Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. И, если мы разорим Британию, она сама упадет к нашим ногам.

– А ты прямо делец, – с непонятной интонацией протянул Редер.

– Просто умею думать и считать. И вообще, вспомни, из какой я семьи. Мне прости-тельно.

Ну, а что поделать, Лютьенс по происхождению ни разу не аристократ, а буржуа, сын торговца. Это на флоте не афишировалось, но и секретом не являлось, в особенности между своими. Редер подумал и кивнул:

– Возможно, ты и прав. Хорошо, будем считать, что твой поход удался. Когда планируешь выйти в море в следующий раз?

– Когда у меня под командованием будут оба линкора, – жестко ответил Колесников. – И ни минутой раньше.

– А если прикажут?

– То пускай ищут другого исполнителя, – в тон ему отозвался Колесников. – Распылять силы ради крайне сомнительных успехов – дело гиблое, да ты и сам это знаешь. Нет уж, с двумя полноценными кораблями мы имеем шанс отбиться даже от линкора, а то и сами его раздраконить. Сам помнишь, что было в прошлый раз. А так, как сейчас, чтобы постоянно бояться – нет уж.

– М-да, у тебя за последнее время очень изменились взгляды на жизнь, – протянул Редер. Колесников разом прикусил язык. Вот так-то, сам того не замечая, переносишь свою манеру общения, а другим, тем, с кем бывший хозяин тела общался постоянно, это бросается в глаза. Мысли возникнуть могут... всякие, и не факт, что удастся списать вопрос на контузию. Вслух же он поинтересовался:

– Это плохо?

– Пока ты побеждаешь – хорошо. Но если проиграешь и выйдешь из фавора, тебе все припомнят.

Редер, опытный придворный политик, говорил дельные вещи. Только не в возрасте Колесникова переучиваются, затраты сил не окупаются. Стало быть, остается побеждать.

– Я постараюсь побеждать и дальше, – усмехнулся он. – Если, конечно, мне развяжут руки.

– Ну-ну, – неопределенно отозвался Редер. – Кстати, как тебе удалось столько добиться в Берлине?

– Все та же пропаганда, – Колесников пожал плечами. – Там ведь сидят не дураки и понимают значение наших скромных в масштабе войны побед. Но звучит красиво, и делу дали ход, а заодно продемонстрировали заботу о флоте. Да, кстати, у меня появилась одна мысль.

– Ну-ка? – с интересом поинтересовался Редер.

– Все же наши корабли типа «Дойчланд», на мой взгляд, недостаточно быстроходны. Нужна модернизация. Сейчас вроде бы затишье, в море их выпускать не планируется, так почему бы и не попробовать?

– Вряд ли это получится сделать быстро, да и дорого выйдет. Бюджет флота не резиновый.

– А ты, Эрих, погоди, не обгоняй крейсер. Я прекрасно понимаю эту проблему, но, повторюсь, есть у меня одна бредовая мысль, как попробовать сделать это и быстро, и дешево.

– Излагай, – секунду подумав, разрешил гросс-адмирал.

– Слышал я в свое время то ли байку, то ли легенду, очень похожую, тем не менее, на правду. Есть в России такой кораблестроитель, Крылов. Слышал?

– Слышал, – кивнул Редер. Немудрено, что он так ответил, все же флот, особенно в странах, которые не числят себя великими морскими державами, очень тесный мир, где все так или иначе друг друга знают или хотя бы имеют представление о существовании того или иного

персонажа. – Бывший адмирал Российской империи, пошедший на сотрудничество с большевиками.

– И не прогадавший, – в тон ему ответил Колесников. – Те, кто пошли против, или в Париже таксистами работают, или в земле червей кормят, а он, по слухам, ничего не потерял. Стало быть, умный человек, умеющий заглядывать далеко вперед.

– Ты, я вижу, собирал о нем информацию?

– Специально – нет, но у русских есть хорошая поговорка: слухами земля полнится. Если держать уши открытыми, узнать можно многое, а этот персонаж меня заинтересовал. И есть про него легенда, что однажды, то ли на французских, то ли еще на чьих-то верфях его спросили, почему новый корабль не выдает проектной скорости. Он взял мел, провел на лопастях винта линии и сказал, чтобы укоротили по его отметкам. Это было сделано, и корабль выдал ход даже больше расчетного. Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Понимаю, не дурак, – Редер на миг задумался. – Ты хочешь сказать, что этот человек может быстро, одним-двумя решениями и практически без затрат выдать необходимый нам результат?

– Не уверен, но... кто сказал, что нет? Попробовать, во всяком случае, можно. Да и потом, он ведь не один такой. У русских не слишком много рабочих с достаточной квалификацией и не самый лучший станочный парк, но школа у них весьма недурна.

– Можно, – с сомнением в голосе отозвался гросс-адмирал после недолгой паузы. – Вот только как к подобному отнесутся на самом верху? К русским у них отношение весьма предвзятое.

– Наверху, несмотря ни на что, хватает циничных прагматиков. А русских официально в качестве врага никто не рассматривает. Да и потом, разве может человек, выдающий такие решения, быть русским? Он может быть только немцем... или, хотя бы, иметь в предках немцев.

– Интересно, – Редера, похоже, его последний пассаж развеселил. – Ну что же, я не против, попробуй. В конце концов, в рейхе есть специалисты, которые докажут что угодно. Тем более про Россию, где немцев всегда хватало, а вот архивов – нет. Но пробивать будешь сам, твоя идея – тебе и отдуваться.

Ну что же, ход мыслей, вполне приличествующий любому бюрократу. Получится – он поймет с этого свою долю, как вовремя заметивший перспективу и оказавший всемерную поддержку. Ну а не получится – стало быть, он и слыхом не слыхивал об этой аванюре. Что же, таковы правила игры, не мы их изобрели – не нам их и ломать, тем более что полвека спустя все будет точно так же. Колесников медленно кивнул и сказал:

– Мне нужна будет командировка в Берлин.

На этот раз он ехал на поезде. Можно было, конечно, и самолетом, но, во-первых, ехал Колесников не по вызову, а просто в командировку. Соответственно о месте в самолете пришлось бы просить, а быть кому-то должным лишний раз не хотелось. Во-вторых, ему хотелось посмотреть на Германию не через призму памяти Лютьенса, а своими глазами. Ну и, в-третьих, можно было не торопиться, все равно сейчас проблемы флота отходили на второй план. Во Франции началась заваруха. «Странная война», когда немцы и французы сидели в окопах друг напротив друга с категорическим приказом не стрелять, периодически устраивая совместные офицерские посиделки и даже футбольные матчи, наконец закончилась. Закончилась резко, да так, что никто, ни с той, ни с другой стороны линии фронта, этого не ожидал. Соответственно, все пребывали сейчас в обалдении, кто радостном, а кто не очень.

Колесникова, откровенно говоря, проблемы французов не волновали вовсе. Будучи самую малость националистом, он не любил «галльских петухов», считая их хамами семитской наружности. Может быть, в этом времени они и отличались, но он очень сомневался, и то,

как немцы их громили, подтверждало его мнение. А вот самим немцам можно было только поаплодировать.

Насколько он мог судить, опираясь на свои неполные и частично забытые знания, процесс развивался так же, как и в его времени. Немцы, вместо того, чтобы тупо ломиться через линию Мажино, теряя людей, время и силы, нанесли удар по странам Бенилюкса, одновременно одним лихим наскоком выводя из войны и оккупируя Голландию. Танковые дивизии прорвались через считающиеся непроходимыми для тяжелой бронетехники Арденны и сейчас стремительно развивали наступление. А французская армия вместе с британским экспедиционным корпусом быстро теряла боеспособность и в панике отступала, бросая технику и вооружение. Фронт, и без того не имеющий сплошной линии, разваливался на глазах. Вот-вот произойдет чудо под Дюнкерком, и сейчас Колесников думал, стоит ли как-то сыграть на этом послезнании, и если стоит – то как?

Ну а пока он наслаждался неспешной ездой, хотя раньше терпеть не мог поезда. Все перевесили удобный вагон, совершенно не похожий на детище родных РЖД, и пасторальные пейзажи за окном. По этим полям еще не прошли танки, и самолеты не высыпали на них тысячи тонн бомб. Все еще впереди, хотя – кто знает?

А еще в поезде был вагон-ресторан, где повара, не избалованные благами цивилизации вроде микроволновок, тем не менее, ухитрялись кормить и вкусно, и сытно. И шел поезд с невероятной пунктуальностью, прибывая на станции и отходя от них даже, кажется, не минута в минуту – секунда в секунду. И вышколенный персонал... Словом, поездка оказалась недолгой, но ему понравилась.

Как оказалось, в Берлине о нем помнили. Иначе как объяснить тот факт, что знакомый «хорьх» и знакомый лейтенант оказались именно там, где нужно? И вот они уже едут в ту же самую гостиницу, уютное гнездышко для военных чинов в неплохих званиях, но не в первом ряду. И даже тот факт, что Гиммлер уже назначил ему аудиенцию на вечер следующего дня, особого удивления не вызвал. В конце концов, о его командировке было известно, и догадаться, что самый знаменитый на сегодняшний день адмирал Германии едет в Берлин не только с целью инспекции столичных борделей, труда не составляло. А Гиммлер – не дурак и наверняка оценил, что адмирал сдержал данное слово и сумел-таки повернуть пусть небольшую, но успешную военную операцию. Ну что же, это радует.

В гостинице ничего не изменилось, его даже поселили в тот же номер, что и в прошлый раз. Единственно, народу почти не было – все правильно, нечего им в тылу прохлаждаться, все на фронте. Однако на чистоте простыней это не сказалось и на обслуживании в ресторане тоже. И певичка та же самая. Как ее? Елена? Хелен. Именно так. И она адмирала тоже узнала. И от приглашения прогуляться вечером, благо погода была великолепной, тоже не отказалась.

Честно говоря, Колесникова слегка мучили угрызения совести. Все же Лютьенс был женат, имел детей... С другой стороны, жена адмирала далеко, не в Берлине и не там, где мужу приходится героизировать. Он как попал сюда – так еще ни разу ее не видел. Да и потом, он же ничего противозаконного не делает – так, гуляет и разговаривает. Имеет, в конце концов, адмирал право не только жизнью рисковать, а в промежутках кучей бумаг заниматься? Поэтому, успокоив совесть и плюнув на то, что по местным, без малого пуританским меркам такая прогулка с трудом вписывается в рамки приличий, он посвятил вечер отдыху и восстановлению нервной системы.

Хелен, кстати, в качестве собеседника оказалась куда интереснее, чем ему показалось в прошлый раз. Во всяком случае, не дура, как многие женщины, встречавшиеся в жизни и Колесникова, и Лютьенса. И ее ресторанная подработка – это так, чтобы было, что на зуб положить. Кушать-то хочется, и, желательно, каждый день, да еще и не по разу. А так – студентка, как раз заканчивающая университет, будущая журналистка, гордая тем, что ее статьи даже

иногда печатали в какой-то небольшой газете. Платили за них, правда, сущие гроши, но все же какой-никакой повод для самоуважения это давало.

Вот тут Колесников и сделал ошибку. Не то чтобы серьезную, но все же ставящую и без того короткий отдых под вопрос. Шутки ради предложил девушке сделать про него репортаж. В конце концов, маленькой заштатной газетке эксклюзивное интервью с человеком, чье имя недавно прогремело на всю страну и еще не успело забыться, – это о-го-го! И ухитрившаяся проверить это молодая журналистка однозначно будет в шоколаде. Думал, засмущается и откажется. Вот только Хелен шутки не поняла, руками и ногами ухватившись за эту идею. Пришлось отдуваться, хотя, с другой стороны, это в будущем могло оказаться полезным. Адмирал хорошо помнил опыт и лорда Фишера, и генерала Кастора. Оба они смогли обеспечить свой взлет еще и благодаря тесным связям с прессой, так что стоило это учесть, и небольшой пиар в будущем мог вполне пригодиться. Ну а что перед ним не светило журналистики, а всего лишь девчонка, слегка напуганная ответственностью и ободренная перспективами, – так ведь надо с чего-то начинать. В конце концов, если у тебя нет пиар-менеджера, то стоит его воспитать.

В маленьком ресторанчике на берегу реки Шпрее они сидели до полуночи. Остальные посетители давно разошлись, и ресторатор уже несколько раз намекал им, что пора бы и честь знать. Вот только Колесников на его намеки внимания не обращал, а в открытую хоть что-то высказать человеку в столь высоком звании хозяин заведения не рискнул, все же чинопочитание у немцев на высоте. Нехорошо, конечно, но открытых заведений поблизости не наблюдалось, а альтернативой было отправиться в номер к самому адмиралу или, как вариант, к Хелен, которая мало того, что жила далеко, так еще и снимала квартиру вместе с подругой. В общем, оба расклада выглядели для девушки максимально компрометирующими, а Колесников все же был джентльменом.

Составлять вопросы для интервью им пришлось совместно. Хелен все-таки была пока еще студенткой, и имеющийся в ее очаровательной головке довольно приличный багаж теоретических знаний практикой не подкреплялся. С другой стороны, Колесников, даже будучи человеком, в жизни не бравшим и не дававшим интервью, попал сюда из века с крайне насыщенным информационным пространством. Соответственно поневоле читал и слушал таких интервью немало, да и что делать на пенсии? И составляли там вопросы-ответы люди, на порядок подготовленнее местных газетчиков. В голове что-то да отложилось, так что в результате их вечерних бдений родилось вполне пристойное интервью, которое девушка завтра же с утра собиралась отнести редактору. Ну, вот и ладушки, только пускай она придумает душещипательную историю о том, на какие жертвы пришлось пойти и чего ей это стоило. Колесников, не откладывая дела в долгий ящик, озвучил Хелен эту мысль, но помогать не стал, с ехидной улыбкой посоветовав заняться самой. В общем, вечер прошел интересно.

Встреча с Гиммлером прошла в очень будничной атмосфере. Рейхсфюреру и впрямь было сейчас не до проблем флота, пускай и ставшего вдруг победоносным. Все же, хотя он и не был связан с армией напрямую, на Гиммлере все равно держалось немало. Единственно, мысль насчет русских специалистов и вариант с ее оправданием через расовую теорию вызвала у него определенный интерес. Обещал подумать – ну что ж, тоже хлеб. И, уже когда короткая аудиенция подходила к концу, адмирал выдал:

– Я тут провел некоторые расчеты. По моему мнению, в ближайшее время британцы попытаются эвакуировать остатки своих войск, скорее всего, через Дюнкерк. Наш флот и без понесенных потерь не смог бы их остановить, и организовать полноценную завесу из подводных лодок тоже вряд ли получится. Их у нас слишком мало...

– Наша разведка говорит о другом маршруте.

– Возможно, – пожал плечами Колесников. – И все же, я думаю, стоит привести люфтваффе в повышенную боеготовность. У меня нет выходов на Геринга, он нас не слишком жалует.

Гиммлер фыркнул. Тоший Герман был в вечном соперничестве с флотом из-за топлива, поэтому он мог бы выслушать Лютьенса-человека, как и он сам, храброго бойца, но не стал бы прислушиваться к советам Лютьенса-адмирала. Однако по тому, как свернулся разговор, Колесников понял – из-за предчувствий какого-то адмирала никто напрягаться не станет. Ну что же, может, оно и к лучшему.

Двадцать шестого мая одна тысяча девятьсот сорокового года началась Дюнкерская операция, в которой британский флот и авиация проявили героизм и отменную выучку, несмотря на тяжелейшие потери вывезя с территории Франции свыше трехсот тысяч британских и французских солдат.

Пятого июня адмирал Лютьенс был вызван в Берлин. Шестого июня он уже стоял навывтяжку перед Гитлером и, как и положено, ел глазами начальство. Сейчас должно было стать понятно, ждет его карьера или проблемы. Верить хотелось в первое, но готовиться приходилось ко второму.

Фюрер всея Германии выглядел раздраженным. Настолько, что воздух вокруг него буквально искрил. С Лютьенсом он поздоровался ровным голосом, но движения его при этом были резкими, дергаными. В общем, классическая картинка на тему «шеф не в духе», а стало быть, попасть под раздачу можно запросто.

В огромном кабинете, заставляющем вспомнить Фрейда и его комплексы, находились еще трое – Гудериан, с которым Лютьенс был шапочно знаком, Гиммлер, вроде бы холодно-бесстрастный, но при этом чем-то неуловимо похожий на довольного кота, и Геринг. Последний больше всего напоминал собаку, которой отвесили хорошего пинка, и даже, кажется, похудел. Правда, это, скорее всего, был обман зрения – все же нарушение обмена веществ, являющееся последствием тяжелого ранения, не позволяло сбросить вес в короткие сроки. Тем не менее, на фоне Гиммлера и плохо скрывающего раздражение под маской бесстрастия Гудериана командующий люфтваффе смотрелся откровенно жалко.

– Итак, Генрих, это и есть ваш провидец? – поинтересовался Гитлер. Дурацкая манера, как будто и без дополнительных вопросов не знает, кто перед ним и зачем вызван.

– Именно так, мой фюрер. Адмирал Лютьенс точно предсказал место проведения операции противника и выдал рекомендацию, которая руководством нашей авиации не была принята во внимание. Последнее привело к провалу наших усилий во Франции и позволило британскому флоту провести эвакуацию своих войск из Дюнкерка.

Во как на бюрократическом языке-то чешет, аж завидно. Однако стоит учесть, что угодили вы, милейший адмирал, в самый центр большой интриги и межведомственной разборки. Похоже, Гиммлер все же не пропустил тогда его слова мимо ушей, довел их до соперника за место возле шефа... И наверняка сделал это самым небрежным тоном, еще и со смешком, показывающим отношение к мнению недалекого моремана, полезшего в чужие дела. Профана, который разбирается в армейских, а тем более воздушных делах куда хуже, чем свинья в апельсинах. А сейчас, когда предсказания сбылись, разводит руками и говорит «ну я же предупреждал». И выходит, что Геринг, отхватив свою порцию неприятностей, на всю жизнь запомнит, кому ими обязан. И наверняка это будет не Гиммлер. Ой, как плохо-то...

– Хорошо. Адмирал, как вы объясните свои выводы? – Гитлер смотрел на него с интересом. Он, по слухам, вообще с нездоровым пристрастием любил всякую мистику. Что же, чуточку разочаруем его, но – совсем немного.

– Мой фюрер, там все изначально было ясно. Зная характер того, кто командовал наступлением, – вежливый кивок в сторону Гудериана, – его мастерство, приблизительные характеристики германской техники и возможности наших противников как солдат, вычислить место, где французов прижмут к морю, несложно. Достаточно взглянуть на карту – а у нас хорошие карты.

– Откуда же вы так хорошо разбираетесь в сухопутной технике? – интерес Гитлера не угас, а, напротив, разгорелся.

– Случайность. Буквально накануне я имел разговор с очень грамотным специалистом, который неплохо растолковал мне, что могут и чего не могут танки. Как и любой моряк, я по роду службы вынужден разбираться в технике, поэтому мне не составило труда его понять.

Гитлер повернулся к Гиммлеру, шевельнул бровью. Тот быстро кивнул:

– У адмирала состоялся разговор с генерал-майором Роммелем.

– Очень хорошо. Продолжайте, адмирал.

– Да, в общем-то, и все. Зная место и понимая, что удержаться там ни британцы, ни, тем более, французы не смогут, я рассматривал два варианта. Что наши войска уничтожат их и что окружают и заставят сдаться. Первый вариант выглядел слишком рискованным, поскольку танки, входя в зону действий корабельной артиллерии, абсолютно беззащитны. Даже в случае успеха действия в таких условиях чреваты большими потерями. А я знаю, что наше командование бережет людей.

Насчет последнего он, конечно, загнул, но Гитлеру понравилось. Он кивнул, рефлексивным движением коснулся единственной награды на своем кителе, солдатского железного креста, и, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно, выдал:

– Вот именно. Я провоялся в прошлую войну от первого до последнего дня простым солдатом и знаю, каково это. В отличие от многих наших генералов, так и просидевших в уютных штабах. И я знаю, что вы разделяете мое мнение. Продолжайте, адмирал.

Вот оно как. Значит, информация о том, что было сказано тогда в боевой рубке, уже дошла даже сюда. Хорошо осведомители работают. А еще хорошо, что его слова понравились Гитлеру.

– Исходя из вышесказанного, я пришел к выводу, что противника будут стараться вынудить сдаться. Также я знаю, что британцы вряд ли на это пойдут. Сама по себе потеря такого количества солдат оставляет их метрополию практически беззащитной в случае высадки нами даже незначительных сил десанта. Поэтому я просто поставил себя на место их адмиралов и пришел к выводу, что при очевидной слабости германского флота можно обеспечить вывоз хотя бы части войск. Что и было ими проделано. Очень рискованный вариант, но у них просто не оставалось выбора.

– Именно так, – задумчиво кивнул Гитлер. – Именно так. Может быть, в таком случае, вы объясните нам, почему наши доблестные люфтваффе, – резкий кивок в сторону дернувшегося, как от удара, Геринга, – не смогли этому ничего противопоставить, хотя обещали нам, что смогут обеспечить безусловное господство в воздухе и пресечь любое хамство британского флота в зоне досягаемости нашей авиации?

– Могу только предположить, – вежливо наклонил голову Колесников.

– Предполагайте. Нам интересно выслушать ваше мнение.

– Я считаю, что дело здесь не в каких-либо ошибках командования, – Колесников уловил на себе удивленно-недоверчивые взгляды собравшихся. Просто удивленные – Гитлера и Гудериана, с толикой надежды – Геринга, и слегка раздосадованный – Гиммлера. Похоже, отступить было уже поздно, надо гнуть свою линию. – Все дело в том, что наша авиация воюет. Очень хорошо воюет, оказывая, в первую очередь, достаточно эффективную поддержку наземным частям, – Гудериан согласно кивнул, – да и мы к летчикам каких-либо серьезных претензий не имеем.

Здесь он, конечно, покривил душой – о грызне между флотом и авиацией за ресурсы в Германии не знал только ленивый. Однако же это вполне вписывалось в рамки обычного соперничества, а потому было принято Гитлером достаточно благосклонно.

– Наша авиация воюет, – продолжал Колесников. – Обеспечивает нам победу. А самолетов у нас не то чтобы очень много. Хотелось бы больше... И в результате наши пилоты совер-

шают по нескольку боевых вылетов в день. Перегрузки же в воздушном бою, как я слышал, серьезные. День можно выдержать, два, но несколько недель? Я поражаюсь выносливости и боевому духу наших летчиков. Однако всему есть предел. Люди устают, техника изнашивается. И данное обстоятельство не было учтено в полной мере. Только вот вина в том не командования, а наших врачей, которые все еще не смогли толком определиться, сколько могут выдерживать летчики без потери боевой эффективности, а сколько нет.

Геринг кивнул благодарно. Гитлер, внимательно слушавший, усмехнулся:

– У британцев должны быть схожие проблемы.

– Отнюдь. Насколько мне известно, островитяне и здесь схитрили и предали. Вместо того чтобы бросить все силы на прикрытие войск, своих и французских, они придержали авиацию, предпочли сохранить силы ценой гибели французских солдат. И в нужный момент просто выложили этот козырь. Обороняться же легче, чем нападать. Вместе с корабельными зенитками они смогли отбиться, вот, собственно, и все.

– Весьма... исчерпывающий анализ, адмирал. Что же, благодарю, вы можете идти. Хотя... Что вы скажете насчет того, чтобы принять командование кригсмарине?

А вот этого не надо. Здесь могут сожрать просто так, из любви к искусству. Да и Редер обидится, что плохо. А Дённиц, который не без основания будет считать, что его обошли, с его поддержкой запросто скovyрнет новоявленного командующего. С учетом нынешних реалий это может и концлагерем обернуться. Так что на фиг, на фиг.

– Простите, мой фюрер, но я не считаю это хорошей идеей. Административная деятельность и долгосрочное планирование у меня получаются не очень хорошо. Мое место в бою.

Получилось чуточку напыщенно, но Гитлеру, самому не чуждому театральным эффектам, понравилось. Повернувшись к остальным, он указал рукой на Колесникова и выдал:

– Вот он, истинный ариец. Рожден для битв и побед. Благодарю вас, адмирал, вы оправдали мои ожидания...

Уже на улице Вальман передал, что Гиммлер просит его задержаться. И когда успел узнать? Вроде бы не выходил из машины. Тем не менее, пришлось подождать. Впрочем, не так уж и долго, через какие-то полчаса рейхсфюрер вышел на улицу, сделал адмиралу недвусмысленный знак и направился к своей машине – шикарному черному «мерседесу». Пришлось следовать за ним. Через несколько минут они уже неспешно катились по улицам Берлина. Машина Колесникова дисциплинированно держалась позади.

– Однако же, вы дипломат, – заговорил наконец Гиммлер после недолгого молчания. – Даже не ожидал. И вы понравились фюреру, адмирал.

«Ми-илай, – с трудом сдержав усмешку, подумал Колесников. – Да поработал бы ты в нашем институте, поучаствовал бы в подковерных войнах. Тебя бы там походя сожрали, как котенка. Если интриги мелкие, это еще не значит, что их крутить не умеют. Станешь тут дипломатом...»

Вслух же он сказал только:

– Благодарю.

– Признаться, у вас хорошо получилось. Случайно оказаться в центре большой интриги и выйти из нее не только не испортив ни с кем отношений, но и заставив кого-то считать себя обязанным... Геринг долгов не забывает.

Вообще-то, да. Колесникову приходилось об этом слышать. Действительно, добро командующий люфтваффе помнил хорошо. Вплоть до того, что спасал евреев, которым считал себя всерьез обязанным. В нынешней Германии это иногда тянуло на эпический подвиг. Тем не менее, он не стал комментировать, просто кивнул.

– Только хочу вас предупредить. Вы удачно выстрелили, причем не раз, но любой стрелок может промахнуться. К вашим словам фюрер, вполне вероятно, будет теперь прислушиваться. Не хотелось бы, чтобы какая-то ваша ошибка пошла во вред Германии.

– Не волнуйтесь, – криво усмехнулся адмирал. – Я не идиот и вряд ли буду иметь желание совершать какой-либо ответственный поступок, не посоветовавшись предварительно с человеком, который, несомненно, лучше меня владеет ситуацией. И повторять ошибки Рема я не хочу.

Вот такой тонкий намек на толстые обстоятельства. Гиммлер понял все как надо и кивнул:

– Я рад, что мы нашли общий язык, адмирал. Теперь скажите мне, чего вы хотели бы.

Угу. Думает, что в качестве закрепления сделки Лютьенс себе какую-нибудь виллу потребует. А вот обломись.

– Выжить.

– Поясните мысль.

– Я хочу остаться живым в этой войне. А чтобы остаться в живых, надо победить, иначе враги нам припомнят все свои поражения и перевешают на фонарях. А чтобы победить, нужны соответствующие инструменты. Танкисту нужен танк, летчикам – самолет. Мне нужны корабли.

Кажется, ему все же удалось удивить главного эсэсовца. С минуту он раздумывал над его словами, потом неуверенно произнес:

– Мы, кажется, уже говорили насчет авианосца... И потом, насколько я знаю, скоро в строй будут введены два новых линкора. Гораздо мощнее английских.

– Этого мало, – наглеть, так по-крупному, решил Колесников и принялся развивать успех. – Один авианосец погоды не сделает. Он хорош, если потребуются прикрывать эскадру, идущую в рейд. Без этого каждый выход в море будет подобен русской рулетке. В последний раз британский самолет угодил мне в борт торпедой. Ощущения... малоприятные. Но оборонной войну не выиграть, а для наступательных операций одного авианосца мало. И двух линкоров тоже недостаточно, тем более, у меня большие сомнения в том, что они реально окажутся сильнее британских. Все же островитяне умеют придержать в рукаве парочку тузов, а разведка наша далеко не вездесуща. И, откровенно говоря, мне кажется, что ведомство Канариса слишком часто допускает ошибки.

– Возможно, так и есть, – задумчиво ответил Гиммлер. – Возможно. Однако я не могу понять, как можно исправить ситуацию. Насколько мне известно, новые корабли строятся долго.

– Скажите, вы верите моим прогнозам?

– После того, что вы мне сказали в прошлый раз? Скорее да, чем нет.

– Тогда давайте подумаем вместе. Дни Франции сочтены. Так?

– Так.

– Что будет дальше? Подозреваю, вряд ли наши войска будут захватывать всю ее территорию. Это просто не нужно. Скорее всего, будет взята лишь территория, необходимая Германии. Удобные для нас морские порты, промышленные районы, несомненно – Париж. Остальная часть получит формальную независимость, во главе будет человек, полностью лояльный Берлину. Я... сильно ошибаюсь?

– Пока что ваши выкладки, адмирал, совпадают с планами генштаба, – глаза Гиммлера за стеклами очков нехорошо блеснули. – Вы слишком хорошо умеете анализировать.

– Иначе не смог бы воевать. Просто скажите мне, что будет с французским флотом?

На сей раз Гиммлер думал долго. Потом вздохнул:

– Не знаю. Такие решения принимает лично фюрер.

– Предположу, что у нас несколько вариантов. Или их флот оказывается в наших руках, и тогда мы получаем то, что нам нужно. Или они разбегаются, кто в нейтральные порты, кто к нашим врагам. Или они остаются у французов. Два последних варианта крайне нежелательны.

– Второй – понятно. А почему нежелателен третий?

– Да потому, что в этом случае британцы попытаются их уничтожить. Им будет плевать, что еще вчера они сражались с французами плечом к плечу. Они просто испугаются, что французские корабли рано или поздно окажутся у нас. А потому они заблокируют их флот в какой-нибудь бухте и расстреляют. Опыт у них имеется, они так поступают со времен Нельсона. А мы лишимся хороших кораблей, потому что даже если их просто выведут из строя, то восстановить до конца войны уже не получится. Даже к нашим докам перегнать не сможем – утопят по дороге. Так что будут они стоять и ржаветь до самого конца войны. И мы лишимся эффективного инструмента воздействия на британцев... да и на всех остальных.

– Понятно, – Гиммлер медленно кивнул. Сейчас он выглядел невероятно усталым, заметно старше своих лет. – Вы очень логично рассуждаете. Я доложу ваше мнение фюреру.

– Благодарю.

– Каковы ваши планы? Я к тому, что вам совсем необязательно возвращаться к своим кораблям завтра же, насколько мне известно, какое-то время они еще постоят в ремонте. Можете перевести дух, отдохнуть. Тем более, фюрер, возможно, захочет встретиться с вами еще раз, так что я бы вам порекомендовал задержаться на пару дней.

– Возможно, вы и правы. Но я так далеко не заглядывал. Подумаю. Скорее всего, наконец отосплюсь. Может, схожу в театр...

– Это правильно. И, кстати, я слышал, что вы оказываете знаки внимания некой особе. Не волнуйтесь, это дело житейское, и ничего противоестественного в происходящем нет, хотя ее происхождение и вызывает некоторые сомнения. Но рекомендую, если появится необходимость, не тащить ее в гостиницу. Вот, – в руке Гиммлера как по волшебству материализовалась связка ключей. – Это от квартиры в Берлине, вам ее покажут. Там в определенных случаях удобнее, чем в отеле.

И наверняка микрофон даже в унитазе, причем не один, подумал Колесников. Впрочем, кто сказал, что в гостинице их нет?

– Благодарю вас.

– Пустяки, – махнул рукой Гиммлер и довольно улыбнулся.

– Тогда разрешите вопрос?

– Разрешаю.

– Скажите, почему вы приставили ко мне Вальмана? Спору нет, мальчишка хорош, но для ответственного дела кажется молодым, а для чего-то мелкого звание великовато.

– Лейтенант – сын моего хорошего знакомого, – просто ответил Гиммлер. – Он... погиб. Давно. Я оказал Петеру небольшую протекцию. Задание ответственное, но спокойное, как раз набраться опыта, а дальше уж как себя покажет. Тем более, подготовлен неплохо, служил в десантных частях.

Колесников понимающе кивнул. Все правильно, кому еще помогать, как не своим? А раз так, пусть его, вреда пока что нет, кроме пользы. Гиммлер внезапно рассмеялся:

– Вы представляете, недавно он был оскорблен в лучших чувствах.

– Это как? – удивился Колесников.

– Он пытался поухаживать за вашей... дамой. И был жестоко послан с использованием русских слов. Каких – я не знаю, но, подозреваю, тех, которые все еще иногда использует Быстрый Гейнц. А он их нахватался как раз в России. Так что не говорите, что у вас с ней ничего нет...

На том они и распрощались.

В этот вечер Хелен не пела. Это почему-то неприятно задело, хотя, с другой стороны, оно и к лучшему. Все же день выдался даже излишне насыщенный, и нервы стоило лечить. Да хотя бы даже коньяком. Впрочем, уже после второго бокала Колесников почувствовал, что его «повело». Мысли стали легкими и в то же время какими-то вялыми, появилось легкое

головокружение. Не-ет, батенька, устали вы, пора и честь знать. Примерно такие мысли витали в его голове, когда он поднимался к себе в номер. И вырубился он мгновенно, провалившись в сон, будто в глубокий омут. Так, что на краткий миг, когда грань между явью и сном становится неощутима, почувствовал даже мимолетный страх, но осознать его не успел – выключился.

Зато утром, едва Колесников успел надеть китель, как в дверь забарабанили, и уже через секунду в нее буквально влетела Хелен. Очень красивая, радостная, слегка растрепанная, в легком, по случаю теплой погоды, платье. Колесникову пришло на ум, что вот она, разница между чопорными до оскомины немками и русской, пускай и рожденной здесь. Впрочем, может статься, это накладывала отпечаток выбранная профессия.

Что ее поведение выпадает за рамки приличия, девушка сообразила, только оказавшись в его номере. Или изобразила, что только здесь... Хотя нет, чтоб так играть, надо быть гениальной актрисой. Уж ставший вдруг отчаянно-красным цвет лица точно не изобразишь. Вон, кончики ушей горят – хоть сигарету прикуривай. Очевидно, сообразив, что он отлично видит ее смущение, она покраснела еще сильнее и попыталась сделать книксен. Запуталась в собственных ногах и чуть не упала. Это выглядело настолько естественным и комичным, что адмирал не смог сдержать улыбку:

– Хелен, пожалуйста, не делайте больше так. А не то я умру или от смеха, или от смущения. Германия не простит вам такого жестокого убийства героя.

Получилось. Во всяком случае, прогнать ее смущение и заменить его на здоровый смех, он точно смог. День начинался отлично.

Эти лишние трое суток в конечном итоге превратились в полноценную неделю и пролетели, как небольшой отпуск. Он гулял с красивой девушкой по улицам старинного, еще не превращенного бомбами в руины города, сидел в маленьком уютном кафе, выезжал на природу... В театр, опять же, сходили. Разумеется, билетов достать было невозможно, однако лейтенант Вальман тут же все устроил. Словом, просто замечательно. Колесников не отдыхал так со времен собственного студенчества. Правда, было две разницы. Тогда он смотрел в рот случайно попавшим в их компанию знаменитостям вроде приезжавших с лекциями полярников, а сейчас, когда Хелен затащила его в свой университет, сам оказался в роли такой знаменитости. Ну и все же его молодость пришлась на период бунтарства и новых веяний, здесь же народ выглядел куда более зажатым и накачанным пропагандой иногда до полной невменяемости. И все равно было здорово! А главное, мимоходом удалось решить кое-какие дела.

С Гитлером он все же один раз встречался. Фюрера заинтересовали его мысли по поводу французских кораблей. Пришлось пространно объяснять свои выкладки, благо про операцию «Катапульта» Колесников в свое время кое-что читал. Не слишком много, но достаточно для того, чтобы то, что он плел, выглядело убедительно. Так что Гитлер остался разговором удовлетворен и отпустил новоявленного фаворита с миром, хотя, когда они закончили, пот с адмирала лил градом.

Куда более содержательный разговор получился на следующий день, у Геринга. Тот вновь пригласил Колесникова к себе, поохотиться. Отказываться не стоило, тем более, это был хороший повод для разговора. И вот здесь с ним напросилась Хелен. Как-никак, в прошлый раз ее интервью произвело фуррор в редакции, принесла ей хороший, по меркам газеты, гонорар и место постоянного корреспондента. Сейчас, почувствовав себя акулой пера, она решила не упускать шанс и вцепилась в адмирала мертвой хваткой. А он, честно говоря, не очень-то и сопротивлялся. В конце концов, пускай девушка от знакомства с ним хоть что-то поймее. К примеру, взамен подмоченной репутации. Пускай ничего и не было, но болтать будут такое... И все грязные рты не заткнешь. Во всяком случае, пока.

Добираться до виллы Геринга, куда он на всякий случай убрался подальше от все еще не отошедшего от гнева фюрера, было далеко. Однако командующий немецкими ВВС беспардонно использовал свое служебное положение, и на аэродроме их ждал «шторх». Этот

немецкий развездной самолетик, функционально подобный родному «кукурузнику», разве что реализованный на чуть более высоком техническом уровне, чем родной У-2, оказался на удивление удобным. Это Колесников оценил. На Хелен же, до того никогда не летавшую, и самолет, и полет на нем произвели неизгладимое впечатление. После приземления она вылезала с широко открытыми от восторга глазами и бледным лицом. Уточнять, от восторга аристократическая бледность, или от воздушной болезни, адмирал деликатно не стал.

Жилище официального преемника (или его назначат на эту должность позже? А, плевать) Гитлера производило впечатление. Как уже заметил Колесников, партийные бонзы Германии не любили себе в чем-то отказывать. Тем более, происходивший из известной и весьма богатой семьи Геринг. Что его, спрашивается, понесло в политику, да еще в такое дерьмо? Чего не хватало? Скорее всего, неприятие поражения в войне начало выливаться в такие вот извращенные формы. Хотя, может, все решили деньги, потому, что потерял он тогда все и едва сводил концы с концами. Сложно сказать, да и не столь уж важно, честно говоря.

Однако же хозяин этих хором имел и вкус, и образование. Несмотря на размеры, не оставалось чего-либо, напоминающего давящее впечатление, строение получилось не только комфортабельным, но и не по-немецки легким. Хотя, не исключено, тут мог приложить руку и сам Гитлер – он, по слухам, увлекался архитектурой. И, спрашивается, что понесло в политику талантливого художника? Образованного, владеющего как минимум двумя языками, неплохого писателя? Чего их всех сюда понесло, черт возьми?

Видимо, что-то отразилось на его лице, потому что Хелен осторожно тронула его за локоть и спросила:

– С тобой все в порядке?

– Нормально. Кольнуло в бок, иногда бывает.

Девушка понимающе кивнула и замолчала. Интересно, поверила или просто решила, что с ней сейчас не хотят общаться? А, плевать, сейчас на горизонте маячил серьезный разговор, и красивые девушки подождут. Первым делом, первым делом самолеты... Будем надеяться, что девушка поймет.

Хозяин дома встретил их добродушной улыбкой. Он, если верить слухам, и в самом деле был человек незлой. И, в отличие от товарищей по партии, не сильно увлекающимся экстремистскими идеями вроде охоты на евреев. Фразу «я сам решаю, кто у меня еврей, а кто нет» Колесников помнил еще с прошлой жизни. Хотя, с другой стороны, с евреями здесь вообще дела обстояли интересно. К примеру, только среди экипажа «Шарнхорста» минимум два офицера имели близкие, на уровне дедушек-бабушек, еврейские корни, и ничего, служили. И никто их не зажимал, хотя гестапо наверняка знало о них. Так что, может, каких-нибудь польских евреев и пускали под нож, но со «своими» все было далеко не столь однозначно.

– Рад вас видеть, Гюнтер.

Надо же, по имени обращается. Видимо, намекает на свое к нему расположение. Что же, неплохо.

– Весьма польщен приглашением, герр рейхсмаршал.

Обмен любезностями, комплименты, вполне заслуженные, красоте спутницы, обязательные разговоры о погоде... Жалко терять время, но – этикет, здесь ему придают значение. Легкие закуски, потом обещанная охота. По сравнению с той, на которой Колесникову доводилось бывать в прошлой жизни, неинтересная, однако положено восторгаться и таскать дурацкую зеленую шляпу с пером. Интервью для спутницы, о котором пришлось просить отдельно, а вчера вечером опять допоздна сидеть и составлять вместе с ней вопросы... Правда, отношение к интервью у Геринга оказалось благосклонным, он вообще не был чужд некоторой театральности, а может, просто уже привык за свою политическую карьеру являться публичной фигурой. Такую положение обязывает давать интервью. Хелен от счастья разве что не светилась, ну да это нормально – карьеру делает. Ну а у них серьезный разговор состоялся чуть позже, когда,

сплавив девушку посмотреть цветы (предлог надуманный, но Хелен поняла и не обиделась, поскольку хорошо осознавала, что получила максимум возможного, и есть секреты, в которые не стоит совать нос), мужчины засели в маленькой, уютной гостиной.

И рейхсмаршал преобразился. Радужный хозяин исчез, вместо него появился офицер, сбивший в прошлой войне больше двадцати самолетов противника, за что был объявлен французами военным преступником. Жесткий, умный, умеющий быстро принимать решения человек. Такого стоило опасаться, к нему просто необходимо было относиться серьезно. И еще, такого Геринга поневоле следовало уважать.

И все же договориться им удалось быстро. Геринг, как и Гиммлер несколькими днями ранее, был удивлен тем, что адмирал ничего не хотел для себя лично. Однако с аргументацией «хочешь выжить – победи» он был абсолютно согласен, придерживаясь схожих взглядов. И скорейшую разработку самолетов для авианосца, равно как и подготовку пилотов для него, удалось согласовать. Больше всего споров было насчет порядка подчинения, но сошлись на том, что пока корабль в порту, его авиагруппа организационно подчиняется люфтваффе, но когда он выходит в море, командуют моряки, и никто более. И отвлекать пилотов для иных задач, равно как и отзывать их без согласования с командующим флотом никто не имеет права.

Кстати, тут он смог удивить Геринга еще раз, когда попросил его назначать в авиагруппу не самых лучших, но самых дисциплинированных пилотов. Не тех, кто будет гоняться за пополнением счета, а в точности согласно приказу будет защищать корабли от атак противника и понимать, что погибнут они – упадет в море и его машина. Геринг только головой pokrutil, удивляясь знаниям Лютьенса весьма специфических проблем германской авиации, и согласился. В общем, разошлись они весьма довольные друг другом.

Русские приехали на следующий день после его возвращения. Целая делегация, человек десять, во главе с самим Крыловым. Бывший царский генерал от флота (такой вот казус) оказался мощным бородатым стариканом с весьма острым языком. В его возрасте обычно дома сидят, по делам подчиненных гоняют, но академик не мог упустить случая ознакомиться с техникой будущего противника. Умные люди отлично понимали, что Германия и СССР рано или поздно схлестнутся, и упустить такой шанс... Да и вообще, все эти консультации и возможные разработки – штука платная, наверняка в СССР за помощь что-нибудь вытребовали и, скорее всего, не золотом, а чем-то более нужным. Ну и бог с ним. Все равно на море серьезных боевых действий не произойдет, это Колесников помнил абсолютно точно. А вот если СССР вытребует, скажем, лицензию на новый двигатель для истребителя, и машины, с которыми люфтваффе столкнутся в русском небе, окажутся хоть немного лучше, чем в той истории, то все, можно считать, жизнь прожита не зря. И авиамоторы – не единственный вариант.

Впрочем, осмотр кораблей вряд ли что-то дал Крылову. Из-за условий Версальского мира Германия длительное время не могла вести нормальных военно-технических разработок, и обводы корпусов, частично заимствованные с кораблей прошедшей войны, выглядели архаично. В СССР наверняка ушли заметно дальше. Так что идея о том, что русские могут что-то посоветовать, глупой не выглядела. Правда, стоило бы поднапрячь и итальянцев, но хитрые макаронники так виляли хвостом, что связываться с ними в Германии не больно-то хотели.

Честно говоря, Колесникова так и подмывало попытаться через того же Крылова выйти на связь с советским командованием, однако идею эту он, по долгому размышлению, отбросил. Пока он один, его позиция малоуязвима. Просто не заподозрят. А вот стоит увеличиться кругу посвященных – и все, вляпались. Так что лучше уж подождать, деликатно и осторожно, своего часа, а пока терпеть ехидство старого кораблестроителя, благо немецкий тот знал.

Откровенно говоря, в глубине души адмирал не слишком верил, что из визита советских инженеров все же родится какой-то результат. Однако, к его удивлению, буквально через неделю после их отъезда из СССР пришло положительное заключение. Добавить скорости, не

устраивая глобальных переделок в машинном отделении, можно было, проведя относительно небольшие изменения носовой части корабля и оптимизировав форму винтов. В первом у немцев имелся неплохой опыт – как-никак и «Шарнхорст», и «Гнейзенау» переделкам носовой части уже подвергались. Сделать новые винты – и вовсе не проблема. Затратно, конечно, но в целом операция рутинная. И если к скорости «Лютцова», все еще стоящего в ремонте, удастся добавить обещанные Крыловым три узла, то это позволит безбоязненно включать корабль в состав ударной эскадры. Естественно, предложение было принято, но сделали это уже без участия Колесникова. Адмирала Лютьенса снова вызвали в Берлин, где он пробыл всего несколько часов, после чего срочно вылетел во Францию. Близилась не оставшаяся секретом для немецкой разведки операция «Катапульта», и от лучшего флотоводца Германии верховное командование требовало чуда.

Винты самолета отчаянно рубили холодный воздух, но все равно самый большой серийный лайнер Германии продирался сквозь встречный ветер крайне медленно. Все же поршневые двигатели – это совсем не то, что турбины в различных модификациях, так хорошо прижившиеся на пассажирских самолетах в последующие десятилетия. Четыре истребителя прикрытия с трудом держали такую скорость, то и дело уходя вперед, делая круг и возвращаясь на свое место. Все же их проектировали под совсем другой полет, и вечное подстраивание под тихохода грозило им сваливанием в штопор. На аэродроме заинтересовавшемся недовольными лицами асов Геринга адмиралу это объяснили в подробностях, да еще и с использованием весьма специфических выражений. Послушав, как выражаются пилоты, Колесников даже проникся к ним некоторым уважением – положительно, они тоже общались с разными людьми, и в части знания языков для выражения недовольства мало чем уступали морякам. Особенно умилил один, уже пожилой гауптман, сказавший несколько слов на исковерканном, но вполне понятном русском языке. Из пяти слов приличным было только одно, да и то – предлог.

И все же кое-какие плюсы в такой неспешности полета имелись, во всяком случае, сейчас. Во-первых, благодаря хорошей видимости, можно было насладиться красотами окружающего пейзажа с высоты птичьего полета. Впрочем, Колесникову, никогда не причислявшему себя к когорте ценителей прекрасного, готовых умиляться над чем угодно, от неимоверно мрачных картин Рембрандта до эстетики расколотого унитаза, рассматривать пейзажи быстро надоело. Но имелось еще и во-вторых. Под гул моторов неплохо думалось, а малая скорость давала хороший запас времени для размышлений.

По всему выходило, что из-за его вмешательства история начала меняться – пусть и локально, но весьма заметно. Потопленный линейный крейсер британцев и уцелевшие германские моряки и солдаты – это один вектор. А на другом конце цепочки британский же авианосец «Глориес», два эсминца и полторы тысячи человек. Это должно было случиться в начале лета, Лютьенс хорошо помнил сей эпизод, но вице-адмирал Маршал не вывел в море линкоры, все еще находящиеся в ремонте, и авианосец спокойно ушел на базу. Впрочем, это, возможно, не так уж и плохо. С одной стороны, не даст Маршалю перехватить у Лютьенса лавры самого успешного флотоводца, а с другой – британцы не получили негативный опыт и есть шанс, что они и дальше будут гонять авианосцы без прикрытия тяжелыми кораблями. А он, Колесников, хорошо помнит, что отсутствие артиллерийских кораблей, обеспечивающих устойчивость авианосного соединения, превращает плавучие аэродромы в стадион, набитый смертниками. В общем, надо поглядеть, как там будет дальше, но то, что изменения пошли – факт.

В ровный гул двигателей вплелись незнакомые нотки. Колесникова это не слишком насторожило – ровно до того момента, как самолет вдруг начал резко, с сильным креном забирая влево. Бросив взгляд в иллюминатор, адмирал успел увидеть далеко справа трассу выстрелов, а еще через несколько секунд и самого нарушителя спокойствия, закончившего атаку и сейчас, выйдя из пике, упорно лезущего вверх.

Картина, в принципе, была понятна даже неспециалисту. Пара «спитфайеров» зашла со стороны солнца и, пользуясь преимуществом в высоте, атаковала «мессершмитты» прикрытия. Атака получилась не то чтобы совсем удачная, но и не безрезультатная. Один из немецких истребителей, сильно дымя, разворачивался со снижением и явно намерен был тянуть к аэродрому. Судя по тому, что открытого огня видно не было, и управления он не потерял, шансы у пилота имелись. Остальные три машины развернулись и тоже набирали высоту, явно не желая оставлять англичан безнаказанными.

Английские пилоты, очевидно, боя принимать не жаждали. Хотя их самолеты и были вполне сравнимы с немецкими, но все же против восьми английских пулеметов «спитфайера» на немецких «эмиях» стояло по два пулемета и две пушки калибром двадцать миллиметров. Одно хорошее попадание – и хана. А главное, немцев было трое против двоих англичан, что сводило преимущество последних в количестве стволов к несерьезному минимуму. Поведение британцев было логичным.

А вот поведение немецких пилотов – нет. Колесников с неодобрением наблюдал, как «мессершмитты», вместо того, чтобы выполнять задачу по охране пассажирского самолета, азартно гнались за улепетывающими британцами. Вряд ли догонят, кстати. Самолеты одного класса, разработанные в одно и то же время, обладали и вполне сходными скоростными характеристиками. При этом у британцев уже имелась фора по высоте и дальности. Нет, не догонят.

– Уроды крылатые, – зло буркнул себе под нос молчаливый полковник, впервые с момента взлета открывший рот. Этого седого мужика, габаритами походившего на Геринга, с круглым, словно луна, лицом, во время посадки на дозаправку запихнули в самолет в нагрузку, как, впрочем, и еще четверых. В принципе, борт был предоставлен лично Колесникову, но отказывать на просьбу обратившегося к нему генерал-майора люфтваффе он не стал. В конце концов, можно понять мужика – зашивается, с трудом затыкая все дыры. Самолетов изначально недостаточно, а тут еще то потери, то незапланированные рейсы. Так что пусть их, тем более, если что, поболтать будет с кем, решил тогда адмирал и согласился.

– Это вы про кого? – отозвался подполковник-танкист, невысокий, но крепкий, жилистый.

– Про наших, не про британцев же. Они воюют, им положено нападать, никаких обид. А эти взяли – и свалили. Если сейчас кто-нибудь...

Что кто-нибудь, где-нибудь и как-нибудь уже началось, стало ясно буквально через секунду, когда пилот буквально швырнул самолет вправо. И почто сразу же его затрясло, вроде и несильно, но как-то... зло, иначе и не скажешь. Выглянув в иллюминатор, Колесников обнаружил в крыле две цепочки аккуратных дырок и понял, что британцы провели их, как котят. Пока два самолета отвлекали внимание эскорта, остальные атаковали охраняемую им штабную машину. А еще он понял, что это, похоже, все, конец его приключению.

Страх почему-то не было, а вот интерес к происходящему неожиданно присутствовал. Пока остальные бледнели, потели и вообще вели себя, как и положено нормальным людям, оказавшимся в центре мясорубки и неспособным предпринять что-либо осмысленное, Колесников, устроившись поудобнее, принялся наблюдать воздушный цирк. А посмотреть, кстати, было на что.

Пилоты «Кондора» отчаянно крутились, заставляя тяжелую машину выделять совсем не положенные ей по статусу кульбиты. Британские летчики, в свою очередь, раз за разом заходили на цель, поливая ее огнем пулеметов. Однако самолет продолжал держаться, и крылья, на некоторых участках напоминающие изодранную кошкой скатерть, отваливаться пока не спешили. Сзади отчаянно огрызнулся из пулемета бортстрелок, не столько чтобы попасть, сколько пытаясь заставить истребители не приближаться и стрелять издали, а значит, менее точно. Надо сказать, у него получалось, хотя повреждения нарастали, а один раз пули, хлест-

нув по фюзеляжу, зацепили и тех, кто паниковал в салоне. Остро запахло кровью. Но главное, мечущийся и закладывающий глубокие виражи самолет медленно, но неуклонно терял высоту.

Потом кто-то из англичан сумел зацепить правый крайний двигатель «Кондора». Тот, к счастью, не загорелся, но моментально заглох, и Колесников, хоть и не пилотировал самолет, сразу почувствовал, что управлять им стало тяжелее. Британцы это тоже почувствовали, их атаки стали яростнее, и закономерно, что через пару минут им удалось поразить второй двигатель на этом же крыле. Тот сразу же вспыхнул, брызги кипящего масла окатили крыло, а некоторые долетели и до фюзеляжа, забрызгав иллюминатор. Колесников на миг даже отшатнулся, но быстро сообразил, что пожара не будет. Летчики успели перекрыть подачу топлива, а начавшее было разгораться пламя тут же сбило встречным напором воздуха, однако ситуация продолжала оставаться аховой.

Лишившись половины двигателей, самолет уже неспособен был маневрировать. Более того, он и в воздухе нормально держаться тоже не мог, все быстрее теряя высоту. Двигатели бешено выли, однако мощности все равно не хватало. Сейчас недавно могучая и красивая машина превратилась не более чем в легкую мишень, и британские пулеметы тут же прошлись по ней еще раз. В фюзеляже сразу же появилось множество дырок, кто-то заорал, а одна из пуль больно клюнула Колесникова в предплечье, однако эта атака внезапно оказалась последней. Колесников понял из-за чего почти сразу – вернулись немецкие истребители, и теперь в воздухе творилось черт-те что. А «Кондор» продолжал снижаться, и в воздухе все отчетливее пахло дымом.

Окончательно потеряв способность держаться в воздухе после отказа третьего двигателя, не выдержавшего перегрузки, самолет встретился с землей минут через пять. Пилоты боролись за жизнь до конца и, в конечном итоге, сделали многое. Они направили самолет прямо в мелководную речушку, и, воспользовавшись тем, что перед ними оказалось почти четверть километра прямого участка, смогли приводниться. Самолет опустившимся против всех правил хвостом распорол зеркальную гладь, и это смягчило удар. В результате, когда он с шумом плюхнулся, скорость была уже невелика. Промчавшись по реке, Кондор вылетел на песчаную косу, да там и замер. Языки пламени пока еще лениво, но все более уверенно лизали обшивку.

Из всех, кто находился в салоне, адмирал оказался единственным, кто остался в состоянии двигаться. Болела рука, но, судя по тому, что двигать он ею мог, ранение оказалось несерьезным. При посадке его сильно приложило, но это, опять же, было не смертельно. Остальные лежали кто где – последние атаки истребителя оказались крайне результативными. Только упитанный полковник хрипло стонал, ухитряясь все же зажимать дыру в груди, да ворочался в углу, пытаясь встать, какой-то хмырь в гражданском. Колесников не помнил, как его зовут.

Дверь заклинило, однако от двух мощных ударов ногой замок вылетел, и вся конструкция, на миг замерев, словно в раздумье, с отвратительным скрежетом вывалилась наружу. Колесников повернулся, чтобы вытащить раненого, но тут его едва не сбил с ног тот, гражданский. Видать, оклемался, а теперь в панике искал выход. Получив локтем и без того в отбитую грудь, адмирал едва не задохнулся от боли, но сумел не только устоять, но и не заорать вслед выпрыгнувшему из самолета придурку все, что думает по его поводу. Не хватало еще сейчас сбиться на русский матерный.

Полковника, мертвой хваткой зажимающего рану и упорно не теряющего сознание, он не только вытянул из самолета, но и, увязая в песке, оттащил от него метров на двадцать, после чего, шатаясь, вернулся. Наверное, зря, самолет мог вспыхнуть в любой момент, но бросать остальных казалось ему как-то не по-человечески. Проверил в салоне, но пассажиры были мертвы, английские пули буквально порубили их в фарш. Метнулся в хвост и обнаружил там висящего на ремнях стрелка. Живого и даже без видимых повреждений, но без сознания. И сразу же стало ясно, почему в последние минуты боя он не стрелял – ни одного патрона, истра-

тил все, что было. Кое-как отцепил, поволок неожиданно тяжелого летуна через салон, оступаясь и пачкаясь в чужой крови, и буквально вытолкнул его наружу.

Холодная вода, в которую тот плюхнулся, моментально привела бортстрелка в чувство. Правда, шевелился он, как травленный страус, но это сейчас было неважно. Дверь в кабину пилотов оказалась не заперта, и адмирал уже волок оттуда командира экипажа. Тот был жив, отделавшись лишь переломанными ногами, и яростно ругался – похоже, от шока не чувствовал боли. Бортстрелок хоть и с трудом, но сумел принять его и поволок к полковнику, а Колесников уже за шиворот тащил второго пилота. Тот хрипел, на губах пузырилась кровь, похоже, были сломаны ребра и повреждены легкие, но если доживет до госпиталя, есть шанс, что выживет. А больше в самолете никто не уцелел.

Успели они вовремя. «Кондор» до последнего сопротивлялся огню, но потом вспыхнул весь и сразу. Пыхнуло жаром, но они были уже достаточно далеко и перевязывали раненых. О собственной руке Колесников вспомнил уже под конец и, распоров рукав, понял, что ему повезло – пуля всего лишь рассекла кожу и слегка повредила мышцу. Сейчас, когда адреналиновый задор начал уходить, болело все это зверски, но реального вреда было немного. Шрам останется, и только. Неприятно – но совсем не смертельно.

Их нашли через полтора часа. Вылетел на высокий берег грузовик, набитый солдатами, и уже через минуту спасшихся окружили. Правда, кто перед ними, разобрались почти сразу, так что не обошлось без инцидентов. И все остались живы, даже полковник...

Вице-адмирал Марсель-Брюно Жансуль Колесникову не нравился. Бывает такое, когда тебя раздражает в человеке буквально все, от двойного имени до манеры держаться, причем такое отношение иррационально. Вроде бы ничего этот человек тебе лично не сделал. Ну, участвовал в охоте на «Адмирала Шпее», но там многие отметились. Да и вообще, война – она на то и война, и каждый делает в ней свою работу. Так что обижаться на врага глупо, его надо просто побеждать. Однако вот не нравился он Колесникову – хоть тресни. Может, дело было в том, что ему вообще не нравились французы?

И ведь никуда не денешься, надо вести себя максимально корректно. Да, Франция побеждена, однако Германии и лично ему, Колесникову, нужен ее флот. Целый, а не на дне какой-нибудь занюханной бухты, и от того, как сложится разговор, фактически зависит исход кампании на море. А под командованием Жансуля оказалась наиболее мощная и боеспособная часть французского флота, это приходилось учитывать.

Сейчас здесь, в гавани базы Мерс-эль-Кебир, что во французском Алжире, собралась внушительная сила. Два новейших линейных крейсера, два устаревших, но все еще мощных линкора-дредноута, построенных для той, прошлой войны, эсминцы, подводные лодки и даже гидроавиатранспорт. Боевая ценность последнего в реалиях новой войны выглядела сомнительно, однако у немцев с авианесущими кораблями дела обстояли пока что и вовсе плачевно. В подобной ситуации не следовало отказываться даже от столь сомнительного приобретения. Вот только удастся ли наложить на все это богатство лапу, оставалось под большим вопросом.

Как он сюда добирался – это отдельная история. В штаб-то его доставили без проблем, заведя предварительно в госпиталь, где мрачный врач обработал рану, зашил ее и заявил о необходимости госпитализации. Непреклонно так заявил. Сопровождающий его штабной офицер в чине подполковника горячо поддержал эту идею, которая разом снимала с него ответственность и, кроме того, избавляла от хлопот, связанных с незапланированным высоким гостем. Хорошо еще, удалось связаться с Берлином, причем выйти непосредственно на Гиммлера. Тот выслушал, затребовал к телефону штабного и даже не орал, но, судя по тому, как с каждой секундой все больше и больше покрывался каплями пота лоб обнаглевшего не по чину подпола, тот всерьез опасался за целостность своего организма. И на врача он орал, как потер-

певший, Колесникову даже стало немного стыдно за него. Хотя, с другой стороны, тот тоже должен понимать, что не всегда его мнение – истина в последней инстанции, не ребенок, чай.

После образцово-показательной порки все задвигалось с утроенной скоростью. Всего два часа – и они уже были на аэродроме, а перед этим навели шороху в штабе. Там не знали, чем отправить дорогого гостя поскорее и подальше. Самолетов вроде «Кондора» у них просто не имелось.

Пришлось импровизировать. Здесь базировалось несколько двухместных сто десятых «мессершмиттов». Правда, местное командование люфтваффе страшно не хотело отдавать один из них, но звонок Герингу, который уже был в курсе их приключений, решил вопрос. В два счета договорившись о том, что адмирал не станет во всеуслышание поднимать вопрос о позорно прошляпившем врага истребительном прикрытии, а Геринг, соответственно, жестоко их накажет своей властью, Колесников поднял вопрос о транспорте. Начальство, которому совсем не хотелось получать по шапке за срыв ответственной миссии по вине своих людей, грозно рыкнуло в телефон – и вопрос моментально решился.

И вот он здесь, сидит напротив французского адмирала. А тот пытается сохранить лицо – для побежденного, хорошо это осознающего, держится, надо признать, неплохо. И надо его убедить, иначе все кончится, как и в прошлый раз.

– ...Итак, вы предлагаете мне передать корабли Германии. Вам не кажется, что это несколько... самонадеянно и идет вразрез с честью французского офицера?

– Вы не правы по всем пунктам, – усмехнулся Колесников. Времени оставалось совсем немного, и необходимость тратить его на разговоры страшно раздражала.

– Вот как? И в чем же это заключается?

– А во всем, – Колесников откинулся в кресле и посмотрел на собеседника, стараясь, чтобы взгляд его выглядел максимально безмятежным. – Для начала, я не предлагаю вам передавать корабли. Нас вполне устроит, если они просто сохранятся. В конце концов, сегодня мы враги, а завтра, может статься, будем союзниками.

– Вот как? – Жансуль (Колесникова так и подмывало назвать его Жульеном) удивленно приподнял бровь. Лицо его приобрело несколько комичное выражение. – После того, как вы на нас напали...

– Мы на вас не нападали, – жестко ответил Колесников-Лютьенс. – Это ваша страна объявила войну Германии.

– Вы нас вынудили.

– Не мы, а британцы, – меланхолично отозвался Колесников, рассматривая ноготь большого пальца. Обычно он старался держать их безупречно ухоженными, но приключения последних суток этому не способствовали. – Им, видите ли, не нравилось, что мы объявили войну Польше. Ну а ваше правительство отреагировало, как щенок, радостно повизгивая. И кто вам теперь доктор?

Идиома была из будущего, но француз понял и надулся как мышь на крупу.

– Вам не следовало трогать поляков.

– И почему? Вообще-то хамство терпеть – это не в правилах великой державы.

– Вы считаете Германию великой державой?

– Ну, Франции мы это уже доказали, – с улыбкой ответил Колесников. Тоньше надо быть, тоньше, но не мог удержаться от укола. – И потом, это британцы переманили нашего союзника, получившего, кстати, от наших и ваших щедрот кусок Чехословакии. И что нам оставалось делать? Ждать, когда пшеки нападут? Что они будут творить, мы видели. Своих граждан немецкого происхождения они просто вырезали.

– Это пропаганда.

– Это правда. Впрочем, можете не верить, данный факт ничего не меняет. Есть у русских поговорка: две собаки дерутся, третья – не мешай. Вы решили вмешаться, и вот результат.

Островитяне снова отсиживаются за проливами, а убивают в результате французов. Вас предали, адмирал.

– А Эльзас и Лотарингия?

– А что Эльзас и Лотарингия? Это земли, которые Германия считала своими, ну а вы – своими. Бывает. Открою вам страшную тайну, адмирал. Если бы вы попытались их защитить, Германия бы немедленно отступила. Мы тогда вас просто боялись. Но ваши политики испугались сильнее, и вот результат. За их ошибки гибнут простые солдаты, и ваши, и наши. И я хочу как можно скорее прекратить эту бойню. Причем я не одинок, так думают многие, включая фюрера. Обратите внимание, вам предложили мир, когда проще было добить. Так что Франция в будущем вполне может оказаться союзником Германии. Кто знает, может, и Париж удастся вернуть.

– Сладко поете.

– Как умею. И в продолжение темы. Самонадеянность здесь не пахнет. Просто потому, что в противном случае через несколько дней ваш флот перестанет существовать.

– Это еще почему? – вскинулся француз.

– По данным нашей разведки, адмирал, британский флот приступил к операции «Катапульта». Сюда идет эскадра. Два линкора, линейный крейсер «Худ», один или два авианосца, крейсера и эсминцы. Возможно, подводные лодки, но в последнем я не уверен. Их задача захватить или уничтожить ваши корабли прежде, чем до них доберемся мы. Вот такие у вас союзники.

– Я вам не верю, – голос Жансуля звучал ровно, однако в глаза собеседнику он не смотрел. «Во все-то ты веришь и ни разу по поводу моральных качеств британцев не обманываешься», – цинично подумал Колесников. Все, теперь надо дожимать, но – не пережать.

– Не верьте, – пожал он плечами. – Хотите, расскажу, как все будет дальше? Они придут, засыпят минами фарватер и потребуют сдать. Вы постараетесь тянуть время, просто чтобы не брать на себя ответственность, а ваше командование будет молчать – им тоже не хочется оказаться виноватыми. Потом, когда выйдет срок ультиматума, а возможно, и раньше, британские корабли откроют огонь. У них меньше вымпелов, но больше калибры, и ваши неподвижные линкоры в гавани они расстреляют, как мишени. А может, и этого делать не станут. Просто поднимут в воздух самолеты и разбомбят вас. Нормальной системы ПВО на вашей базе еще нет, так что для самолетов с авианосцев это будет так, тренировочный вылет.

– Замолчите, – голос француза звучал хрипло. Понимает, что немец прав, и сам на месте англичан поступил бы примерно так же.

– Я-то замолчу, а вот те, кто погибли здесь, окажутся на вашей совести. А если сдадитесь, вас объявят предателем. И помочь вам мы не сможем, даже если очень захотим. Мои корабли далеко на севере, а итальянцы... Между нами, они паршивые моряки и еще худшие солдаты.

Жансуль сидел, сгорбившись. Он как-то сразу устал, а ведь это был достаточно храбрый и грамотный офицер, ходивший и на надводных кораблях, и на подводных лодках, отвоевавший прошлую войну на миноносцах, а туда не берут трусов. Ну что же, теперь аккуратно предложить ему выход, который не нанесет урона его чести и при этом даст шанс.

– Вот что, месье Жансуль, у меня, кажется, есть идея. Здесь у вас не единственная база и, давайте будем смотреть на вещи реально, не самая лучшая. Если верить нашей разведке, у вас есть корабли в Алжире, Касабланке, Тулоне, Дакаре и на Мартинике. Последняя, конечно, далековато... Так вот, я предлагаю вам идти на любую из этих баз. Не желаю даже знать, на какую. Если сумеете проскочить мимо британцев, то, как минимум, станете сильнее на несколько вымпелов. И, главное, выйдете из-под удара. Связь у вас наверняка имеется. И если окажется, что я прав, и британцы явятся сюда, вам это станет известно. Тогда, убедившись, что я не вру, мы сможем продолжить разговор более... предметно. Или не продолжить, тут вы будете в своем праве.

Или же не проскочите, но тогда сможете вступить в бой в открытом море, где не будете скованы узостями и мелями. Глядишь – и отобьетесь. Ну а не отобьетесь – хоть нанесете британцам урон, который их пусть немного, да ослабит. Какая соломинка переломит хребет верблюду – это еще посмотреть надо, однако ни одна не окажется лишней. Все это Колесников, естественно, не сказал, но француз и без того понимал его нехитрую логику.

– Я... обдумую вашу мысль.

– Это хорошо, – ответил Колесников, вставая. – И еще одно. Если окажется, что деваться уже некуда, можете попробовать прорваться в итальянские порты. Там вас сможет прикрыть авиация. Муссолини мы предупредим. Впрочем, здесь выбор за вами. А лично я на вашем месте попытался бы собрать все силы в один кулак – тогда вас не так просто будет сожрать.

Ночевал он в гостинице. Все же формально Колесников пока что считался частным лицом, и на территорию базы его никто не допустил. Весело, на флагманском корабле французской эскадры побывать, значит, можно, а на их базе, недостроенной еще даже, нет. Впрочем, логика этого времени ставила порой Колесникова в тупик, и он даже перестал удивляться.

В комнате было жарко и душно, простыни моментально вымокли – адмирал исходил потом и проклинал Африку во всех ее проявлениях. О такой банальщине, как кондиционеры в номерах, здесь, похоже, и помыслить не могли. Оставалось терпеть, и лишь после полуночи, когда прохладный ветер с моря немного разогнал удушающую жару, он наконец задремал, чтобы вскоре проснуться уставшим и невыспавшимся. Местную пищу, как еще вечером убедился Колесников, его вроде бы здоровый желудок принимать решительно отказывался, и пришлось ограничиться хлебом и кофе. Последний, надо сказать, оказался хорош, но не способен был примирить адмирала с мрачной действительностью.

К его удивлению, народ с утра выглядел оживлённее некуда. Вчера вечером Колесникова поразил контраст между бойкими и неунывающими арабами, которым, похоже, было наплевать, что творится в большом мире, и французами. Последние упорно пребывали в каком-то трансе. Очевидно, молниеносный разгром их страны и фактическая потеря родины оказались шоком, из которого не так просто выйти. Однако сейчас гвалт стоял такой, что вычленив из него отдельные слова было сложно.

И все же Колесников понял, что случилось. Оказывается, под покровом ночи Жансуль все же увел свои корабли. Позже, побывав возле гавани, Колесников увидел в ней только буксиры – французы оказались лучшими моряками, чем он ожидал. Увести в темноте даже один корабль – задача непростая, а тут вся эскадра. Тем не менее, они справились, чтобы раствориться во мраке. Дело было сделано, теперь оставалось ждать результата. И торчать в этой всеми богами забытой дыре смысла никакого он больше не видел.

Истребитель был уже заправлен и подготовлен к вылету, хотя пилот выглядел не менее помятым, чем сам Колесников. Французский персонал смотрел волками, однако делал все, как положено. Откровенно говоря, адмирал опасался, что какой-нибудь не в меру ретивый лягушатник сыпанет им сахару в бензобак или сделает еще какую-нибудь пакость, но пилот заверил его, что бдел. К тому же маршрут он проложил таким образом, чтобы возможно дольше держаться над сушей – в случае, если начнутся неприятности, так больше шансов выжить. Оставалось лишь мысленно перекреститься, понаблюдать, как винты раскрутятся в прозрачные диски, и взлетать.

До Италии они добрались без происшествий. Пару раз видели в воздухе чьи-то самолеты, но издали не смогли их идентифицировать. Тяжелый истребитель без усилий держался на высоте восьми тысяч метров, намного большей, чем поднималось большинство самолетов противника. Это позволило избежать проблем, и через несколько часов, после дозаправки на Сицилии, их самолет приземлился на военном аэродроме возле Рима.

То, что увидел в этой стране Колесников, можно было охарактеризовать одним словом – несерьезно. Галдящая толпа, древние здания, которые никто не торопился ремонтировать, какие-то надутые священники... Последних на душу населения наблюдался явный перебор.

А еще всюду плакаты. Плакаты, плакаты... Выступающий дуче, улыбающийся дуче, дуче, поднимающий гири... Елки-палки, да Сталин с его культом личности по сравнению с итальянским лидером щенок! Отношение к Муссолини здесь, пожалуй, можно было сравнить с языческим культом, поклонением какому-нибудь богу. И Колесникову подумалось, что в странах, где пришел к власти фашизм, народ морально готов к такому повороту событий и что Гитлер, что Муссолини, что многие другие европейские лидеры не просто удачливые авантюристы, а закономерный этап развития общества. Паршивый – но закономерный.

Кстати, с Муссолини он тоже встретился. Огромные полномочия, которые предоставили Колесникову в Берлине, оказались весьма кстати. Все же следовало договориться о возможной координации действий флотов, и проще всего казалось сделать это, напрямую пообщавшись с человеком, обладающим всей полнотой реальной власти.

Вблизи дуче производил странное впечатление. Безусловно, незаурядный человек. Не каждому дано из рядового члена Компартии (да-да, лично знакомый с Лениным и уважаемый им, это Колесников помнил) и журналиста превратиться в создателя собственной партии и главу не самого завалящего европейского государства. Оратор – блестящий, голос поставленный, и поведение такое, словно бы непрерывно говорит с трибуны. Это уже рефлекс, явно. И вместе с тем, производил он впечатление человека смертельно усталого, с огромными мешками под глазами. А еще он был чудовищно некомпетентен во многих вопросах, и вдобавок плохо контролировал своих военных, это Колесников почувствовал сразу. Если Гитлер, случись нужда, лихо строил своих генералов, то Муссолини не отдал приказ своим адмиралам, а перепасовал им Колесникова. Решайте, мол, напрямую. Ну что же, придется так.

И он не любил немцев, хотя и старался не показывать виду. Однако же это чувствовалось и совсем не радовало. Не то чтобы Колесникова такое положение вещей задевало, скорее, наоборот, но в будущем это сулило лично ему и в этом теле целый набор проблем. Ладно, если не получается ничего изменить, придется играть с тем, что есть, подумал адмирал и выбросил лишние мысли из головы. В конце концов, не такая уж и важная фигура, этот дуче, и прошлая история хорошо показала, насколько быстро его можно скинуть с чаши весов.

К счастью, общение с итальянскими адмиралами оказалось весьма продуктивным. Гениями стратегии и тактики их было, конечно, не назвать, да и к немцам тоже относились не лучшим образом, но хотя бы в предмете разговора эти кадры в опереточных мундирах разбирались неплохо. И прекрасно понимали выгоды, которые сулит им возможность заполучить в свои руки хотя бы часть французских кораблей. Колесников даже загрустил – если французские корабли все же окажутся в итальянских портах, то выцарапать их Германии будет сложно. Зачем им эти корабли, если они и свои-то не могут полноценно обеспечить топливом, сказать сложно. Наверное, просто «шоб було», и ручки у потомков римлян загребушие. Впрочем, до этого еще надо было дожить.

Зато, как оказалось, у итальянцев имелась великолепная служба радиоэлектронной разведки. Радиогаммы тех же британцев они перехватывали с завидным мастерством и расшифровывали буквально влет. Колесников, в первый раз увидев это, лишь головой покрутил уважительно. Немецкие специалисты, что называется, близко не стояли. И уже через три дня адмирал владел полной картиной того, как развивались отношения между французским и британским флотами.

Вице-адмирал Жансуль оказался на проверку весьма компетентным флотоводцем. Ну, это стало ясно уже после того, как он в кратчайшие сроки подготовил и вывел в море свою эскадру – и это при упавшем ниже плинтуса боевом духе французских моряков, охватившей их

апатии и все более частых случаях дезертирства. Однако, как оказалось, он еще и сделал неплохой финт ушами. Как в условиях жесткого цейтнота французский адмирал ухитрился скоординировать свои действия с остальными силами французского флота, оставалось лишь гадать, однако результат был налицо. Похоже, даже если он и не поверил Колесникову, то слова о том, что французским кораблям надо сбиваться в кучу, чтобы не быть уничтоженными поодиночке, воспринял близко к сердцу. И, вдобавок, сумел этот процесс обеспечить.

Его эскадра рванула в Тулон, держа ход не выше восемнадцати узлов. Хотелось бы, конечно, больше, но «старички», «Бретань» и «Прованс», и в лучшие-то годы больше двадцати не выдавали. Тот факт, что они смогли выдать, а главное, продолжительное время идти восемнадцатиузловым ходом, уже можно провести по разряду чуда. Чуда, сотворенного механиками этих кораблей, которым открытым текстом было сказано, что их вот-вот начнут топить и, если придется отрываться от вражеских кораблей, ждать отстающих никто не будет.

Выбор Тулона казался вполне оправданным – и относительно недалеко, и, вдобавок, там находились четыре тяжелых крейсера французов, что позволяло заметно усилить эскадру. Однако это было еще не все.

Практически одновременно из Алжира вышли четыре легких крейсера. Командиры остальных предпочли отсидеться – остатки французских вооруженных сил разлагались на глазах, но большинство еще сохраняло верность присяге. Из Дакара вышел новейший и, как утверждали французы, сильнейший в мире (с этим, правда, спорили и англичане, и немцы, и даже американцы, а Япония молчала, улыбалась и достраивала «Ямато») линкор «Ришелье». Из Касабланки вышел «Жан Бар», готовый пока на девяносто пять процентов. Словом, под рукой у Жансуля собирались все, кто мог, а главное, хотел драться. Остальные или затаились или, если на момент начала операции «Катапульта» находились в портах, контролируемых англичанами, были ими частью захвачены, а частью интернированы.

Надо сказать, французам повезло. Адмирал Сомервилл вначале опоздал, затем потратил непозволительно много времени в бесплодных попытках выяснить, куда же делись французские корабли, и, под конец, ошибся с выбором курса. С какого перепугу он решил, что Жансуль рванул в Касабланку, так и осталось тайной, но в результате на пути ему попался лишь недостроенный «Жан Бар».

Встреча не оказалась для обеих сторон внезапной. И британцы, и французы были готовы к любому раскладу, и, обнаружив противника, французский линкор тут же изменил курс и дернул прочь от надвигающихся неприятностей. Ну, а Сомервилл, что естественно, устремился в погоню.

Откровенно говоря, у французов имелись неплохие шансы уйти. Британские корабли линии были практически единообразно вооружены, по восемь пятнадцатидюймовых орудий на линкор, однако по скорости эскадра оказалась не слишком сбалансированной. Два из трех входящих в ее состав линкоров, «Вэлиент» и «Резолюшн», могли выдать двадцать четыре и двадцать три узла соответственно. Это в лучшие годы. Сейчас оба наследия прошлой войны могли держать узлов двадцать, вряд ли более – за четверть века износ механизмов оказывался весьма солидным. Третий корабль их лихой тройки, линейный крейсер «Худ», будучи немногим моложе их, выдавал уже почти тридцать два узла. Построенный по концепции «быстроходного линкора», этот корабль не только обладал запредельными для своего времени и все еще впечатляющими размерами, но и поддерживался в состоянии, близком к идеальному. Флагман британского флота, надо соответствовать. Последний же крупный корабль эскадры, авианосец «Арк Ройял», вполне мог держать ход в тридцать один узел, но как раз от него сейчас этого не требовалось.

У французов в этом плане дела обстояли несколько лучше. Линкоры типа «Ришелье», к которым принадлежал «Жан Бар», могли поддерживать ход в тридцать два и шесть десятых узла. По паспорту, разумеется. В любом случае, корабль оказался пускай ненамного, но быст-

роходней даже «Худа». Стало быть, оторваться от преследователей он мог. Будь линкор полностью готов к бою и прояви его командир решительность, можно было бы и посоревноваться с англичанами в бою. Рискни «Худ» оторваться от остальных кораблей и сойтись с французским линкором один на один, то неизвестно еще, чьи шансы оказались бы предпочтительнее. Все же спорное расположение орудий главного калибра «француза» уверенно компенсировалось его лучшим, чем у «Худа», бронированием.

Увы, «Жан Бар» еще не был достроен. Из двух нелепых, но от того не менее грозных четырехорудийных башен главного калибра на линкоре была установлена всего одна. Вторую, вместе с предназначенными для нее орудиями, утопила в свое время при перевозке немецкая субмарина. Имея всего четыре орудия и, вдобавок, неполный экипаж, соваться в драку выглядело самоубийством, и командир корабля принял вполне логичное решение отступить. Все же скорость у него была повыше. К тому же недостроенный означает новейший. Соответственно его машины не изношены. Вдобавок неустановленная башня – это сэкономленная масса, а стало быть, корабль может развивать скорость пускай немного, но более высокую. Словом, шансы у французов имелись неплохие.

Однако британцы обыграли их в два хода. На палубе «Арк Ройяла» уже раскручивали винты самолеты, и вскоре их бипланы, здорово попортившие крови немцам, оказались в воздухе. А следом за ними начали взлетать истребители.

Четыре десятка самолетов, взлетевших с авианосца, не тратя даром времени, погнались за отчаянно улетающими французами. Легко настигнув «Жан Бар», они перестроились в атакующий порядок и решительно атаковали спасающийся линкор. Торпедоносцы низко, едва не задевая крыльями волн, заходили с обоих бортов, а тем временем истребители, завывая, как голодные коты, пикировали на французский корабль, поливая его огнем двадцатимиллиметровых пушек.

Французы вовсе не собирались тонуть за здорово живешь и сопротивлялись отчаянно. Зенитки линкора вели огонь на пределе скорострельности, однако серьезного эффекта их огонь не возымел. Близким разрывом иссекло фюзеляж одного истребителя, от прямого попадания в ключья разлетелся другой. . . Все, на этом успех артиллеристов закончились. К тому же расчеты зенитной артиллерии несли жуткие и все более возрастающие потери. Заградительный огонь все более слабел и, когда торпедоносцы вышли на дистанцию атаки, их экипажи могли работать практически в полигонных условиях.

Из восьми торпед в цель попало две – французский корабль отчаянно маневрировал. Тем не менее, ему хватило. Два взрыва, один в центре корпуса, другой ближе к носовой оконечности, разом поставили жирный крест на попытке бегства. Первую торпеду, правда, корабль пережил без особого вреда для себя. Все же строили его на совесть, и защиту от такого рода атак предусмотрели. Разрушения оказались невелики, легкий крен даже не было смысла компенсировать. А вот вторая торпеда натворила дел.

Носовая часть корабля традиционно считается менее уязвимой, чем кормовая, однако сейчас это линкор не спасло. Взрыв проделал в подводной части дыру, через которую хлынула вода, и могучий напор, рожденный тридцатиузловой скоростью, буквально продавил и без того поврежденную взрывом переборку. «Жан Бар» начал зарываться носом, его скорость резко снизилась. Вынужденное решение командира, пытающегося остановить затопление, обернулось для корабля катастрофой.

В шахматах есть такое понятие – цугцванг. Ситуация, когда любой следующий ход приводит к ухудшению позиции. Сейчас произошло именно это. Не сбрасывать ход – и вода, которую впрессовывает в пробоину, грозит затопить корабль. Сбросить ход – позволить себя догнать. Возможно, командиру «Жан Бара» стоило попытаться рискнуть, понадеявшись на прочность переборок. В конце концов, через пару-тройку часов должна была наступить темнота, и даже с учетом британских радаров появлялся шанс оторваться, однако он принял решение снизить

ход. К тому времени «Вэлиент» и «Резолюшн» уже серьезно отстали, но «Худ» вполне успевал к месту событий. И вскоре загрохотали пушки...

Вначале казалось, что есть еще шансы отбиться. Хотя французские артиллеристы и не блистали подготовкой, что неудивительно для еще не введенного в строй корабля, но они все-таки старались. На пятнадцатой минуте боя эти старания принесли успех, и им удалось вцепить снаряд в надстройку «Худа», превратив в металлолом дальномерный пост. В ответ они получили сразу два снаряда, а перед этим еще четыре. Ну а еще через полчаса британцам удалось вывести из строя единственную орудийную башню «Жан Бара», оставив корабль практически беззащитным. Сразу же после этого французский флаг медленно пополз вниз – на «Жан Баре» служили моряки, а не самоубийцы. И легендарный дюнкеркский корсар, в честь которого был назван линкор, мог сколько угодно ворочаться в гробу – это уже ничего бы не изменило. «Жан Бар» сдался.

Нельзя сказать, что британцам этот бой обошелся совсем уж легко. Помимо попадания в «Худ» французы удачно накрыли один из британских крейсеров. Взрыв пятнадцатидюймового снаряда разом вывел из строя половину его артиллерии, а два шестидюймовых проделали дыры в бортах. Словом, дрался линкор неплохо, но результат вышел не в его пользу. Призовая команда британцев быстро взяла линкор под контроль, после чего он взял курс на Александрию.

Однако, несмотря на победу в этом бою, можно было с уверенностью сказать, что операция «Катапульта» с треском провалилась. Британцам не удалось окончательно уничтожить французский флот, и теперь он, сконцентрировавшись в Тулоне, вновь представлял грозную силу, с которой приходилось считаться.

«Мессершмитт» Колесникова неловко запрыгал по взлетно-посадочной полосе аэродрома. Здесь, под Тулоном, она мало чем напоминала берлинскую. Тем не менее, взлет-посадку она обеспечивала исправно. Несколько «девуатинов», стоящих тут же, подтверждали это.

Не успел адмирал вылезти, как к самолету подкатил запыленный «ситроен», и французский лейтенант, на взгляд Колесникова слишком пожилой для такого незначительного звания, буквально выскочил из машины, вытянувшись в струнку.

– Адмирал Лютьенс?

– Есть такой, – буркнул Колесников, снимая неудобный парашют. В полете, конечно, вещь необходимая, но процесс избавления от него каждый раз вызывал у адмирала острый приступ раздражения. Не меньше портил настроение тот факт, что за время пребывания в Италии он не смог посмотреть Рим. Времени не было от слова вообще. А жаль, пускай Ватикан и является, по слухам, бледной тенью питерских (сейчас ленинградских, но это дела не меняет) соборов, но все же хотелось посмотреть, хотя бы для общего развития.

– Лейтенант Лагранж. У меня приказ немедленно доставить вас к адмиралу Жансулю.

– Ну, так доставляйте, – Колесников избавился наконец от проклятого парашюта и, бросив его пилоту, чтобы прибрал, вновь повернулся к лейтенанту. – Что встали-то? Едем, едем.

Глухо зарычал слабосильный мотор, и детище французского автопрома запрыгало по местным ухабам. Никакого сравнения с машинами, к которым адмирал привык в своем времени, да и со здешними немецкими машинами рядом лучше не ставить. Чтобы, значит, не расстраивать ни водителя, ни пассажиров. Однако сумасшедшая скорость в тридцать километров в час, периодически снижающаяся до совсем уж несерьезных двадцати, надоела Колесникову очень быстро. Буквально через пять минут он попросил остановить машину и, выйдя, приказал водителю пересесть. Француз попытался было возражать, но не в том он был звании, чтобы путаться под ногами у адмирала. Оставалось только освоиться с архаичным управлением – и показать класс!

Когда машина затормозила в порту, лейтенант выглядел бледно. Интересно, от восхищения манерой Лютьенса водить машину или от страха? Подумав и решив считать, что все же от восхищения, адмирал щелкнул пальцами перед его носом, выводя сопровождающего из ступора, и поинтересовался, его доставят к командующему, или как? Француз мелко-мелко закивал, кое-как выбрался из машины и предложил следовать за ним. Ну, хвала богам, последний этап прошел быстро и без сюрпризов, катер, доставивший их к исполняющему роль флагмана линкору «Ришелье» – это вам не автомобиль. Тут техника привычная, экипаж опытный, словом, ездить можно.

Жансуль на этот раз выглядел куда бодрее и увереннее в себе. То ли морские прогулки благотворно сказались на его здоровье, то ли осознание того, что его эскадра стала значительно сильнее, и ее теперь и впрямь без соли не съешь. В общем, это был уже не тот вяло пытающийся изобразить гордость человек с поникшими плечами и затравленным взглядом, а спокойный, уверенный в себе профессионал. Вот с таким Жансулем можно было иметь дело.

После взаимных приветствий и предложения подкрепиться (отказываться Колесников не стал – проголодался во время полета) разговор быстро перешел в деловой формат. Убедившись, что британцы и впрямь готовы устроить его флоту локальный армагеддец, французский адмирал стал намного более склонен к продуктивному диалогу. Особенно когда Колесников сообщил ему о захвате британцами «Жан Бара». Узнав об этом, Жансуль скрипнул зубами, и дальнейший разговор шел, как любили говорить в двадцать первом веке, в конструктивном ключе.

Больше всего француза интересовало, на какие предпочтения он и его люди могут рассчитывать при различных поворотах событий. Как понял Колесников, вопрос о согласовании действий с командованием на повестке дня у Жансуля уже не стоял. Адмирал слишком хорошо знал его нерешительность, а выходить непосредственно на Петена тем более не собирался. Ибо – не уважал. На взгляд Колесникова такой подход выглядел уже явно перебором. Как-никак, не от хорошей жизни старый маршал взялся за грязную работу. Просто остальные разбежались, бросив страну, и кому-то пришлось заняться грязной работой для того, чтобы не потерять все. Но тут уж пускай сами разбираются, для него сейчас было важно получить в свое распоряжение этот флот.

Перспективы, которые он озвучил, выглядели не то чтобы радужно, но вполне приемлемо. Главное, чтобы французы не разбежались, бросив корабли. Помнится, в той истории они частенько так и поступали, но сейчас это значило лишь, что флот достанется англичанам или будет ими уничтожен. Такого количества обученных моряков, которое требовалось для формирования экипажей всех этих кораблей, у Германии просто не было. А и были бы – как их сюда доставить? Но даже если это каким-то чудом произойдет, быстро освоить чужую технику все равно не получится. Колесников понимал, что на данном этапе без французов не обойтись, и вынужден был с этим смириться. Главное же, что француз тоже понимал расклады и явно был настроен поторговаться.

Рамки данных в Берлине полномочий были широки, но отнюдь не беспредельны. Однако предложенный Колесниковым вариант выглядел достаточно щедро. Французским морякам предлагалось на время войны с Британией поступить на немецкую службу, с сохранением званий и жалованьем, аналогичным тому, которое получали немцы. По окончании войны они могли продолжить службу либо отправиться по своим делам. Корабли при этом возвращались Франции.

Конечно, анекдот «такой большой, а в сказки веришь» вряд ли был здесь в ходу, но Жансуль логично усомнился в словах своего немецкого коллеги. Во всяком случае, касательно возвращения кораблей – так уж точно. Против того, чтобы расквитаться с британцами в очередной раз предавшими их, он ничего не имел, зато полагал, что разбрасываться кораблями глупо. Однако на аргумент, что после окончания войны содержать изношенные корабли, которые

будут уже не слишком нужны, для Германии окажется слишком накладно, возразить ничего не сумел. Ну а потом Колесников зашел с козырей.

Маршал Петен стар, ему уже за восемьдесят. Конечно, старик еще крепок, но все равно в таком возрасте сложно всерьез заниматься делами. Несколько лет он еще протянет, но дальше просто не сможет поддерживать необходимую для такой должности планку. И когда настанет время уходить, неизвестно, кто придет ему на смену. Профессиональные политики уже ввергли Европу в большую войну, и не хотелось бы, чтоб история повторилась. Поэтому будет лучше, если место маршала займет человек, успевший повоевать и знающий цену собственной крови. Если же это будет герой, сохранивший для страны флот, это и вовсе замечательно. И в этом случае Франция, пускай урезанная, сохранится. Насколько она окажется урезанной – ну, тут уж сами разбирайтесь, но, по мнению Лютьенса, мелочиться никто не будет.

Сложно сказать, насколько поверил его словам Жансуль. Однако морковка перед носом выглядела уж больно сладкой. И даже понимание, что, в любом случае, реальная власть останется у Берлина, не слишком портила общей картины. И в результате после нескольких часов ожесточенного торга два адмирала смогли договориться.

Александрия спала. Большой город, основанный еще Александром Македонским, видел многое. Через него проходили, чеканя шаг, грозные римские легионы, по улицам скакала арабская конница. Непобедимый тогда еще Наполеон отметился... Про более мелких вояк и говорить нечего, много их сюда приходило. И где они все теперь? Кости тех, кто прошел дальше, замело песками, потомки оставшихся выродились в совершеннейшее убожество. Город пережил и переварил не одно поколение завоевателей. Сейчас в нем считали себя хозяевами британцы, но их империя уже катилась к закату. Островитяне были такие же временщики, как и все остальные, а город стоял – и намеревался стоять дальше.

В просторном александрийском порту, уверенные в своей безопасности, вольготно расположились десятки кораблей. Торговые – их сейчас, по случаю беспокойного времени, оказалось меньшинство – и военные. Последних собралось неожиданно много.

Здесь расположилась эскадра адмирала Эндрю Каннингема, состоящая из двух линкоров и кораблей поддержки. Сюда же пришли три линкора и авианосец адмирала Сомервилла. Ну, с ним пришли еще пара крейсеров и целая свора эсминцев, однако кто считает эту мелочь в присутствии гигантов? Еще Сомервилл притащил с собой трофейный французский линкор «Жан Бар». Выглядел тот ужасно – изрубленные снарядами, обгоревшие надстройки, полузатопленный, с сильнейшим дифферентом на нос. В общем, наглядная иллюстрация того, что бывает с наглецами, рискнувшими перечить королевскому флоту. И, разумеется, теперь это был законный трофей британцев, который, правда, требовал немалых затрат для введения корабля в строй.

Еще в Александрии стояли французские корабли. Старый, тихоходный, хотя и неплохо вооруженный линкор «Лоррэн», четыре крейсера и эсминцы. Все эти корабли оказались в порту на момент капитуляции Франции, и британцы добились их разоружения. Фактически корабли были в плену, однако захватывать их не стали – не стоили они того. А вот кровь британцам пустить, начнись в порту бой, могли вполне. Так что французы интернировались на относительно почетных условиях и намерены были торчать здесь до тех пор, пока не кончится война.

Город спал. А чего бы и не спать тихому захолустью, отделенному от бушующей в Европе войны пусть небольшим, но все же морем, а от иных неприятностей надежно прикрытому пустыней? Стальная кавалерия Роммеля пока не продемонстрировала британцам, что для хорошего солдата нет иных преград, чем еще лучшие солдаты. Те, кто квартировал здесь, пребывали в счастливом неведении об этом, и в еще большем заблуждении относительно превос-

ходства британских солдат над всеми остальными. Их очередь на разочарование и прозрение была еще впереди. Город спал...

Командиру британского крейсера с редкой фамилией Смит, патрулирующего подходы к порту, сообщили о появлении множественных неопознанных целей за час до рассвета. Откровенно говоря, он намеревался еще поспать, но доклад вырвал его из постели, как пробку. Ничего удивительного – он просто слишком хорошо знал, что его корабль, один из первых «вашингтонских» крейсеров, не блещет ни скоростью, ни защитой, ни вооружением. Построенный в рамках жестких ограничений по всем основным характеристикам, он оказался типичнейшей попыткой скрестить ежа и ужа. Результат тоже оказался соответствующим – и длины маловато, и колется так себе. А главное, устаревший радар (а кто будет запихивать новый на старое корыто, если их и для линкоров-то не всегда хватает) имел крайне посредственные характеристики. Чужие корабли оказались обнаружены, когда до них оставалось не более двенадцати миль.

К тому моменту, как британский корабль начал делать осмысленные эволюции, было уже поздно. Идущая тридцатиузловым ходом французская эскадра вышла практически на дистанцию прямого выстрела и обрушила на крейсер град пятнадцати- и тринадцатидюймовых снарядов. В течение нескольких минут все было кончено. Крейсер буквально разорвало на куски, и французы, выделив один эсминец для спасения экипажа быстро погружающихся в воду раскаленных обломков, устремились дальше.

Гибель крейсера оказалась напрасной. Да, он успел сообщить о появлении чужих кораблей, да и гром орудий над ночным морем разносится далеко, но у британцев просто не осталось времени отреагировать. Слишком долго они пребывали в убеждении, что являются единственной силой в этих водах. Слишком презирали итальянцев. Слишком уверились в пассивности только что сбежавших куда подальше французов. Словом, они привыкли свысока смотреть на остальных – и оказались не готовы к тому, что кто-то сумеет перехватить у британского флота инициативу.

В боевой рубке «Ришелье» Колесников, глядя на уже ясно видимый в тающих предрассветных сумерках берег, в очередной раз повторил:

- Главное, авианосец не утопите.
- Дался он вам... Как вы его в океан-то выведете?
- Это будет уже мой вопрос.

Жансуль безразлично пожал плечами, но комментировать не стал. У него и без разговоров дел было по горло. Поначалу кажущуюся ему безумной идею Колесникова он принял в штыки, но когда ему напомнили, что он не вольный пират, а адмирал, причем теперь уже германского флота, скрипнул зубами и подчинился. А сунув голову в капкан, отступать уже поздно. Теперь или победить – или на дно.

Вообще, Колесников эту мысль крутил в голове все то время, пока летел в Тулон. Благо, как раз времени-то хватало. Та же операция «Катапульта», роли только поменять. Взять быстроходные корабли – и зажать англичан в их собственном порту, благо, куда они направились, итальянцы смогли установить точно. Конечно, жаль, что не получится взять с собой два старых дредноута – их орудия оказались бы не лишними, но тащить с собой эту тихоходную рухлядь означало упустить время и утратить эффект внезапности. А на внезапности, собственно, и строились все планы Колесникова. В открытом бою противопоставить британцам ему было попросту нечего, все же ни «Дюнкерк», ни «Страсбург» на полноценные линкоры не тянули. Да и не дойдет до нормального сражения – британцы поднимут самолеты, разбомбят, забросают торпедами, а затем корабельная артиллерия добьет уцелевших. Нет, атаковать первыми в то время, когда тебя не ждут, единственный шанс. Дохленький, конечно, и риск запредельный – но Колесников за свое недолгое пребывание здесь уже привык рисковать.

Эх, будь у него под рукой проверенные делом немецкие моряки... Или русские. Увы, приходилось работать с теми, кто есть. Как говорится, за отсутствием гербовой можно писать и на клочетной.

Впрочем, и так получилось на удивление неплохо. Французские моряки были насколько можно подстегнуты желанием отплатить британцам, осознанием того, что проигрыш равен смерти, и хоть какой-то перспективой. Пускай и немецкой, но все же. Колесников не скупился на обещания и под конец даже начал опасаться, что в Берлине его не так поймут. Однако же, когда простому матросу обещают, что если он будет храбр, то поместье на завоеванной территории ему обеспечено, это неплохо поднимает воинский дух. Помнится, начиная завоевания, Гитлер именно так стимулировал немцев. Так почему бы и не повторить удачный ход? Теперь оставалось посмотреть на результат.

И никаких извращений с ультиматумами. В порту еще только-только начиналось шевеление, а французские корабли уже заняли позиции и открыли плотный огонь. Линкор, два линейных и четыре тяжелых крейсера сотрясались, их орудия развили максимальную скорострельность. В такой ситуации сложно целиться, но это компенсировалось малой дистанцией боя, а снаряды, ушедшие с перелетом, закономерно попадали в город. Чужой город, который не было пока резону щадить.

Британцы не были трусами и отвечать начали не сразу, но очень быстро. Тем не менее, первые минуты артиллеристы французской эскадры работали, словно на полигоне, и результат оказался закономерен. Вначале под раздачу попал очень удобно расположившийся линкор «Куин Элизабет». Старый корабль, построенный еще к той войне и считавшийся тогда вершиной корабельной архитектуры, к началу боевых действий всерьез устарел, и никакие модернизации уже не могли исправить положение. Откровенно говоря, на слом он должен был отправиться еще пять лет назад, и только резко обострившаяся международная обстановка и нехватка у Британии денег на постройку новых кораблей взамен устаревших позволили ему остаться в строю, а не пойти на иголки.

Результат оказался вполне закономерным. Броня корабля, изначально не самая толстая, не предназначалась для противодействия современным снарядам, выпущенным из современных же орудий. В течение пятнадцати минут корабль получил не менее двух десятков попаданий только главным калибром «Ришелье». Потом над третьей башней уже всю горящего линкора взлетело вверх ослепительно белое пламя, практически мгновенно сменившееся клубами черного дыма. Удачный снаряд достал до порохового погреба, и детонация боезапаса буквально вырвала старому кораблю днище, заодно подбросив вверх бронированную крышу башни, которая, бешено вращаясь, взлетела выше мачт. Остальные орудия моментально прекратили огонь, а спустя пару минут линкор, сильно накренившись, лег на грунт.

Линкору «Рэмиллис» повезло чуть больше. Просто потому, что по нему работал «Страсбург», орудия которого имели меньший калибр. Тем не менее, к тому моменту, когда «Ришелье» закончил расправу над «Куин Элизабет», второй по мощи корабль Каннингема уже перестал отвечать на огонь французов. Обе носовые башни были выведены из строя прямыми попаданиями, а кормовые не могли вести стрельбу из-за перекрывающего им сектор обстрела «Резолюшна». Тот, вначале активно и достаточно результативно отвечавший на вражеский обстрел, после того, как «Ришелье» обратил на него внимание, моментально загорелся. Точность и интенсивность стрельбы корабля резко снизились, а когда нарушилось энергоснабжение башен, и вовсе практически прекратилась. Линкор осел на нос и коснулся форштевнем грунта, что сделало бесполезными попытки дать ход и ему, и «Рэмиллису», который не мог протиснуться мимо собрата.

Тем временем «Дюнкерк» обстрелял британский авианосец, быстро добившись попаданий в летную палубу и сделав невозможным взлет самолетов. После этого линейный крейсер, поддерживаемый парой тяжелых крейсеров, наглухо увяз в перестрелке с «Вэлиентом», артил-

леристы которого не только не ударились в панику, но и успели организовать стрельбу. Более того, корабль смог дать ход, и остановить его удалось бы, наверное, только объединенными усилиями эскадры. К тому моменту «Дюнкерку» вести бой оказалось практически нечем – снаряды британцев вздыбили палубу перед носовой башней, наглухо ее заклинив. Во вторую башню угодил снаряд, уничтоживший два орудия вместе с расчетами. Два других орудия уцелели только благодаря спорному новаторству французских корабелов – башни корабля были разделены на две «полубашни». В результате взрыв в одной половине не причинял вреда второй. Теоретически. На самом деле, все находившиеся во второй половине башни получили жесточайшие контузии, и вести огонь, пока не прибежали на помощь оставшиеся не у дел артиллеристы первой башни, было просто некому. Но, в любом случае, выходить с двумя орудиями против сохранившего половину артиллерии британского корабля выглядело извращенной формой самоубийства.

В общем, «Вэлиент» прорвался, а следом за ним ушел в море и практически не обстреливавшийся «Худ». Откровенно говоря, эти линкоры еще могли бы попытаться переломить ход боя, но британцы предпочли ретироваться. Возможно, они так и не смогли определить точные силы тех, кто так нагло атаковал их флот, а может быть, их впечатлила атака эсминцев, под шумок приблизившихся к порту и начавших разряжать по нему свои торпедные аппараты. Точно сказать сложно, однако оба корабля, а также сумевшие вырваться следом за ними из огненного кольца четыре эскадренных миноносца и два легких крейсера бежали. Александрийское сражение было выиграно.

Для французских кораблей бой тоже дался нелегко. «Дюнкерк» оказался практически небоеспособен – но он хотя бы не собирался тонуть. А вот «Страсбург», потерявший одну из башен, еле держался на воде, и спасти его удалось, только войдя в гавань и приткнув корабль к берегу. «Ришелье» принял две тысячи тонн воды и сильно осел носом, но сохранил ход и артиллерию. Из четырех тяжелых крейсеров, участвовавших в обстреле, уцелело два. Третий затонул, получив с дюжину снарядов и перевернувшись так быстро, что спасти удалось не более двух десятков моряков, находившихся на верхней палубе. Четвертый приткнулся к берегу, где через какое-то время и взорвался – команда до последнего боролась с огнем, и почему не были затоплены погреба, так и осталось тайной.

Однако дело еще не закончилось. Колесников, считавший наиболее эффективными комплексные решения, уходя из Тулона посадил на эсминцы и легкие крейсера всех, кого смог собрать под свою руку Жансуль. Вышло около трех тысяч человек. Немного – но этого хватило. Пока тяжелые корабли с треском играли в большие игры, пехота сделала свое дело куда незаметнее, однако не менее эффективно. Высаженные прямо на мелководье (хорошо помнивший про русские десанты из той истории, Колесников в ответ на робкое сопротивление французских офицеров цинично заявил «не сахарные, не растаете») и весьма разозленные этим обстоятельством пехотинцы смогли захватить береговые батареи, после чего атаковали собственно город.

В иных обстоятельствах, особенно учитывая откровенную слабость нынешних французских солдат, имеющихся сил было бы категорически недостаточно. Но когда город бомбардируют корабли, а британцы, вытряхнутые из коек, все еще не могут организовать сопротивление, даже этой пародии на десант хватило. К тому же в качестве той самой последней соломинки для британского верблюда, как только закончился артиллерийский бой, Колесников приказал высаживать на помощь десанту всех моряков, без которых можно обойтись. Эсминцам же передали приказ высаживать abordажные группы на обездвиженные корабли англичан. Возможно, помогло именно это. А может, французов простимулировали слова Колесникова «три дня на разграбление», кто знает. Главное, результат, а он выглядел впечатляющим. Александрия была взята, остатки британских войск выбиты в пустыню и остались без техники и практически без оружия и боеприпасов. Город и порт перешли в руки победителей.

Список трофеев впечатлял. Одних только кораблей было захвачено двенадцать – авианосец, два линкора, крейсер, эсминец, две подводные лодки и целых пять тральщиков. Все тяжелые корабли, разумеется, достались победителям в изрядно побитом состоянии. Но сейчас в бухте оказалось много затопленных кораблей, которые вполне могли послужить источником запчастей, так что Колесников не унывал. Как минимум, подлатать трофеи, чтобы иметь возможность дотащить их до нормально функционирующих доков, фантастикой не выглядело. К тому же у него имелся еще один туз в рукаве, который, правда, требовалось ухитриться достать.

Кроме британских трофеев, французы смогли отбить и собственные, ранее захваченные англичанами корабли. «Жан Бар», невезучий корабль, во время боя опять получил свою долю плух, и сейчас возможность вывести его из гавани обсуждали французские офицеры. Хорошо обсуждали, с французским темпераментом, размахивая руками и ругаясь так, что мачты тряслись. А вот «Лоррэн» и его собратья по интернированию практически не пострадали, что внушало осторожный оптимизм. Восстановить их боеспособность можно было в кратчайшие сроки, и это радовало, поскольку хоть чем-то прикрыть Александрию с моря нужно было кровью из носу. Словом победа – это здорово, но мороки она сулила еще больше. Хорошо еще, имелось на кого теперь это все спихнуть.

В Берлине его встречали, как триумфатора. Наверное, заслужил. Во всяком случае, отнесся к такому приему Колесников вполне позитивно. Да и шоу оказалось хорошо срежиссировано – на службе у Третьего рейха имелись грамотные профессионалы.

Опять пришлось толкать речь. Хорошо еще, ведомство доктора Геббельса подсуенилось и подготовило текст аж на десятке страниц. Колесников прочитал, пришел в ужас от пафоса и категорически отказался читать «этот бред». Проявив завидную оперативность, к нему тут же прислали шустрого парнишку в очках и с университетским дипломом, вместе с которым за два часа они пришли к устраивающему обоих результату. Правда, размеры сократились, но никто ничего против не имел, хотя бы потому, что на фоне рубленых фраз истинного арийца, солдата и прочее и прочее таланты выступающего следом Гитлера как оратора смотрелись еще лучше обычного.

Кстати, Геббельс Колесникову не понравился совершенно. Остальные руководители Третьего Рейха, с которыми ему приходилось иметь дело, как к ним ни относиться, выглядели личностями. Геббельс же вызывал отвращение не только крысиным личиком, но и повадками истинной шестерки. Противный человечиска, в общем, и дурак. Почему дурак? Да потому, что только дурак мог назвать главный информационный орган страны Министерством пропаганды. Само по себе слово «пропаганда» вызывает недоверие, а тут, в результате, даже истинная правда рассматривалась через такую призму. Соответственно и эффективность работы снижается резко. В общем, талантливый оратор, этого не отнимешь, но в остальном существо абсолютно недалекое. Колесникову стоило огромного труда не показать своего отношения к нему. Конечно, особого вреда от такого не ждешь, но если поймет, что адмирал разглядел в нем ничтожество, напакостить постарается. Все же министр, определенные возможности имеются. Оно, спрашивается, надо?

Хорошо еще, парадом и «стихийно» возникшим митингом на сегодня и ограничилось. Аудиенцию у фюрера, ради встречи героя прервавшего отдых и самолетом прибывшего в Берлин из Чайного Домика, своей альпийской резиденции, назначили на завтра, на десять утра. Радовало это обстоятельство до безобразия. Все же адмирал был на ногах уже больше суток, плюс выматывающий перелет... В общем, держался он исключительно на крепчайшем кофе, чувствуя, как от него периодически начинает трепыхаться сердце. Хотелось одного – лечь, и чтобы никто не кантовал.

Увы, мечты остались мечтами. Не успел Колесников вылезти из ванны (после изматывающей южной жары и не менее трудной дороги, плюс незапланированный парад – тело казалось

липким от пота, и брезгливость перевесила даже усталость), как раздался осторожный стук в дверь. И кто, спрашивается, решил потревожить? Ну, безусловно, Хелен.

Девчонка, похоже, и впрямь была к нему равнодушна, иначе вряд ли примчалась бы вот так, чуть ли не посреди ночи. И гнать ее не было ни сил, ни желания. Да просто рука не поднималась. Пришлось опять прогуляться по ночному Берлину, где редкие полицейские, увидев адмиральский мундир, вытягивались в струнку, а потом опять записать с ней интервью, правда, коротенькое. На что-то серьезное у Колесникова сейчас просто не осталось сил.

Кстати, девушка неплохо приподнялась за последнее время. Колесников оказался абсолютно прав, решив, что пара-тройка эксклюзивных интервью ей не повредят. Во-первых, Хелен оказалась в штате газеты, причем в ранге специального корреспондента. Неплохо звучит, да и жалование твердое. Не особенно большое, но при этом дающее возможность жить, не подрабатывая в ресторанах. Ну и, во-вторых, сама газета резко увеличила тиражи. Ее хозяин оказался человеком хватким и сумел раскрутить подвернувшуюся удачу. Что же, не стоило его разочаровывать.

Немного подумав, Колесников подкинул Хелен идею о цикле репортажей. Из тех, что печатают кусочками, добавляя «продолжение следует». Так одного интервью на два-три номера точно хватит. Но – завтра. Следовало спокойно все обдумать и решить, что можно говорить, а что не стоит. Как и ожидалось, девушка ухватила за эту мысль руками и ногами, аж засветившись от восторга. Ну и ладушки. А сейчас позвать Вальмана, приказать ему отвезти Хелен домой – и возвращаться в гостиницу. Спать, спать...

– ...И как вы решились пойти на такой риск, адмирал? Да еще без согласования с командованием?

Гитлер был доволен, как обожравшийся сметаны кот, но тщательно старался этого не показывать. Высокое начальство, значит, изображал, да... Все присутствующие, включая и самого Колесникова, старательно ему в этом подыгрывали.

– Потому что не видел в этом никакого риска, – с выражением полного безразличия на лице соврал адмирал. – В худшем случае, погиб бы только я.

– А...

– А французов я во внимание не принимал. В конце концов, они не немцы.

Вот так. Сейчас он их всех немного удивил. Не ожидали присутствующие такого националистического пассажа. Ну и ладно, пускай теперь гадают, с чего так эволюционировали взгляды Лютьенса. Чем больше туману – тем лучше. Впрочем, за рамки отношения победителя к побежденным его слова вряд ли выходят.

– Но потеряй вы корабли, то плоды вашего первоначального успеха были бы потеряны.

– Во-первых, не все. Как минимум два линкора Германия все же получила бы. Пускай и старых, но в умелых руках, – вежливый кивок в сторону Редера, – это крайне серьезный аргумент. А во-вторых, если бы мы этого не сделали, то флот все равно остался бы запертым в Тулоне, поскольку обеспечить реальный контроль над морем в тех условиях мы были неспособны. Что есть корабли, что нет кораблей... Тем более, команды с них на тот момент попросту разбегались.

– А сейчас? – прищурился Гиммлер.

– А сейчас там все, от юнги до адмирала, объявлены британцами военными преступниками. Им придется драться, или, случись нам проиграть, их всех ждет виселица.

– Германия не может проиграть!

Боги, как это пафосно. А главное, Гитлер уверен в том, что говорит. Это очень плохо. Вера в собственную непогрешимость делает его мало восприимчивым к аргументам остальных.

– Разумеется, – вежливо наклонил голову Колесников. – Но они-то этого пока не знали.

Присутствующие дружно рассмеялись. Геринг, хлопнув себя руками по толстым ляжкам, объявил, что теперь уже наверняка все знают. И поинтересовался, как чувствует себя в роли военного преступника сам Лютьенс.

– Военных преступников назначает победитель, – кажется, безразлично-самоуверенная манера речи начинала входить в привычку. Во всяком случае, не приходилось уже контролировать ни тембр, ни мимику. – Побеждает Германия – значит, и кого вешать – назначаем мы.

Все пару секунд обдумывали сказанное, затем Гитлер заявил, что манеру речи истинного немца ни с чем не перепутаешь. Остальные покивали.

– И все же, адмирал, – сейчас голос Гитлера звучал по-деловому сухо. – Почему вы ни с кем не согласовали свои действия?

– Потому что на тот момент это ставило под угрозу всю операцию. Согласование заняло бы много времени, многократно возрос бы риск утечки информации. Я потому и с Муссолини предпочел не связываться – там такой бардак, что британцам стало бы обо всем известно уже через пять минут.

– Это точно, – недовольно буркнул Геринг. Остальные поддержали его согласными кивками.

– А как вы его потом уговорили сотрудничать? – Гитлер смотрел заинтересованно. – Этого упрямого барана очень сложно хоть в чем-то убедить. А за три дня заставить итальянцев организовать переброску двух дивизий – это достижение!

– Я всего лишь намекнул, что если он опоздает к разделу пирога, то ему крайне сложно будет доказать тезис о внутреннем море империи. Правда, внутренним морем чьей империи будет Средиземное, я уточнять не стал.

Все снова рассмеялись.

– Однако же, адмирал, положительно, вы умеете мастерски играть словами, – Гитлер сейчас даже перестал скрывать свое хорошее настроение. – И этого... Жансуля вы тоже убедили так же?

– Ну, разумеется.

«А то ты не знаешь, о чем мы разговаривали, – с легким раздражением подумал Колесников. – Я вроде бы все подробно расписал, кучу бумаги извел. Знал бы ты, как неудобно писать в кабине истребителя».

– Вам не кажется, что вы... перешли границы полномочий?

Ну да, это уже Гиммлер. Играет, причем крайне аккуратно. Все же Лютьенс ему пока нужен. Однако и не сказать не может, а то не так поймут.

– Нет, герр рейхсфюрер. Во-первых, мои слова – это мои слова. Формально я там присутствовал как частное лицо, а Германия не может отвечать за фантазии каждого туриста. Во-вторых, Петена все равно придется менять, а боевой адмирал, популярный и в то же время управляемый, неплохой вариант. Ну и, в-третьих, не будет справляться – поменять не сложно. Не все ли равно, как зовут гаулейтера.

– А будет ли он управляем?

– Да куда он денется, – цинично усмехнулся Колесников. – Военный преступник, во всяком случае, по мнению англичан. Соответственно от нас он зависит полностью.

– Да, вы, я вижу, все продумали...

– Адмирал, – перебил рейхсфюрера Гитлер. – Изложите ваши соображения по дальнейшему ведению кампании. Вы у нас умеете грамотно планировать, и я не поверю, чтобы не продумали варианты.

Вот оно. Гитлер начинает советоваться с ним напрямую. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что растет его влияние на фюрера и соответственно на Германию. Плохо потому, что остальные могут почувствовать угрозу своему положению. Вон как напряглись присутствующие, причем все и сразу. Даже Гудериан, которого пригласили как бы за компанию, поскольку

он присутствовал при разборе полетов в прошлый раз. Хотя как раз ему вроде бы нечего опасаться. Но военные крайне нервно реагируют, когда кто-то лезет в их дела.

– Я считаю, – адмирал подошел к большой, во всю стену, карте, внимательно посмотрел на нее и усмехнулся, – у Британии сейчас две ключевые точки. Первая – это собственно Британские острова. Им нечем их защищать. Людей-то они из Дюнкерка вывезли, но потерянное вооружение пока не восстановили. Раньше десант выглядел невозможным из-за господства на море их флота, но сейчас...

Все понимающе закивали. Действительно, потери британцев были самыми тяжелыми, наверное, за всю историю их флота. В Александрии, когда они не смогли даже организовать сопротивление, миф о Владычице морей рухнул, грозя похоронить под обломками всю империю. В такой ситуации организовать эффективную оборону метрополии становилось весьма сложной задачей.

– Вторая, – методично, как привык когда-то на лекциях, продолжал Колесников, – это Суэцкий канал. Перережь его – и протяженность морских путей вырастет для британцев в разы. Фактически мы разрежем их империю пополам, причем сейчас у нас имеется прекрасный плацдарм для наступления. И они наверняка эту угрозу понимают. Сейчас я Черчиллю не позавидую. Он как тот Буриданов осел между двумя морковками... Только вместо двух морковок два кнута.

– И куда вы предлагаете нанести удар?

– А куда, – безмятежно ответил Колесников.

– То есть? – кто это сказал, он так и не понял. Ну и ладно – судя по выражению лиц присутствующих, он выражал общее удивление.

– У нас недостаточно сил для решительной победы, – вздохнул адмирал. – Британский флот все еще очень силен, а главное, у островитян имеются колоссальные судостроительные и судоремонтные мощности. Мы же, пока восстановим трофейные корабли, в любом случае потеряем время. Это если еще не учитывать сложности с проходом Гибралтарским проливом. Собственного же флота Германии для такой операции абсолютно недостаточно.

Его слова встретили молчанием, но возражать никто не пытался. Здесь все же собрались не прекраснодушные идеалисты, а жесткие и циничные прагматики. И все помнили, как только что мимо Гибралтара в Британию ушли поврежденные корабли, а сунувшемуся было их преследовать итальянскому флоту пришлось утереться. А Колесников, выдержав короткую паузу, продолжил:

– С другой стороны, для наступления на Ближнем Востоке требуются значительные сухопутные силы. Оперативно перебросить туда достаточное количество войск, а главное, наладить их снабжение, крайне сложно. Особенно учитывая, что британцы тоже не будут сидеть сложа руки. Итальянские же дивизии я бы не стал учитывать. Они еще могут кое-как обороняться, если их не атакуют, но открытого столкновения даже с меньшими силами британцев им не выдержать.

– И что же вы предлагаете? Сидеть и ничего не делать?

Ну да, это порывистый и не привыкший молчать Гудериан. Остальные просто ждут, что он скажет.

– Разве я это говорил? Нет, я просто предлагаю действовать комплексно. И тут решающее слово окажется за адмиралом Дёницем.

Интересно было видеть, как взлетели вверх брови Редера. Он-то думал, что Лютенс и Дёниц не испытывают взаимной симпатии. И, кстати, был прав. И у фюрера Дёниц вообще пока что не был в фаворе, его сюда даже не пригласили. Однако Колесников не собирался останавливаться, только подпустил в голос жестких ноток.

– Британию надо брать в блокаду. Их метрополия зависит от внешних поставок так, как ни одна другая страна Европы. Я думаю, это все и без меня понимают. Надводный флот не

сможет это сделать – значит, пора задействовать для этой цели наши субмарины. Тем более, в Средиземном море они сейчас не слишком нужны, и их надо выводить на новые позиции. Правда, Гибралтар... Ладно, это технический вопрос. Как вариант, можно обратиться к рейхс-маршалу и попросить стереть эту скалу в пыль. Надеюсь, он нам не откажет в такой малости.

Все поняли, что это шутка, пробежала череда коротких смешков. Пожалуй, здесь были непривычны к такому стилю совещаний, но и против ничего не имели.

– Одновременно стоило бы продолжить подготовку операции «Морской лев» и проводить непрерывные бомбардировки Британии. Основная цель – подавить их авиацию, парализовать промышленность. Необходимость одновременно парировать удары и вести переоснащение армии в условиях дефицита всего, что только можно – а именно созданием такого дефицита и должны заняться подводники – как минимум, не даст Британии перехватить инициативу. Как максимум, обрушит их экономику, а это уже поражение.

– А вы прямо стратег, – усмехнулся Гитлер. – Пожалуй, адмирал, вы переросли свои погоны.

– Вам виднее, мой фюрер. Разрешите продолжить? – и, дождавшись одобрительного кивка, Колесников вновь заговорил: – При нанесении ударов по Британии необходимо подавить их радарную сеть, что резко снизит возможности островитян к активному противостоянию нашей авиации, и по возможности постараться оставить нетронутым или хотя бы подлежащим восстановлению флот. Рано или поздно придется схлестнуться с САСШ, и британские корабли нам очень пригодятся. И ни в коем случае не бить по городам. Их инфраструктура пригодится нам самим, а если ее разрушить, то придется вкладываться в восстановление. Полагаю, во время войны это непозволительная роскошь, да и позже деньгам можно найти лучшее применение.

Гитлер задумчиво кивал, зато Геринг внезапно поинтересовался:

– Радарная сеть? Наша разведка ничего не сообщала о ее наличии. Вы уверены?

– Уверен, – мысленно проклиная некстати вылезшее послезнание, ответил Колесников. – Ее просто не может не быть. У британцев очень хорошие радары и достаточно ограниченная территория, которую они должны прикрывать. Дураки были бы они, не создай такую защиту. А они кто угодно – только не дураки.

– Продолжайте, адмирал. Пускай вашу идею проверит разведка, – Гитлер брал упущенные бразды правления совещанием в свои руки.

– Благодарю, мой фюрер. Одновременно с операцией по блокаде островов необходимо продемонстрировать активность на Ближнем Востоке. Достаточные силы, как я уже говорил, нам в том регионе обеспечить не удастся. Однако даже сама возможность удара по каналу заставит британцев понервничать и распылить силы. Войну на два фронта, да еще и с растянутыми коммуникациями, британцы вряд ли выдержат.

Ага, в прошлый раз выдержали, ехидно вякнул внутренний голос. Ничего, можно надеяться, что в этот раз Германия не полезет на восток, ответил ему Колесников и продолжил:

– Таким образом, на средиземноморском театре военных действий нужна небольшая, но максимально боеспособная и мобильная группировка. Корпус, насыщенный техникой, прошедшей адаптацию для действий в пустыне, имеющий непрерывную поддержку авиации. И, естественно, командующий, который сможет действовать активно, агрессивно, в отрыве от своих баз и принимая решения на месте.

– И кого же вы предложите? – вновь влез Гиммлер. – Зная вас, предположу, что кандидатура уже имеется.

– Я бы предпочел, чтобы кадровыми вопросами занималась армия. Наверняка, к примеру, генерал-полковник Гудериан (только что произведенный в это звание танкист удивленно посмотрел на Колесникова) лучше меня знает, кто и на что способен. Лично я в последние месяцы активно общался только с генерал-майором Роммелем. Возможно, он бы подошел –

человека с таким складом характера и уровнем профессиональной подготовки я, не задумываясь, поставил бы командиром рейдера. Однако решать не мне, и окончательное слово должно быть за армейским командованием.

Гитлер, кивнув, в очередной раз что-то черкнул в блокноте. Ну что же, можно надеяться, что и на этот раз Роммель заработает свое прозвище.

– Что-нибудь еще?

– Да. В свете нынешних раскладов считаю целесообразным продолжать строительство уже заложенных кораблей, но при этом не закладывать новых, сконцентрировавшись на ремонте трофеев. Основные ресурсы перебросить на усиление подводного флота, а также авиации. Полагаю, так можно добиться большего, затрачивая меньше средств. Единственно, перед восстановлением трофеев необходима тщательная оценка их состояния и соответствующий экономический расчет. В этом случае мы сможем обеспечить десант в Англию – в конце концов, проливы не намного шире рек.

Гитлер довольно усмехнулся, но в целом уже потерял интерес к разговору. Художники мыслят образами, а когда процесс начинает идти к детализации и вот-вот превратится в оперирование цифрами, им становится скучно. Так что, в принципе, на этом разговор и закончился. Доклад Лютьенса собравшимся понравился, о чем ему и было публично сказано. После этого адмирала, а вместе с ним и Гудериана, отпустили на все четыре стороны.

К машинам они спустились одновременно, и для Колесникова было неожиданностью, когда Гудериан предложил проехаться с ним. Ну что же, отказываться не стоило, наверняка человек хочет поговорить, а чьи люди возят адмирала, понятно было без объяснений. Пожалуй, так можно было заработать привычку разъезжать на чужих автомобилях и в них же разговаривать. Колесников ничего не имел против, хотя подобная ситуация его сместила.

Так и получилось. За рулем «Опель-адмирала» сидел обычный армейский водитель. Даже если и работает на кого-нибудь еще, в любом случае это не профессионал, умеющий грамотно вычленять из чужих разговоров основное. Солидно заурчал мотор – и автомобиль бодро покатился по улицам.

– Вы меня удивляете, – сказал Гудериан после недолгого молчания. – Скажите, зачем вам это надо?

– В смысле?

– Оставьте, адмирал. Я собирал про вас информацию. Вы обычный, ничем особенным не выделяющийся моряк. До недавнего времени за вами не было громких побед на море, и вы мало разбирались в сухопутной войне. А сейчас вы раз за разом побеждаете, что еще можно объяснить, и уверенно даете сбывающиеся прогнозы в том, о чем еще недавно представления не имели. И зачем вам лезть в чужие дела, мне совершенно непонятно. Да, ваш план выглядит красиво, и его, скорее всего, примут, но какого черта вы решили нами командовать?

О-па! Еще один умник выискался. Нет, конечно, в немецкой армии дураков немного, но этот уж слишком проницательный попался. Надо выкручиваться, а то и спалиться можно. Он, конечно, герой, вон, только сегодня опять наградили. Если так пойдет дальше, можно догнать советских маршалов, у которых орденов столько, что кольчуги не нужно. И все равно, лишние проблемы – они совсем уж лишние. Придется импровизировать.

– Видите ли, Гейнц, – это звучало несколько фамильярно, но Гудериан не обиделся. – По поводу морской войны я могу ответить вам просто. Я не побеждал, потому что мы не воевали. В ту войну командовать эскадрой мне еще было не по чину. А сейчас появилась возможность реализовать старые задумки – и результат оказался вполне удовлетворительный. А вот по суше все сложнее. Скажите, вы в математике разбираетесь?

– Ну...

– Понятно. А вот я разбираюсь. Дело в том, что когда с ней сталкиваешься каждый день и по многу раз – а на флоте математические расчеты присутствуют на каждом шагу – поне-

воле начинаешь рассматривать с точки зрения этой науки все остальное. Я просто сумел приложить кое-какие математические принципы к современной войне. Главное, учесть как можно больше факторов, от количества снарядов в боекомплекте и подготовки механиков в ремонтных мастерских до расхода топлива и качества дорог, по которому его везут. Результат вы имели возможность наблюдать.

Гудериан недоверчиво покрутил головой, но ничего не сказал. Только кивнул – продолжайте, мол. Колесников мысленно усмехнулся и перешел на тему залезания в чужие огороды.

Как ни странно, байка о желании выжить сработала и на этот раз. Вполне удовлетворил Гудериана и ответ на вопрос, почему адмирал порекомендовал Роммеля. Пришлось наплести, что, помимо личных качеств генерала, сработало и просто хорошее отношение. В конце концов, почему бы и не помочь нормальному человеку. Может статься, в будущем он поможет тебе. «А этот человек далеко пойдет, вот увидите...» Словом, две высокие договаривающиеся расстались удовлетворенными разговором, но выводы о необходимости быть осторожным Колесников сделал.

Весь следующий день Колесников отдыхал. Даже из номера не выходил. А куда деваться? Организм-то не железный. И пускай он куда моложе того, который пришлось оставить в своем времени, да и физическое состояние Лютьенса было весьма приличное, все равно пятьдесят лет – это серьезно. И когда на утро после того совещания к адмиралу пришло то, что он привык называть емким словом «отходняк», Колесников не только не удивился, но даже и не расстроился. Лежал себе, отдыхал, пил чай и аккуратно спускал в унитаз порошки, выданные доктором. Последнего, кстати, вызвала хозяйка гостиницы, когда от горничной узнала, что постоялец занедужил. Врач приехал с такой оперативностью, что родная «скорая» вспомнилась исключительно нехорошими словами. Посмотрел, послушал, выписал лекарства... Ну а Колесников, решив лечиться проверенными методами, послал Вальмана за коньяком, после чего отпустил его на все четыре стороны. Все равно планировал как минимум сутки проваляться в постели, и в такой ситуации не видел нужды ни в машине, ни в помощнике.

А начиная с обеда пошли визитеры. Вначале приехали от Геринга. С приглашением о встрече в удобное для адмирала время. Следом опять появился Вальман, сообщил, что его шеф приглашает Лютьенса, как только адмирал придет в себя. Потом заехал какой-то умник из ведомства Геббельса. Интервью, значит, брал. Примитивное-е... Не успел он уйти, примчалась Хелен. Тут уж пришлось вставать и изображать радушного хозяина. Правда, шатнуло Колесникова так, что не подоспей девушка, он точно бы грохнулся. Но – успела, подперла неожиданно сильным плечом и помогла аккуратно переместиться в кресло. Потом улетучилась, чтобы вернуться с огромным подносом еды, чаем и прочими радостями жизни. Ну и последним, в разгар стихийно организовавшейся вечеринки, пришел Роммель. Его, оказывается, только что срочно выдернули в Берлин, где с ходу, будто кувалдой по голове ошарашили новым назначением и погонами генерал-лейтенанта. А так как Гудериан любезно объяснил ему, кто составил протекцию, то он пришел благодарить. И подготовился серьезно – плотно сбитый унтер-офицер с легкостью, будто пушинку, тащил следом за генералом ящик трофейного французского коньяка, рядом с которым початая бутылка на столе Колесникова смотрелась откровенно жалко.

В результате всего этого утром адмирал проснулся с жуткого похмелья, зато здоровый. Ну, почти – болела голова и слегка ныла шея. Ныла потому, что заснул в кресле, а слегка – потому что оно оказалось невероятно удобным. На кровати же храпел Роммель, не снявший даже сапог. Посидели, в общем, славно.

– Господа, вы уже проснулись?

Хелен вышла из соседней комнаты. Свежая, бодрая – ну да, она вчера и не пила практически, больше пригубляла, чтобы компанию поддержать. Неудивительно, что выглядела она даже лучше, чем вчера. Колесников совершенно не помнил, когда она удалилась. Зато помнил,

что в той комнате имелся диван, а значит, ночь девушка провела в относительном комфорте. Хотя, конечно, теперь ее репутации точно хана. А еще ее появление означало, что пора вставать.

Час спустя они разъехались. Роммель – по своим делам, ему сейчас предстояло начать формировать корпус, Хелен – к себе, в редакцию. Правда, взяла с генерала слово, что тот сегодня же даст ей интервью. Это, в свою очередь, означало, что придется вначале помочь ей с составлением вопросов. Ну и ладно. Сам же адмирал, выпив две таблетки аспирина и приняв ледяной душ, что немного примирило его с окружающей действительностью, отправился к Гиммлеру – такими приглашениями не стоило пренебрегать.

Тот встретил адмирала весьма радушно, хотя разговор получился скомканный. Просто Колесников приехал в не самое удачное время. Тем не менее, информация, которую он получил, того стоила. Что план, озвученный на совещании, принят, Колесников и сам уже знал, а вот о том, что летчики, атаковавшие его «Кондор», охотились, скорее всего, лично на него, было куда важнее. Оказывается, одного из британцев немецкие истребители в последней фазе боя все-таки сбили. Пилот выбросился с парашютом и попал в плен. К сожалению, он получил тяжелое ранение, и вскоре умер, но кое-что успел рассказать. Оказывается, их эскадрилья получила приказ атаковать и сбить именно этот самолет, известны были и время вылета, и маршрут. И по всему выходило, что охота на лучшего адмирала Германии началась, причем те, кто ее вел, обладали немалыми возможностями. Достаточными, чтобы узнать все о самолете, вылет которого сам по себе являлся государственной тайной.

Нельзя сказать, чтобы эта информация обрадовала Колесникова, но и плакать он смысла не видел. В конце концов, то, что охота на него рано или поздно начнется, он понимал – британцы мастера на подобные действия, и Джеймсов Бондов у них всегда хватало. Ну, началось рано – так что, стреляться из-за этого? Нет уж, тут куда проще и перспективнее ликвидировать источник неприятностей, сиречь Британию. Ну и, конечно, их столь высокопоставленного «крота», но тут уж дело было явно вне адмиральской компетенции.

Кстати, там же Колесников познакомился с Мюллером, правда, общался с ним всего пару минут. Реальный шеф гестапо мало походил внешне на образ, созданный Броневым в популярном фильме, но внутреннюю его суть киношники ухватили точно. Умнейший человек – и в то же время поворачиваться к нему спиной было по меньшей мере рискованно.

Следующим по плану был визит к Герингу. Как и в прошлый раз за город, но на этот раз хоть летать не пришлось. Командующий люфтваффе любил жить красиво, и под Берлином у него тоже имелось поместье. Размерами, конечно, до той виллы, на которой он принимал гостей в прошлый раз, оно не дотягивало, да и роскоши было куда меньше. В лихие девяностые Колесникову пришлось как-то побывать в доме одного нового русского. Тот когда-то заканчивал их институт и, в отличие от многих, не забыл альма-матер. Вот и помогал периодически, а как-то решил устроить праздник своим бывшим преподавателям. Так вот, этот «хозяин жизни» мог, посмотрев на жилище Геринга, с полным на то основанием сказать: скромно, но чистенько. Зато, опять же, со вкусом...

– Здравствуйте, Гюнтер! – рейхсмаршал лично встретил его в просторном холле. Улыбался он совершенно искренне, и Колесникову в очередной раз подумалось, что Геринг не притворяется радужным хозяином – ему и в самом деле нравится принимать гостей. – Рад вас видеть.

– Взаимно, герр рейхсмаршал.

– Давайте по именам, – ухмыльнулся Геринг.

Ну, по именам – значит, по именам. Это не такой уж и плохой знак, если разобраться, подумал Колесников, проходя следом за хозяином в гостиную. При виде накрытого стола и обилия бутылок на нем печень протестующе взвыла, но Колесников поступил как тиран, волевым решением загнав ее протесты куда подальше. В конце концов, есть и пить с высоким началь-

ством, даже если трезвенник-язвенник, его сейчас положение обязывало. И пришла в голову крамольная мысль, что в этом плане ничего не меняется – в его времени все было точно так же.

– Вы сегодня один, без... прекрасной спутницы? – весело поинтересовался хозяин, плюхаясь за стол, и жестом предлагая адмиралу последовать его примеру.

– А что делать? – отозвался Колесников, аккуратно пристраивая костлявую немецкую задницу на удобный, хотя и выглядящий донельзя хрупким стул.

– Пригласить ее с собой, разумеется, – и Геринг вновь рассмеялся.

Пришлось объяснить, что Хелен, в общем-то, просто хорошая знакомая. Даже не любовница, если это так важно. И что он, адмирал Лютьенс, банально желает оставить потомкам о себе ту память, которую не стыдно сохранить. А для этого намерен воспитать себе персонального хрониста. Геринг хмыкнул, но понять, поверил он или нет, было сложно. Да и не так важно, откровенно говоря – все же адмирал малость проголодался, а потому последовал хорошему примеру, вслед за хозяином налегая на закуски – повар у рейхсмаршала был отменный.

А потом Геринг вручил Колесникову именной кортик в серебряных ножнах и с серебряным же эфесом. Как оказалось, история о том, что адмирал, будучи раненым (про то, что ранение оказалось не более чем царапиной, как-то забылось), вытаскивал раненых летчиков из горящего самолета, уже стала легендой. Пожалуй, Лютьенс был сейчас едва ли не самым известным и уважаемым среди летунов моряком. И тот факт, что вышло это все случайно и сработали у Колесникова наглухо вбитые инстинкты советского человека, уже неважно. Тем более, огласке эти сведения все равно не подлежали.

Неожиданно приятный сюрприз получился. А вот после него разговор пошел уже совсем иным. Геринг, приняв близко к сердцу, что легендарный адмирал относится к авиации с огромным уважением, решил ковать железо, пока горячо. В результате они просидели до ночи, пытаясь выстроить схему взаимодействия флота и авиации. Уезжая поздно вечером, в кромешной темноте (и как местные водители с их слабыми фарами ухитряются ездить, и довольно быстро) и с трудом удерживаясь от того, чтобы не задремать прямо в салоне, Колесников подумал, что спайка силовиков начинает вырисовываться интересная и многообещающая. Особенно если удастся наладить хорошие отношения не только с Роммелем, но и с Гудерианом, который, похоже, к адмиралу принюхивался, но резких телодвижений не делал. Ну и ладно, подождем, время терпит.

И, кстати, намекнул ему Геринг, что с Гиммлером надо быть крайне осторожным. Будто бы сам Колесников об этом не догадывался... А вот о Мюллере он отзывался с нескрываемым уважением. Считал его хорошим летчиком, смелым человеком, а что в полиции служил, а теперь контрразведку возглавляет – так грязную работу кто-то все равно делать должен.

Вот про что Колесников забыл, так это про интервью. Хелен его не дождалась, оставила записку в номере, на столе. Кстати, как ее в номер-то без него впустили? Непорядок! Хотя, откровенно говоря, адмирал был совсем не против. Хорошо еще, что, судя по манере, не обиделась – все же понимала, что военный человек не всегда властен над временем.

Перед дамой Колесников реабилитировался на следующий день, вместо собственного интервью организовав ей встречу в Гудерианом. Поразительно, как много в руководстве Третьего рейха фамилий на букву «Г»... Быстрый Гейнц не отказал, хотя и удивился. Впрочем, он, видимо, пришел к тому же выводу, что и все остальные, и на протекте Колесникова смотрел с легкой снисходительностью. Та, надо отдать ей должное, старательно не обращала на это внимания. И словам о деловых отношениях и личном хронисте Гудериан вряд ли поверил – знаем, мол, седина в бороде, бес в ребро... Ну и пес с тобой, подумал Колесников, можешь не верить. Тем более, он и сам себе уже не очень верил.

Кстати, а в профессиональном плане девочка росла, и довольно быстро. Сейчас она составляла вопросы к интервью практически самостоятельно, Колесников лишь слегка ей

помог. Ну и ладно, это могло только радовать, тем более, скоро адмиралу предстояло вновь отправиться к своим кораблям – войну пока что никто не отменял.

Последняя важная встреча состоялась у него, как ни странно, с собственным начальством. Вообще, она должна была стать первой, но – не срослось. Гросс-адмирал выглядел невероятно усталым – работы на него сейчас навалилось столько, что Колесников удивлялся даже, как он все это тянет. Да одна интеграция трофеев, французских и английских, в структуру кригсмарины сама по себе работа адова. Да еще итальянцы решили выпендриться, предъявив вдруг права на часть трофеев. И на кой они им сдались, интересно? Для своих-то топлива банально нет. Почему, спрашивается, итальянские моряки плохо обучены? Да потому, что корабли в море вывести толком не могут. Не на чем. По самым оптимистичным подсчетам, запасов у дуче имелось на два месяца активных боевых действий, а потом все, ставьте корабли на прикол. А еще хотят себе кусок урвать, умники, который все равно переварить не смогут. И сгниют трофейные линкоры у причалов...

Ну, насчет политического решения о разделе трофеев Колесников не волновался. Во-первых, ничего серьезного итальянцам все равно не отдадут, а во-вторых, не в его компетенции это было. А вот насчет топлива стоило подумать, и Колесников аккуратно подкинул Редеру информацию о нефти в Персидском заливе. Мол, слышал краем уха, что есть там что-то, причем неглубоко и много. А вот где точно – это уже не в курсе, что, кстати, соответствовало действительности. Не интересовался Колесников в своем времени такими деталями.

Редер, кстати, все еще был раздражен словами Колесникова насчет подводных лодок. Точнее, даже не ими самими, а тем, что с ним это не было согласовано. А когда, спрашивается, согласовать-то успели бы? Впрочем, гросс-адмирал и сам это понимал, а потому достаточно быстро позволил себя убедить, что в случае успеха это будет заслугой, в том числе и его, как командующего военно-морскими силами рейха, а при неудаче – проблемами Дёница, который не сумел обеспечить выполнение поставленной задачи. Так что расстались вполне мирно, обсудив еще перспективы дальнейших действий на море – верховное командование, моментально привыкнув к успехам флота, требовало все новых и новых результатов, не слишком представляя, каких.

Вечером перед отлетом они сидели в ресторане. Не в том, который в гостинице, а на три класса выше, предоставляющем состоятельным клиентам все, что угодно, а прочих отпугивая швейцаром при входе и запредельными ценами. У Колесникова, когда он ознакомился с меню, едва глаза на лоб не полезли. Нет, он, разумеется, был весьма состоятельным человеком – все же Германия неплохо платила своим адмиралам, да и от щедрот фюрера в честь побед ему перепала кругленькая сумма, так что адмиральский кошелек ресторан не напряг, хоть каждый день тут питайся. Просто он не мог понять, за что здесь требуют такие суммы.

Надо сказать, что, попробовав шедевры местного шеф-повара, адмирал вынужден был согласиться – платить есть за что. Отличалось это, как... как... В общем, сравнение подобрать не получалось. И все равно, совесть рестораторы явно потеряли.

Как ни странно, на Хелен ресторан особого впечатления не произвел, хотя в заведении подобного класса она еще не бывала. Откровенно говоря, Колесников вообще ее сюда с трудом затащил. Однако же справился. И вообще, этот день он провел не так, как надо, а как хотелось. Точнее, вначале-то пришлось подогнать девушке еще одно интервью, на сей раз с Роммелем. Ну, это было просто, хотя бы потому, что отправке Африканского корпуса соответствовала внушительная пиар-кампания. Тоже его идея, кстати. Англичане-то, кому положено, о его формировании и так знают, а простым людям – не положено. Так пускай услышат и понервничают, причем все – может, еще пригодится. Ну а нет – так хоть дух немцев в очередной раз поднимет. Гитлер идею оценил, и теперь генерал-лейтенант Роммель стал героем дня, едва успевая уклоняться от атак журналистов.

Вот тогда начальство Хелены девушку и озадачило – решили, небось, что ей теперь все-все по зубам. Ну, не ей – так хахалю. Некоторое время адмирал всерьез раздумывал, не устроить ли редакции неприятности. Ну, попросить о маленьком одолжении того же Гиммлера, и газетчиков банально замучают проверками, но потом решил, что не стоит. Тем более, договориться с Роммелем труда не составило – они теперь, можно сказать, приятельствовали, да и с Хелен тот был уже знаком. Так что с утра она занималась работой, а Колесников прошелся напоследок по Берлину, заглянул в несколько магазинов, еле удержавшись от того, чтобы купить в букинистическом старую, еще дореволюционного издания «Войну и мир» на русском языке, и посидел на скамейке в тихом и по-немецки уютном Трептов-парке. Ну и вечером повел девушку в этот ресторан, предварительно затащив ее в модное и дорогое ателье – все же публика в такое заведение ходила далеко не бедная, и адмирал решил, что Хелен без соответствующего облачения будет чувствовать себя не в своей тарелке.

А она и в вечернем платье явно была чем-то озабочена. Ковырялась в тарелке и не замечала вкус еды. И лишь когда он, совершенно бестактно по меркам этикета спросил, что не так, Хелен подняла на него глаза и спросила:

– Ты завтра улетаешь?

Впервые она назвала Колесникова «на ты». Адмирал вздохнул:

– Да. Утром.

– Скажи, ты пойдешь в море?

– Обязательно. Я не могу послать своих людей, а сам остаться на берегу.

– Но... ты бы мог остаться в Берлине.

– Нет, не могу. Я моряк и офицер.

– Знаю. И знаю, что не смогу тебя удержать. Просто обещай, мой адмирал, что вернешься живым.

– Обещаю...

Все-таки хорошо, когда у тебя персональный самолет. Геринг оказался человеком с юмором и передал в распоряжение адмирала Лютьенса тот самый истребитель, на котором тот уже облетел половину Европы. Колесников его даже не просил – эта идея родилась в голове самого рейхсмаршала. Ну что же, действительно удобно, тем более, с пилотом уже сработались. В результате до Киля удалось добраться практически моментально, куда быстрее, чем при любом другом раскладе. Единственно, пришлось сделать лишний круг над аэродромом – там уже заходила на посадку четверка «юнкерсов». Мелочь, достаточно вспомнить толчею и очередь в аэропортах двадцать первого века, чтобы понять – в этом времени имелась своеобразная прелесть.

А дальше было много работы и, как ни обидно, в первую очередь бумажной. Немецкая бюрократия – это что-то с чем-то, разобраться в ее хитросплетениях Колесников так и не смог, как ни старался, и даже память Лютьенса не помогла. Почему? Да потому, что родившийся и выросший здесь человек, кровь от крови и плоть от плоти этой страны, тоже в ней не разобрался, банально махнув рукой на то, что не касалось его напрямую.

И все же, немного разобравшись с неизбежным злом и мысленно пожалев, что нельзя поставить всех штабных под ружье и отправить в Африку, к Роммелю (хотя мысль выглядела перспективной, и стоило ее внимательно обдумать), адмирал поспешил на верфи. Там, в огромном доке, располагалась внушительная туша «Лютцова», и работы по его модернизации шли полным ходом.

Как раз во время прибытия адмирала на корабле заканчивали менять левый винт. Правый оставался на месте – изготовить ему замену пока не успели, хотя и обещали обеспечить в ближайшее время. Внешне новый винт ничем не отличался от старого, и специалисты подтвер-

дили, что да, заметить изменение размеров лопастей и углов наклона можно только с помощью измерительных инструментов.

М-дя... Пришлось поверить им на слово. Колесников лишь головой покрутил в сомнении и направился к носовой части карманного линкора, где работа кипела намного активнее. Фактически ее разобрали и теперь собирали заново. Корабль становился на пять метров длиннее, обзаводился клиперными формами и, вдобавок, массивным бульбом. Немецкие мастера глядели на это с сомнением, но работали качественно – орднунг. Для Колесникова же сия новомодная форма, только-только появившаяся в кораблестроении, открытием не являлась. Насмотрелся в свое время, там она по телевизору время от времени мелькала. Ну что же, пускай стараются, поглядим на результат.

Но больше всего адмирала удивили присланные русскими предложения по аналогичной модернизации еще только строящихся линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц». Это откуда они узнали, что у германских новинок корпуса тоже скроены по старым лекалам? Колесников принялся срочно выяснять этот факт и уже к вечеру открыл рот в полном обалдении. Как оказалось, все чертежи этих кораблей немцами были давным-давно переданы в Москву для ознакомления. Это что же получается? Военно-техническое сотрудничество двух империй доходило уже и до такого уровня, когда новейшие технологии передаются просто так, безо всяких оглядок? Если расклады таковы, значит, противоречия между странами отнюдь не выглядели непреодолимыми, а следовательно, шансы предотвратить войну между ними резко повышались. Однако мысли эти он оставил на потом, сейчас же отписался Редеру, что предложение интересное, но принимать решение следует по результатам испытания «Лютцова», и занялся своими прямыми обязанностями – войной.

Этот выход в море был уже куда серьезнее, чем предыдущий. Все же четыре корабля, причем отнюдь не самых слабых. Колесников держал свой флаг на «Шарнхорсте», в рекордно короткие сроки восстановленном и перебранном чуть ли не по косточкам. И с новым командиром. Хоффмана адмирал под трибунал, как пообещал стгоряча, все же не отдал, но с корабля списал. Формально даже с повышением, но – на берег. Для того чтобы командовать рейдером, нужны чуточку другие качества, и просто быть хорошим моряком для этого недостаточно. Увы, второго Карла фон Мюллера, на весь мир прославившегося в прошлую войну вместе со своим «Эмденом», под рукой не оказалось, пришлось работать с тем, что есть.

Новый командир, капитан первого ранга Фредерик Хоффмайер, произвел на Колесникова неплохое впечатление. Хотя бы тем уже, что все время, пока «Шарнхорст» стоял в доке, на берег съезжал только поспать и облазил линейный крейсер от киля до клотика. Кроме того, к ремонту и всему, что с ним связано, требователен он был до занудства. Стало быть, можно рассчитывать на то, что корабль и без того аккуратные немецкие рабочие буквально вылизут. Ну и инициативу проявил опять же – добился пусть небольшой, но модернизации носовой части. Это позволяло осторожно надеяться, что в следующий шторм корабль будет в состоянии вести огонь из всех орудий. Как оно там получится на самом деле, могла показать только практика, но пока что Хоффмайер действовал, как и положено грамотному, компетентному и в меру инициативному офицеру.

Идущий следом «Гнейзенау» также прошел ремонт и, заодно уж, ревизию капризной силовой установки. Все же тяга немцев к сложным, высокотехнологичным и не всегда оправданным техническим решениям то и дело приводила к серьезным проблемам с надежностью. А раз так, приходилось обеспечивать проверку агрегатов при каждом удобном случае. Пока что серьезных последствий это не имело, но рисковать не хотелось.

Два других корабля – испытанные товарищи по походу «Адмирал Шеер» и «Адмирал Хиппер —» шли второй колонной. У этих кораблей имелась своя задача, несколько отличная от линейных крейсеров, но на первом этапе им всем предстояло действовать вместе.

Пройдя мимо британских дозоров (попавшийся на пути эсминец был расстрелян раньше, чем смог поднять тревогу), стальные хищники вырвались в океан, и принялись прочесывать его частым бреднем. За три дня рейдерства удалось перехватить и отправить на дно семь транспортных кораблей, после чего эскадра разделилась. «Шеер» отправился на юго-запад, чтобы навести ужас на торговые пути близ Латинской Америки. Там, в портах сочувствующей Германии Аргентины (не только ее, но – тс-с!) можно было какое-то время пополнять запасы топлива и продовольствия. Остальные корабли свернули на север и устроили налет на Исландию – так, чтобы знали потомки викингов, чем может обернуться сотрудничество с Британией.

Формально Исландия была нейтральной страной, фактически же еще в мае британцы взяли ее под свой контроль. Жители острова и не сопротивлялись, более того, поддерживали захватчиков. В настоящее время там располагалось около пяти тысяч британских военнослужащих, мощная станция ПВО и небольшая эскадра. Порт Рейкьявик, неплохо оснащенный, стал местом, откуда британцы могли контролировать Северную Атлантику, и Колесникову, да и не только ему, такое положение дел решительно не нравилось.

Британцы, разумеется, знали, что успевший попортить им крови адмирал Лютьенс вышел в море, но прелесть ситуации заключалась в том, что действия свои он согласовывать ни с кем не собирался. Вытребовал себе такое право и не намерен был от него отходить, доверяя свои планы исключительно собственной голове, да еще и имея несколько вариантов действий, выбирая, какой реализовать, в самый последний момент. Такая предосторожность, с учетом попытки британской авиации устроить ему несчастный случай, казалась совсем не лишней. Имелись у британцев агенты в высшем эшелоне германского командования, он об этом даже читал когда-то. Увы, читал давно, память имен не сохранила, а потому единственным вариантом сохранить инициативу оставалось заставить противника ловить его на возможно большем пространстве. Заткнуть все дыры никакого флота не хватит, а подводные лодки, активно пиратствующие сейчас вокруг Британских островов, как надеялся Колесников, навели на британских аналитиков немало туману. Поди, угадай, линкоры перехватили транспорт, или он поймал удар из-под воды. Скоро, конечно, британцы перейдут к тактике конвоирования грузовых кораблей, и лафа резко закончится, но пока что стоило пользоваться моментом и нанести им максимальный урон.

Появления его в этих водах британцы не ждали. Да, они уже сталкивались с особенностями мышления Лютьенса в отношении портов, но это случилось далеко на юге. Здесь же единственный успешный рейд адмирала был вполне стандартным действием, причем не отличающимся какой-то запредельной дерзостью или даже просто храбростью. Вышел, покрутился, навел шороху – и смылся при первом намеке на опасность. Обычная пиратская тактика. Вот почему атака на исландский порт стала для джентльменов из британского Адмиралтейства неприятным сюрпризом.

Как и в случае с Александрией, атаковать Колесников решил на рассвете. И, как и в первом случае, его план строился на двух допущениях – что атака будет внезапной и что минных полей вокруг порта не выставлено. В первый раз сработало, а вот что будет сейчас – оставалось только гадать. Хорошо еще, близилась осень, и белые ночи заканчивались, так что темного времени вроде бы природа им давала достаточно. А еще Колесникова беспокоило, что он не знал, базируются ли в Исландии британские самолеты, и если все же они здесь имеются, то какие и сколько. Увы, приходилось рисковать, иначе его рейд, даже с учетом перехваченных британских кораблей, превращался в обычное сжигание горючего.

Все прошло... терпимо. Британская эскадра в составе двух крейсеров и двух старых эминцев (последних англичанам не хватало настолько, что они сейчас вели переговоры по всему миру, пытаясь закупить даже откровенное барахло, лишь бы плавало) для линкоров не противник. Хотя, надо сказать, рыпнуться они все же попытались, что в очередной раз укрепило Колесникова во мнении о храбрости вражеских моряков.

Впрочем, это ничего не изменило. Англичане вовремя засекли приближение эскадры Лютьенса, вовремя сыграли тревогу, но вывести корабли в море уже не успели. Не такое уж это простое дело. К тому же они изначально допустили ошибку, попытавшись первыми вывести из порта медлительные и, по сравнению с эсминцами, неповоротливые крейсера. За этим занятием их немцы, собственно, и поймали, после чего спокойно расстреляли из крупнокалиберных орудий. Береговых батарей здесь не имелось, да и вообще оборона была организована из рук вон плохо. Несколько месяцев назад британцам хватило пяти сотен морских пехотинцев, чтобы установить контроль над островом. Сейчас, конечно, противник выглядел серьезнее, чем мирные (и не собирающиеся менять своего поведения даже в честь войны) рыбаки. Эти умники, те, что сейчас бултыхались в море, даже выбирать сети не прекратили. Такое впечатление, им на все было плевать. Но серьезнее, не серьезнее, а Колесников пожалел, что на борту его кораблей нет десантников – захватить остров выглядело вполне реальной задачей.

В общем, британскую эскадру уничтожили, получив в ответ лишь несколько всплесков, самый опасный из которых испугал рыбу в сотне метров от борта «Гнейзенау». Британцы не успели даже организовать огонь, как им пришлось позаботиться о собственной шкуре. Из четырех кораблей на дно не отправился только один, и то потому, что командир эсминца, грамотно оценив ситуацию, успел направить его к берегу до того, как немецкий снаряд разнес в клочья машинное отделение. Корабль, успев разогнаться, выскочил на камни, что позволило англичанам без лишних проблем снять экипаж – как только эсминец перестал вести огонь, задробили стрельбу и немцы. Три других корабля к тому моменту уже затонули, и оставалось лишь почувствовать оказавшимся в ледяной воде морякам.

«Адмирал Хиппер», нагло зайдя в гавань, быстро превратил в руины инфраструктуру порта и расстрелял радарную станцию. Бить по городу его артиллеристам запретили категорически – незачем менять безразличие местных обывателей на ненависть к немцам. Лучше уж пускай просто боятся, чем идут добровольцами в британский флот. Конечно, очень хотелось, но – незачем, тем более, надо было срочно делать ноги. С паникой, возникшей при обстреле побережья, британцы все же справились, и едва немцы успели отойти от Рейкьявика, в небе появились самолеты.

Десять машин против трех кораблей – это несерьезно. Особенно учитывая, что при модернизации зенитную артиллерию обоих линейных крейсеров заметно усилили. Последнее обстоятельство явно пришлось британцам не по вкусу, и, когда два самолета, оставляя за собой огненно-дымные хвосты горящего бензина, рухнули в море, головы остальных это остудило. Глядя на развернувшиеся к берегу «харрикейны», Колесников мысленно порадовался, что тренировки расчетов зенитной артиллерии по его настоянию проводились в режиме максимальной интенсивности. Сейчас это дало свои плоды. Впрочем, даже прорвись самолеты через огонь зениток, вооружения, способного нанести серьезный ущерб германским кораблям, они не несли. Вообще, вся эта атака выглядела, скорее, жестом отчаяния, желанием хоть как-то поквитаться и, скорее всего, попыткой высокого начальства прикрыть свою задницу имитацией активных действий. Ну а в результате погибли реально храбрые и преданные своей стране люди. Колесников скрипнул зубами – вот так, с выбивания в междоусобице наиболее храбрых, и начинается падение европейской цивилизации. Так же произойдет и с Россией, точнее, Советским Союзом, но от названия сущность не меняется. И времени на то, чтобы предотвратить грозный стать необратимым процесс, у него оставалось все меньше.

Из двух сбитых пилотов один погиб, второго подобрали с осколочными ранениями обеих ног, но жить, как сказали, будет. На «Хиппере», который он атаковал, погиб в полном составе расчет зенитного орудия, по которому хлестнули пушки уже пылающего самолета. Больше потерь у немцев не было.

Однако спокойно и мирно возвратиться на базу, как планировал Колесников, не получилось. Судьба – дама хитрая, и на сей раз она преподнесла очередной сюрприз. Буквально

через пару часов на горизонте обнаружились многочисленные дымы, а радары отметили множественные цели. То, что стоит проверить, с кем на этот раз их свело морское счастье, Колесников решил сразу. В самом деле, ни один современный военный корабль так демаскировать себя просто не будет. Конечно, оставался шанс, что там что-то очень уж старое, но, во-первых, он был невелик, а во-вторых, от барахла времен прошлой войны всегда можно уйти. С другой стороны, если им встретились грузовые суда, то это может оказаться ценным призом, который и в Германию утащить не грех.

Действительность превзошла самые смелые ожидания. На сей раз эскадре Колесникова встретилась целая китобойная флотилия, возвращающаяся с промысла домой, в Исландию. Героев среди китобоев оказалось ничтожно мало, и попытка разбежаться закончилась с первым же предупредительным выстрелом. Адмирал приказал не мелочиться, и всплеск от одиннадцатидюймового снаряда разом охладил горячие головы. После этого единственная попытка сопротивления вызвала у немцев только смех – какой-то умник все же решил поиграть в нестибаемого викинга и пальнул по немцам из гарпунной пушки. Результат – вмятина на броне «Хиппера» и пара ударов по заросшей густой неопрятной бородой морде, которые словил незадачливый стрелок. Ну а после этого начался осмотр трюмов китобойной базы, и он превзошел самые смелые ожидания.

Промысел, судя по всему, у китобоев вышел неплохим. Во всяком случае, трюмы они набили под завязку и, по самым скромным подсчетам, их содержимое покрывало потребность Германии в жирах как минимум на полгода. В условиях войны куш ценнейший. Вот только его требовалось еще доставить до дому.

И началась гонка с игрой на нервах. Китобойные корабли – не рейдеры, их не заставишь сутками выжимать тридцать узлов, для таких кораблей и двадцати многовато. Плюс моряки, которые не горели желанием сотрудничать с немцами. Пришлось в бешеном темпе сформировать экипажи, способные довести корабли, при этом самим оставаясь с урезанными вахтами. В общем, потели и от того, что навалилась работа, и от страха, что в любой момент на горизонте может появиться британский флот. Уйти, конечно, уйдут, но вот удастся ли снять с трофейных кораблей своих людей – вопрос открытый.

Колесников не спал практически до того момента, когда эскадра вошла в порт, литрами глотая кофе с коньяком – незаменимый в такой ситуации допинг. А потом адмирал даже не стал сходить на берег – просто ушел в свою каюту и выбрался наружу лишь через сутки. И то потому, что Берлин затребовал доклад и пришлось вставать, иначе с удовольствием провалялся бы на диване еще минут пятьсот-шестьсот.

На этот раз все проходило без ажиотажа. В Берлине уже привыкли, что адмирал Лютьенс периодически выходит в море, совершает там что-нибудь невозможное и невредимый возвращается домой. Хотя, конечно, бомбардировка Рейкьявика – это не александрийское сражение, которому теперь грозило войти в учебники по истории. Не тот масштаб, да и выхлоп поменьше.

Тем не менее, Гитлер ходил гоголем, считая успех, в том числе, и своей личной заслугой. В чем-то так и было, конечно – тот, кто отвечает за все, имеет право претендовать на самые крупные плюшки. Колесников не обиделся и не расстроился, а просто воспользовался моментом и вытряс для своих людей – тех, кто ходил в рейд, и тех, кто его обеспечивал, – солидную награду, выраженную не только в орденах, но и в рейхсмарках. Тем, кто ходил в море, побольше, тем, кто не ходил, поменьше, но постарался никого не обделить. Гитлер подписал заготовленные документы без проволочек – в конце концов, по сравнению с тем, что получила Германия, сумма выглядела ничтожной. Ну а слух о том, что он попытается ее выбить, адмирал аккуратно запустил накануне отлета. Подчиненные должны знать, кто и что ради них делает. Пригодится на будущее.

Заодно, раз уж пошла масть, Колесников предложил устроить десант в Исландию. Британцы вряд ли ждут их возвращения, а захватить остров с таким пассивным населением вполне реально. Идею обещали обдумать, но конкретного ответа не дали. Да адмирал и сам понимал, что такие вопросы с ходу не решаются. Хотя бы просто потому, что захватить просто, а вот удержать куда сложнее. Вот и прикидывают, что лучше. Колесников и сам не знал, даст ли этот захват хоть какой-то эффект, но выглядело красиво – взять десантников на борт своих линкоров, пройти мимо британских заслонов и устроить показательную операцию...

Зато вторую идею в узком кругу обсуждали долго и с интересом. Присутствовали Гитлер, Гиммлер, Геринг и примкнувший к ним Лютенс... Формулируя расклад в духе развитого социализма, адмирал едва удержался от смеха. А идея была важной, нужной и требовала четкого взаимодействия флота и люфтваффе. Откровенно говоря, никогда еще двум извечным соперникам не удавалось достичь столь полного взаимопонимания. В той истории – так уж точно. И результатом стало полное одобрение ее со стороны верховного командования. Вот только значило это, помимо прочего, еще и то, что теперь Колесникову придется тащить на своем горбу еще один груз...

Единственно, с Хелен он так и не повидался. Ее газета как-то вдруг разрослась, стремительно набирая популярность, а вместе с ней и тиражи. Как мало для этого оказалось нужно... Теперь специальный корреспондент Хелен Орлова была нарасхват и как раз сейчас уехала в длительную командировку. Что же, дело есть дело, хотя и немного обидно... А так как больше адмирала ничего в Берлине не держало, он отбыл к своему флоту, чтобы через две недели снова выйти в море.

Говорят, Наполеон, когда ему предлагали для повышения какого-то офицера и долго расписывали, насколько он хорош, спрашивал только, удачлив он или нет. Если подходить к вопросу в подобном ключе, следовало вначале решить, удачей или неудачей считать встречу, которой по всем канонам просто не могло быть. Именно эта мысль крутилась в голове Колесникова, когда он наблюдал за британскими кораблями. А еще требовалось решить, что же делать. Атаковать – риск. Бежать – тоже риск, хоть и меньший. Да и не поймут...

Британцы, похоже, испытывали те же чувства. Во всяком случае, хотя эскадры разделяло не более двенадцати миль, ни одна сторона не предпринимала решительных действий. Просто шли параллельными курсами. И кто ж мешал этим умникам проскочить хотя бы на час раньше, в сердцах подумал адмирал. Нет, он сильнее, конечно, но второй раз так испытывать судьбу... Кто не слышал рев вражеских снарядов и сотрясение палубы от их ударов, тот не поймет, но Колесников почувствовал, как похолодели пальцы, и совершенно этого не стыдился.

И все же пора было решать. Колесников еще несколько секунд раздумывал, а потом отдал приказ:

– Поднять корректировщиков.

И с этого момента всем присутствующим стало ясно: вот оно, началось.

А ведь вначале все было просто здорово! Они вышли в море, имея в составе эскадры четыре корабля. Почти как в прошлый раз, только вместо «Адмирала Шеера», довольно успешно промышляющего в южных морях и пока, несмотря на все усилия англичан, так и не пойманного, с ними шел только что выпущенный из дока «Лютцов». После модернизации корабль показал невиданную для кораблей этого проекта скорость в тридцать три узла и значительную экономию топлива, и теперь не было опасности, что он гирей повиснет на ногах остальных участников забега. И почти сразу им поступила информация о крупном военном корабле, торпедированном немецкой субмариной.

Мальчики Дённица, несмотря на серьезные потери активно пускающие на дно британские корабли, оказались народом совершенно безбашенным и в то же время умеющим полагаться не только на удачу, но и на точный расчет. И возвращающаяся с позиции подводная

лодка, обнаружив в тумане британский корабль, весьма ловко всадила ему в борт две торпеды, после чего смогла уйти от охраняющих подранка эсминцев. Увы, добить британский корабль им было просто нечем – эта пара торпед оставалась последней, все остальные подводники уже расстреляли. Однако, несмотря на склонность приписывать себе победы, причем не меньшую, чем у асов Геринга, на этот раз командир субмарины доложил истинную правду. Он клялся и божился, что британец только поврежден и пытается уйти, но скорость у него вряд ли более десятка узлов. И что за корабль, он сказать не мог – не опознал. Атаковал вслепую, зная, что своих здесь нет. Вот только если бы этот корабль был чем-то маловажным, вряд ли его стали бы так охранять. Следовательно, надо было попытаться его перехватить – мало ли...

И немецкая эскадра настигла поврежденный корабль. Авианосец «Глориес», которому, вить, на роду было написано встретиться с «Шарнхорстом» и «Гнейзенау». Только на сей раз он хоть и шел с огромным креном, не дающим поднять в воздух самолеты, но беззащитным отнюдь не казался. Рядом с ним, помимо трех эсминцев, тяжело пластал волну «Рипалс», брат-близнец потопленного не так давно «Ринауна». То ли подводники не заметили его, то ли линейный крейсер подоспел позже – неважно. Главное, его пятнадцатидюймовые аргументы весьма и весьма снижали шансы немцев в предстоящем споре.

Основным преимуществом Колесникова оказалось то, что впервые, наверное, с начала войны в морском бою немцы имели превосходство в воздухе. Правда, скорее, формальное, но, тем не менее, два самолета-корректировщика уже вились над британской эскадрой. Зенитки «Рипалса» и эсминцев грохотали, но особого вреда самолетам причинить не могли – те не пытались атаковать и, расположившись на относительно безопасной высоте, спокойно вели наблюдение. А вот у британцев не имелось и того. С авианосца хоть кому-то взлететь получится не раньше, чем он выйдет из дока, а старый линейный крейсер катапультами для запуска самолетов оснащен не был. Так что куда будут падать британские снаряды, его артиллеристам, в отличие от немецких, рассмотреть будет сложно.

И все же первыми добились попаданий именно британцы. Скорее, просто волей случая, или, может, сказал веское слово продвинутый артиллерийский радар – им не потребовалась даже пристрелка. Первый же залп лег накрытием, столбы воды окатили палубу «Шарнхорста», а один из снарядов с грохотом врезался в броню.

Взрыва, как ни странно, не последовало. Корабль только вздрогнул, и его корпус на миг загудел, подобно колоколу. Уже позже, когда неразорвавшийся снаряд извлекли, выяснилось, что имел место курьезный случай. Британцы выстрелили по «Шарнхорсту» по ошибке поданным к орудиям практическим снарядом¹. Взорвись он – и какие повреждения были бы нанесены немецкому флагману, остается только гадать, а так снаряд лишь пробил броню и, оставив за собой аккуратное круглое отверстие, завяз в изуродованных металлических конструкциях. Можно сказать, повезло...

Колесников отреагировал мгновенно, и его эскадра резко взяла влево, идя на сближение с британцами и одновременно сбивая им прицел. Можно было предпринять активные маневры и попытаться мешать пристрелке – но это не давало бы толком стрелять и собственным артиллеристам, так что лучше потерпеть. В конце концов, даже не считая восьмидюймовок «Хиппера», сейчас в распоряжении немцев было вчетверо больше орудий, чем у англичан. Благодаря корректировщикам, да и просто по теории вероятности, британцы просто обязаны были словить хорошую порцию стали и взрывчатки. Ну а если не получится, то можно было попытаться повторить маневр, который принес удачу в бою с «Ринауном». В конце концов, не связанные задачей прикрывать тяжело поврежденный авианосец и благодаря этому имеющие преимущество в скорости, немецкие корабли могли выбирать, как действовать.

¹ Подобные случаи в истории морских сражений происходили неоднократно. И стреляли, и попадали, и даже с первого выстрела.

Британцы тоже отреагировали оперативно. Возможно, приняв маневр немецкой эскадры за попытку охвата их группы и кроссинга, они, в свою очередь, положили рули влево, сохраняя дистанцию. Радиус разворота у них получался меньше, чем у вынужденных идти по большей окружности немецких кораблей, и это с лихвой компенсировало нехватку скорости. Бой продолжился на параллельных курсах.

В следующие полчаса британский корабль получил дюжину попаданий одиннадцатидюймовыми снарядами, серьезно покалечившими его надстройки. Тем не менее, урон оказался не так уж и силен – да, разрушения, несколько очагов пожаров, стремящихся слиться в один большой, но пока уверенно сдерживаемых, и, в принципе, все. Ни один жизненно важный узел корабля немцам поразить не удалось. Разумеется, рано или поздно количество просто обязано было перейти в качество, но такими темпами процесс грозил затянуться надолго.

Как ни странно, более результативным оказался «Адмирал Хиппер», который мало того, что был хуже вооружен, так и огонь по «Рипалсу» мог вести только носовыми башнями. Его позиция в хвосте колонны выглядела наименее выгодной, зато артиллеристы крейсера оказались то ли самыми обученными, то ли просто более удачливыми, чем остальные. И это притом, что кораблю в ходе боя пришлось дважды переносить огонь на британские эсминцы, попытавшиеся устроить торпедные атаки. Впрочем, оба раза англичане отвернули. Все же они были моряки, а не самоубийцы, и хорошо понимали, что для пуска торпед им придется сблизиться на дистанцию, которая позволит немецким артиллеристам бить прямой наводкой. Для относительно небольших кораблей это – верная смерть, и потому они ограничились постановкой дымовой завесы. Густые, похожие на чернильную мглу клубы на некоторое время скрыли британские корабли от глаз немецких моряков – но не от корректировщиков, упорно жужжащих в небе, так что эффективность обстрела снизилась ненамного.

А «Хиппер», между тем, неплохо пристрелялся и всадил в «Рипалс» шесть снарядов, больше, чем любой другой корабль на первом этапе боя. Правда, их эффективность была куда меньше, чем у «старших братьев», и один не смог даже пробить английскую броню, а три последующих лишь добавили разрушений, зато последние два стоили их всех, вместе взятых.

Вообще, это был удачный залп носовой башни, так что попадания пришлись с интервалом примерно в четверть секунды. Один снаряд вскользь ударил по орудийному стволу единственной кормовой башни «Рипалса». Взрыватель его сработал с опозданием, и снаряд хлопнул уже над морем, но свое черное дело он сотворить успел. От удара, пускай даже скользящего, орудие моментально вышло из строя. Просто ствол изогнуло, и теперь вести огонь из него было уже невозможно.

Второй снаряд угодил в ту же самую башню, заставив ее содрогнуться. Девять дюймов стали выдержали удар, но людям, находящимся под ее защитой, все равно пришлось несладко. Четверо, оказавшихся рядом с местом взрыва, погибли сразу, просто от жесточайшего удара, остальные отделались контузией разной степени тяжести. Но главное, вышли из строя все приборы управления стрельбой и привод башни. Теперь стрелять можно было только «куда-нибудь в сторону цели», и то при условии, что башню смогут вручную развернуть. И вручную же подать из погребов снаряды – элеватор тоже заклинило.

Таким образом, не самый мощный крейсер, построенный по весьма посредственному проекту, имея хорошо подготовленный и хладнокровный экипаж, да вдобавок находясь в положении необстреливаемого корабля, нанес противнику урон больший, чем три «старших брата» вместе взятые. И это еще не считая двух снарядов, попавших в удачно подставившийся «Глориес» (приказ адмирала по возможности не обстреливать авианосец был дисциплинированными немцами в горячке боя проигнорирован), и заградительный огонь по эсминцам. В общем, свои ордена экипаж «Адмирала Хиппера» честно заработал.

Однако, даже лишившись в какой-то момент трети огневой мощи, «Рипалс» сумел отомстить. В «Шарнхорст» за то же время угодило три снаряда, и результат вышел впечатляющий.

Первый, ударив в палубу линейного крейсера под острым углом, все же не срикошетировал, а проломил ее, иглой прошел через подпалубное пространство и ударил изнутри в броню правого борта. Рассчитанные противостоять ударам извне, броневые плиты не выдержали подлого тычка в спину и попросту вылетели в море, оставив дыру размером с добрые ворота. Полыхнуло так, что казалось, сейчас корабль развалится. Однако, несмотря на внушительные размеры, серьезной угрозы эта пробоина не несла. Все же необстреливаемый борт, намного выше уровня ватерлинии, а волнения на море практически нет. Словом, как почти сразу доложили Колесникову, повреждение оказалось масштабным, но не опасным.

Со вторым попаданием тоже особых проблем не вышло. Ударив в район мощного броневых пояса «Шарнхорста», снаряд смог его пробить, но взрыв проделал лишь относительно небольшую пробоину. Оба попадания дороже обошлись экипажу – полтора десятка человек только погибшими – чем самому кораблю. Но последний снаряд поставил в споре броненосных гигантов шикарную точку, и фейерверк вышел впечатляющим.

Это был поистине «золотой» снаряд. Он не канул, подобно десяткам своих собратьев, в море, оставив на память о себе лишь фонтан брызг. Он не проделал дыру в броне, опасную, но терпимую. И он даже не пронзил нежные потроха корабля, дотягиваясь до уязвимых механизмов. Этот снаряд ударил в крышу башни «Цезарь», новенькой, только что установленной на место разрушенной в прошлом бою. И взрыватель его сработал как положено, в фарш разнеся артиллеристов и уничтожив механизмы. Но это было только начало.

В момент попадания в башне находилось шесть снарядов с пороховыми зарядами к ним. И все это добро, рассчитанное на деликатное обращение, отнеслось к британской грубости крайне отрицательно. Проще говоря, взорвалось, да так, что чертям стало жарко.

Башню подбросило, срывая с погона, из всех щелей рванулось ослепительно белое, трещащее пламя – и опало. Крыша, треснувшая от удара снаряда, раскрылась, подобно цветку. Вокруг башни вспыхнуло все, что могло гореть, огонь и клубы едкого дыма мгновенно охватили надстройки. Огромный корабль качнулся, словно пьяный.

Однако это было лишь внешними эффектами. То, что творилось внутри «Шарнхорста», можно было описать лишь одним словом: ад. Вначале огненный клубок устремился по шахте вниз, к погреба боезапаса, заполненным на две трети. Невероятно, но за оставшиеся у них секунды матросы, находящиеся в них, успели не только сообразить, что происходит, но и принять единственно верное в подобной ситуации решение. Погреба были затоплены, и хотя все же что-то в них рвануло, результат оказался бледной тенью фейерверка, который мог произойти. Из тех моряков, что спасли корабль от гибели, уцелел только один – его, оглушенного и обожженного, вышвырнуло потоком воды.

Тем временем жуткое веселье продолжалось. Хотя взрыва погребов и удалось избежать, пожар развился нешуточный. Огонь пополз во все стороны, одно за другим охватывая трюмные помещения «Шарнхорста». Начали взрываться снаряды орудий среднего калибра, запыхал один из топливных танков. Казалось, внутри корабля проснулся вулкан.

Аварийные партии действовали быстро и слаженно, с выучкой у немцев дело всегда было поставлено хорошо. Задраив переборки, моряки принялись задавливать пламя потоками воды и пены, стараясь не допустить его в носовую часть, отсечь от горючего и машинного отделения. То, что центральная часть линейного крейсера в любом случае выгорит, было ясно, оставалось спасать, что возможно.

И люди справились. Задыхаясь от дыма, получая жуткие ожоги, они смогли отстоять свой корабль. Огонь медленно отступил, задохнулся, намертво зажатый переборками и пожравший все, что там было. И все это время «Шарнхорст» напоминал филиал преисподней не только внутри, но и снаружи. Палубы раскалились, языки огня поднимались на двадцатиметровую высоту, а столб дыма был такой, что ему мог позавидовать средних размеров вулкан. Но и это было еще не все.

Кто-то там, на небесах, решил сегодня поразвлечься. А как иначе объяснить, что в результате сотрясения рулевая машина сработала безо всякого вмешательства человека и прежде, чем удалось отключить ее и вручную восстановить нейтральное положение руля, «Шарнхорст» уже лег на новый курс. Его неудержимо несло влево, и он должен был теперь пройти позади английской эскадры. А пока он будет идти, орудия британцев разотрут его в порошок.

Как ни удивительно, головы Колесников не потерял. И вообще, мозг работал четко, без каких-либо признаков эмоций. Еще неясно было, удастся ли отстоять корабль, а адмирал уже отдавал приказ, благо радиостанция еще действовала. Прежде чем от жара разрушились антенны, он успел передать остальным кораблям эскадры приказ следовать прежним курсом, и те, дисциплинированно сунувшиеся было вначале следом за потерявшим управление флагманом, смогли продолжить бой. Вторым приказом было артиллеристам уцелевших башен прекратить огонь. В этом адмиралу виделся шанс – возможно, британцы решат, что горящий и неуправляемый корабль полностью потерял боеспособность и не может даже вести стрельбу. Такому впечатлению должны были поспособствовать и дымовые шашки, которые матросы шустро растащили по палубе и подожгли. Едкий дым полностью скрыл от врага силуэт корабля, превратив его в рыскающее на курсе темное облако, оставляющее позади жирный след хлещущего из распоротого топливного танка мазута. После этого оставалось только ждать – изменить чего-либо Колесников уже не мог.

Это страшно – ждать и терпеть. Орудия «Рипалса» не прекращали обстрела, и еще четыре снаряда ударили в броню немецкого флагмана. К счастью, дистанция стремительно сокращалась, и траектория их полета становилась все более настильной. Попади они в палубу, и после этого «Шарнхорст» мог бы отправиться лишь по одному курсу – вертикально вниз. В борт – тоже не сахар, тем более, один ударил ниже уровня ватерлинии, но все равно броневой пояс сократил размеры повреждений до терпимых. Подводная же пробоина оказалась не столь велика, и возникший было крен удачно парировали контрзатоплением отсека левого борта. Сейчас правый борт «Шарнхорста» напоминал декорацию к постапокалиптическому фильму, возникли новые очаги возгорания, а избиваемый корабль не мог даже полноценно ответить. Лишь отчаянно и зло лупили куда-то в сторону противника его уцелевшие пятнадцатисантиметровые орудия числом аж две единицы, но для вражеского корабля это было мелочью. Да и стрельба велась скорее с целью убедить командира «Рипалса» в том, что ничего более серьезного у немцев не осталось.

И британцы купились. Человек охотно верит в то, во что хочет верить, и изувеченный «Шарнхорст» в такой ситуации был оставлен ими в покое. Вместо него настала очередь терпеть обстрел «Гнейзенау», который не без основания казался британцам намного более опасным противником. Его артиллеристы, пристрелявшись, упорно не выпускали британский корабль из-под накрытий, их коллеги с «Лютцова» старались не отставать, и англичанам это почему-то не нравилось. На волне успеха они тут же вклепили в немецкий корабль два снаряда, заставив его загореться и рыскнуть на курсе. Немцы тоже не остались в долгу. Словом, внимание «Рипалса» перенеслось на иную цель, а «Шарнхорст»... Да что там «Шарнхорст»? Тяжело поврежденный и практически неуправляемый корабль вынужден будет пройти мимо эсминцев. А судя по тому, что он не стреляет, обороняться немецкому линкору просто нечем. Добьют торпедами, и все. Именно так решили британские офицеры – и ошиблись.

В тот момент, когда медленно замедляющий ход «Шарнхорст» оказался за кормой «Рипалса», в мертвой зоне для его носовых башен, их разделяло не более трех миль. Для современных морских орудий дистанция, позволяющая работать почти прямой наводкой. Ну что же, пора, тем более, скорость британского корабля, вынужденного подстраиваться под «Глориес», не превышала восемнадцати узлов, а немецкий флагман, как клятвенно заверяли механики, все еще способен был идти на двадцати. Аккуратно изменить курс – с помощью одних только машин операция не самая простая... А вот теперь – огонь!

Все шесть оставшихся у «Шарнхорста» орудий главного калибра обрушили на не ожидавший такой подлости «Рипалс» свою чудовищную, тщательно скрываемую до этого мощь. Английский корабль скрылся вначале среди столбов воды, а затем за стеной пламени и дыма – процент попаданий был для современной морской войны невероятным. И оставалось лишь молиться, чтобы британец не успел повернуть и ответить...

То ли молитвы возымели свое действие, то ли количество выпущенных снарядов, но все получилось так, как надо. Уже через полминуты очередной снаряд, ударив точно в корму, оторвал руль британского корабля, лишив его возможности нормально маневрировать. Впрочем, британцы даже не успели толком огорчиться этому обстоятельству, поскольку следующий залп лишил их и возможности двигаться. Три снаряда в кормовую часть – и все четыре винта «Рипалса» комками искореженного металла отправляются на дно. Еще несколько попаданий...

Огромный корабль окутался вдруг клубами пара. Впечатление было такое, словно он превратился в кипящий гейзер. Колесникову приходилось давно, еще в советское время, бывать на Камчатке, и он такие видел. Именно с ними и возникла ассоциация – молочно-белые струи били во все стороны. Это один за другим взрывались поврежденные в бою котлы, и цепь детонаций прошла по всему кораблю, после чего к веселью подключился боезапас разрушенной кормовой башни. Борта словно бы раздулись, в некоторых местах оторвало и выбросило далеко в море броневые плиты. Белое облако пара пронзило изнутри огненно-красными всполохами, а затем все это великолепие начало вдруг быстро опадать.

Когда вновь стало возможно различить, что происходит с «Рипалсом», то зрелище наблюдателям открылось феерическое. Содрогающийся от внутренних взрывов линейный крейсер осел на корму и продолжал быстро погружаться в пылающее море. Пылающее – это не фигура речи, разлившееся топливо занялось от пожара на корабле жирным, чадающим пламенем. Поджечь его не так просто, как принято считать, но сейчас это получилось, и, казалось, недалеко был тот миг, когда огонь и дым вновь скроют гибнущий корабль непроницаемой завесой. Однако все произошло намного быстрее. После очередного взрыва «Рипалс» вдруг словно бы охнул и, неспособный более нести свою ношу, прилег на борт. Затем корма его резко ушла вниз, а нос, наоборот, задрался вверх, демонстрируя окрашенное в ярко-красный цвет днище. Корабль на несколько секунд встал вертикально, а потом вдруг нырнул, словно поплавок при поклевке, и в считанные секунды ушел под воду.

Зрелище было столь впечатляющим, что бой на несколько секунд прекратился сам собой. Вот только британцы оказались то ли безумцами, то ли просто взбесились от зрелища гибели флагмана. Оба их эсминца, до того момента державшиеся в стороне, рванулись к «Шарнхорсту». В бинокль хорошо было видно, как на их палубах разворачиваются кажущиеся с такого расстояния игрушечными торпедные аппараты. И попасть под раздачу сейчас, когда все уже вроде бы было решено, немцам совершенно не хотелось.

Одиннадцатидюймовые орудия развернулись в сторону новой цели и открыли огонь с максимальной скорострельностью. В боевых условиях технически возможная частота стрельбы обычно считается недостижимой, но сейчас на кону стояли жизни всех, кто находился на борту корабля, включая артиллеристов. Ну а они соответственно расстарались – очень уж им не хотелось отправляться на дно. И результата кое-какого добились.

Несколько снарядов, разорвавшихся перед носом идущего первым эсминца, не смогли точно поразить цель. Тем не менее, успех им сопутствовал. Близкие взрывы контузили практически небронированный корабль, вмятая гидравлическим ударом тонкие листы обшивки. Вода пошла внутрь, вначале тонкими струйками через дырки от сорванных заклепок, потом раздвинула стыки... И вот уже внутри корабля хлынул бурлящий океан, и впрессовываемый на тридцатиузловой скорости поток с восторгом ринулся внутрь, сметая все на своем пути и разбегаясь по отсекам.

Эсминец зарыскал на курсе и, медленно оседая носом, отвернул. Героев здесь не было, и идти на верную смерть при таких раскладах никто не хотел. Но командир второго эсминца оказался покрепче. Его кораблю досталось не меньше, а даже больше, чем головному. Один снаряд калибром двести восемьдесят три миллиметра он получил, и от разрушения его спасло лишь то, что удар пришелся в надстройки. Разорвав в клочья тонкую сталь, снаряд прошел навывлет и взорвался, лишь зарывшись в волны. Контузии от близких взрывов и сопутствующих ей затоплений эсминец тоже не избежал. И все же этот корабль не отвернул и, выйдя на дистанцию залпа, успел выпустить три торпеды, после чего очередной снаряд все же достал его, угодив прямехонько в торпедные аппараты.

Рвануло так, что пылающие обломки эсминца раскидало на сотни метров. Когда опал столб пены, поднявшийся выше мачт «Шарнхорста», на воде обнаружились лишь немногочисленные обломки. И все же свое черное дело британский эсминец сделал. Три торпеды, расталкивая воду, округлыми носами, веером шли к цели.

Немцы успели отреагировать, сделав все, что возможно, и даже чуть больше того. Виртуозно отработав машинами, они успели начать разворот, и одна торпеда проскочила за кормой, а вторая перед самым носом. Оставался еще шанс, что и третья проскочит мимо резко уменьшившейся цели, но, видимо, Бог сегодня решил, что успехов немцам довольно. Мощный взрыв под бортом корабля поставил жирную точку в этом сражении.

Удар был такой силы, что гору плавающей стали подбросило, да так, что никто из находящихся в рубке не устоял на ногах. Колесникова приложило о переборку с такой силой, что в глазах помутилось, и он начал что-то соображать, лишь когда обнаружил, что двое офицеров помогают ему встать. Резким движением плеч стряхнув чужие руки, он замер, всем телом чувствуя, как нарастает крен... Еще немного, еще... Нет, все, корабль удержался, и он понял это раньше других. Хороший, крепкий корабль...

Линкоры – вершина эволюции морских артиллерийских платформ. Их конструкция вобрала в себя опыт тысячелетий, от первых боевых галер древних греков до тех чудовищ, которые в начале века сходились в Ютландском сражении. И этот опыт воплотился, в числе прочего, в системы защиты, позволяющие кораблю выкарабкаться даже когда, на взгляд дилетанта, все потеряно. Пусть этот линкор уже избит до безобразия, все равно шансы есть, и одной торпедой его утопить сложно. Хотя, конечно, и возможно, но сейчас был явно не тот случай.

Взрыв проломил борт, и дыра вышла впечатляющей, но противоторпедная защита оказалась на высоте, поглотив и перераспределив энергию взрыва. Вода уперлась в металл переборок и, хотя не все они пережили бой, обширных затоплений удалось избежать. Конечно, «Шарнхорст» заметно накренился, но все же не перевернулся. Дальше же дело было за его командой, от слаженности и правильности действий которой зависело, что с ними будет.

Несмотря на тяжелейшие повреждения от вражеских снарядов и огня, серьезно попортившие нутро линейного крейсера, удалось частично выполнить контрзатопление отсеков. Полностью выправить крен не получилось, однако хотя бы частично остойчивость была восстановлена, и теперь не было опасности, что корабль немедленно перевернется. Правда любое, даже незначительное волнение могло довершить начатое – в бортах осевшего почти на полтора метра ниже положенного «Шарнхорста» зияли огромные дыры, и если их начнет заливать... Об этом даже думать не хотелось, притом что с пожарами окончательно справиться все еще не получалось. Только кажется, что все, огонь погашен – а он вдруг опять вырывается чуть в стороне, и приходится все начинать сначала. И чтобы заткнуть все дыры, банально не хватало людей. В этом бою «Шарнхорст» лишился убитыми, ранеными и обожженными почти трети экипажа, больше, чем за все предыдущие походы вместе взятые, причем часть погибла вместе с корабельным госпиталем во время большого пожара. Паленым мясом воняло на весь корабль даже сквозь дым от мазута.

Однако морякам, в отличие от тех, кто сражается на суше, как правило, просто некуда бежать, и потому они привыкли бороться до конца. Точнее, до того момента, как с подошедших «Лютцова» и «Гнейзенау» на борт флагмана высадили аварийные партии, перебросили шланги взамен иссеченных осколками во время боя и организовали полноценную спасательную операцию. Общими усилиями удалось кое-как сбить пламя и заделать временными щитами наиболее угрожающие жизни корабля пробоины. Провозились долго, закончив уже ночью, но все же справились, и теперь предстояло дотащить корабль до своей базы – задача, перед которой все подвиги Геракла бледнели от осознания собственной мелочности.

А пока шла борьба за «Шарнхорст», единственному незадействованному в ней кораблю следовало довершить начатое. «Адмирал Хиппер», по широкой дуге обогнув линкоры, решительно направился наперехват авианосцу, который, пользуясь заминкой, пытался уйти, выжимая аж шестнадцать узлов – все, на что он был сейчас способен. «Хиппер» настиг его за считанные минуты.

Пожалуй, самым простым было бы расстрелять «Глориес». Конечно, артиллерия тяжелого крейсера не шла ни в какое сравнение с мощностью любого из остальных кораблей, но неторопливо и со вкусом расковырять не имеющую возможности ответить лоханку, какой бы здоровой она ни была, дело всего лишь времени. Да и торпедные аппараты с «Хиппера» никто не снимал, так что пожелай немцы быстрее закончить дело, они попросту обрушили бы на противника всю свою огневую мощь. Однако капитан первого ранга Хельмут Хейе, офицер храбрый и решительный, помнил приказ адмирала по возможности не добивать авианосец и сделал абсолютно правильные выводы. Решив, что Лютьенс планирует попытку захвата британского корабля, он немедленно приступил к реализации этого плана и, подойдя к авианосцу на несчастные четверть мили и развернув в его сторону все, что могло стрелять, потребовал от англичан сдаться. Откровенно говоря, в успехе он сомневался, поскольку только что видел, как дрались их товарищи, и проникся к ним вполне заслуженным уважением, но на сей раз все вышло по-иному.

Психология у моряков разных кораблей тоже разная. Те, кто ходит в бой на эсминцах или легких крейсерах, заранее приучает себя к мысли, что между ним и врагом ничего нет. И правда, ведь не считать защитой тонкую корабельную обшивку. Все зависит от того, кто первый попадет, а стало быть, надо сохранять хладнокровие в любой ситуации, ибо паникер – не боец. И к тому, что они, в принципе, смертники, эти люди привыкли.

Несколько иная ситуация на больших кораблях. Там вокруг тебя толстый слой отличной стали, а под рукой невероятная мощь корабельных орудий. И все равно, эти люди тоже знают, что противник им под стать и что с ним придется рано или поздно схватиться грудь в грудь. И, опять же, кто поплывет домой, а кто вертикально вниз, еще неизвестно. Эти люди знают, что придется рисковать, и привыкли к этой мысли.

Иное дело авианосцы. Корабли, которые могут полноценно воевать, ни разу не увидев врага, даже не приблизившись к нему. Их оружие, самолеты, найдет цель, порой отстоящую от плавучих аэродромов на сотни миль, без участия моряков, которые играют больше роль перевозчиков, чем бойцов. И это тоже накладывает на их мировосприятие определенный отпечаток. Они не трусы, нет, и когда надо могут драться не хуже остальных. Вот только помирать они не привыкли. Тем более умирать без шансов нанести врагу хоть какой-то урон. Пройдет не так уж много времени – и авианосцы станут желанной целью для всего, что может до них дотянуться, превзойдя по популярности в качестве мишеней все остальные корабли. И люди тоже изменятся. Но сейчас это была всего лишь дорогая экзотика, значение которой только начали осознавать...

«Хипперу» потребовалось всего два снаряда, чтобы убедить британцев в абсолютной бесполезности сопротивления. А предупреждение, что в случае, если авианосец затопят, подбирать немцы никого не будут, расставило точки над i. Юнион Джек неохотно, рывками пошел

вниз, подведя тем самым итог жаркого во всех отношениях дня и нанеся страшный урон и без того пошатнувшемуся престижу британского флота.

Возвращение на базу запомнилось Колесникову тем, что он завидовал эстонцам. Такая вот ассоциация из прошлой жизни – уж эти-то со своей хрестоматийной неторопливостью чувствовали бы себя комфортно. Эскадра ползла к базе на семи-восьми узлах, снижая иногда ход еще ниже – до двух-трех. Один раз и вовсе пришлось на несколько часов лечь в дрейф – машины «Шарнхорста» окончательно сдали, и механики проявили чудеса изобретательности, чтобы заставить их работать. Наверное, между немцами и русскими пропасть не так велика, как принято считать, решил Колесников после того, как линкор смог дать ход. Во всяком случае, совершать невозможное с помощью кувалды и чьей-то матери у немецких механиков получилось не хуже. Повезло еще, что случилась эта неприятность уже в зоне действия немецкой авиации, и орлы Геринга смогли организовать прикрытие. Хотя, впрочем, британские самолеты в небе так и не появились.

Эскадре вообще повезло. Уже на следующий день после сражения погода начала портиться – вначале лег туман, который сдуло только вечером, но сразу же ветер посвежел, не давая работать самолетам, но, в то же время не настолько, чтобы добить поврежденные корабли. Возможно, британский флот и искал их, но без воздушной разведки его возможности оказались весьма ограниченными, и даже британские радары не смогли засечь немецкую эскадру. Позже выяснилось, что линкоры, каждый из которых был сильнее всей германской эскадры, искали обидчиков совсем в другой стороне, далеко от курса, выбранного адмиралом, и это обстоятельство быстро вошло в немецкий военно-морской фольклор. Словом, на Лютенса теперь смотрели как на талисман, везунчика, который сумеет вытащить людей хоть у черта из зубов.

А еще этот поход обогатил кригсмарине как минимум одной легендой и одним фактом вопиющего нарушения дисциплины. Легенда – это снова про Лютенса. Ну, отказался адмирал переходить на борт «Гнейзенау», заявив, что не бросит ни свой корабль, ни своих людей. Заявляя так, Колесников здорово рисковал, поскольку вопрос, удастся ли дотащить «Шарнхорст» до базы, оставался открытым до последней минуты.

Ну, а нарушение дисциплины... В общем, когда Колесников отдал приказ кораблям возвращаться на базу, оставив для прикрытия тормозящего всю эскадру «Шарнхорста» только наименее ценный «Хиппер», ему отказались подчиниться. Корабли окружили поврежденного флагмана и вели его до самой базы. Немыслимо для дисциплинированных немцев, и еще несколько месяцев назад о таком не могли и помыслить. Похоже, в германском флоте что-то начало меняться, и непонятно пока, в худшую или в лучшую сторону.

Город встречал их полным молчанием. Гробовым, так будет вернее. Люди, гражданские и военные вперемешку, столпились на берегу, глядя на грузно осевший в воду, закопченный до черноты корабль. В первый раз «Шарнхорст» был поврежден не меньше, но тогда он не производил столь жуткого впечатления – обычные повреждения после тяжелого боя. Сейчас же вид у корабля был таков, словно он побывал в аду – и вырвался оттуда, разнеся в клочья половину преисподней. И чего он внушал сейчас больше, страха или гордости, не взялся бы сказать никто.

Как оказалось, пока Колесников был в море, события неслись семимильными шагами не только у него. Военные действия в Европе практически закончились, но зато на Средиземноморском театре обнаружилась вдруг лютая активность. И одновременно началось действо, которое адмирал помнил как «Битву за Британию». Скучать было некогда.

Бомбардировки побережья Британских островов шли неторопливо, но внушительно. Колесников не помнил, как они проходили в той истории, но сейчас Геринг действовал плано-

мерно. Удары шли по береговым укреплениям, аэродромам и, главное, радарным станциям, которых островитяне настроили неожиданно много. Похоже, сыграла роль идея, подброшенная на Большом Сходняке, как адмирал про себя называл то совещание у Гитлера. Да и разведка начала давать какие-то результаты, пускай и довольно скудные. Перехода количества в качество в такой ситуации ждать предстояло долго. Тем не менее, немцы не торопились, благо ситуация складывалась в их пользу. Британцы едва успевали парировать их налеты, в то время как экономика их страны медленно, но верно сползала вниз. Все же последние успехи немецких моряков серьезно подточили веру в могущество Королевского флота, а главное, в способность его защитить транспортные маршруты. Как следствие, резко сократились объемы завоза всего, от предметов роскоши до стратегического сырья, а цены, напротив, быстро поползли вверх. Действия германских подводных лодок тоже внесли свою лепту, и теперь Британии грозил транспортный, производственный и экономический коллапс.

Вдобавок Германия официально объявила неограниченную подводную войну, для чего имела все основания. И с точки зрения международного права придаться никто бы не смог – и с юридической, и с моральной точки зрения виновной оказывалась противоположная сторона. А дело было так...

Немецкая подводная лодка в Средиземном море провела удачную атаку на крупный транспорт под военно-морским флагом, идущий под прикрытием эсминца. Последний оказался старой калошей и оснащен был соответственно, а потому вовремя засечь субмарину британцы не смогли. Учитывая, что вода в Средиземном море достаточно прозрачная, а погода в тот момент стояла тихая, остается только удивиться безалаберности английских моряков. Тех, кто воевал в Атлантике, немцы давным-давно отучили от такой наглости, а здесь, несмотря на понесенное совсем недавно жестокое поражение, царили пока что настроения, близкие к идиллическим. А может, британцы просто считали, что раз уж легендарный немецкий пират отбыл наводить шороху на север, то французы без него рыпаться не станут. Итальянцев же они традиционно не боялись.

В принципе, такие рассуждения оказались недалеко от истины. Французы сидели в своих портах, и максимум, что могли сделать, это обеспечить конвоирование транспортов с немецкими солдатами, идущими в Александрию и обратно. Дело было не только в самих французах, среди которых, несмотря на победу и вполне неплохое вроде бы обозримое будущее, царили разброд и шатание. Все же чересчур резко поменялись расклады, враги стали... ну, не друзьями, но вроде как ближайшими союзниками и нанимателями, а недавние друзья превратились в подлых врагов. Боевого духа все это не добавляло, а человека, равного авторитетом Лютьенсу, рядом не оказалось. Присланный из Берлина для обеспечения взаимодействия, а фактически для присмотра за французами, адмирал Руге был грамотным, но ничем особо не примечательным офицером. И там, где Лютьенс с его мефистофельским профилем и грозной славой добивался повиновения, даже не повышая голоса, Руге приходилось вертеться ужом, причем далеко не всегда успешно.

К тому же практически все современные корабли французов, равно как и доставшиеся им трофеи, нуждались в серьезном ремонте, скорее даже – восстановлении, и потому боеспособность сохраняли лишь несколько старых дредноутов, слабо защищенных и тихоходных. Вести наступательные операции в такой ситуации было можно, но сложно, а потому французы предпочли не рисковать. «Галльские петушки» при всей своей задиристости, имея реальную перспективу словить по носу, живо превращались в баранов, и чтобы повести их за собой, нужен был лев. Льва же как раз сейчас и не наблюдалось.

С итальянцами все было еще проще. Неважные вояки, они, вдобавок, испытывали сейчас жуткую нехватку топлива и, даже захоти что-то предпринять, все равно вряд ли смогли бы реализовать свои планы. К тому же не так давно британская авиация учинила рейд на базу их флота, и летчики смогли провести атаку до того, как зенитчики очухались и открыли огонь.

Торпедоносцы при этом ухитрились подорвать два линкора прямо в гавани, а какой-то лихой пилот из крутого пике положил бомбу аккуратно в центр башни тяжелого крейсера. Корабль вывернуло наизнанку, после чего британцы ушли без потерь, что добавило им славы, а итальянцам – головной боли. Севшие на грунт корабли теперь надо было как-то поднять, залатать и перегнать в доки, что в условиях активного противодействия британского флота выглядело трудноосуществимым.

Ничего удивительного, что английские моряки чувствовали себя здесь если и не королями, то, во всяком случае, достаточно уверенно. Вот только прорыв через Гибралтар нескольких германских субмарин они позорно прошляпили. Кроме того, французы передали немцам часть своих подводных лодок – все равно из-за дезертирства на все не хватало экипажей. В результате силы германского подплава оказались неожиданно серьезными, и это стало для британцев неприятной неожиданностью. И на одну такую субмарину нарвались транспорт «Бонавентура» с кораблем сопровождения. И, закономерно, оба получили по торпед.

Надо сказать, транспорт в борт ударили сразу две стальные рыбы, но одна не взорвалась. Несмотря на то, что их непрерывно совершенствовали, торпеды оставались довольно капризным оружием. С эсминца все-таки успели заметить идущую на них смерть и, развернувшись, уклонились от первой, но вторая торпеда угодила кораблю аккуратно под винты, практически оторвав кормовую часть. Из двух пораженных кораблей он затонул первым.

С транспортом все вышло куда сложнее. Повреждения, которые он получил, оказались смертельными, но тонул большой корабль долго. Возможно, если бы его экипаж состоял из военных моряков, удалось бы даже удержать его на плаву, но обычные мореманы тренируются куда меньше, да и корабль, откровенно говоря, по сравнению с боевыми оказался хлипковат. В результате, живо убедившись, что начался обратный отсчет, люди начали покидать обреченное судно.

Если бы немцы, убедившись в успехе атаки, просто отправились восвояси, на том бы дело и кончилось, но командир субмарины посчитал необходимым соблюсти хотя бы видимость приличий и убедиться, что британские моряки смогут добраться до берега, от которого их отделяло около пятидесяти миль. И вот тут-то обнаружилось, что людей в воде бултыхается неожиданно много.

Транспортный корабль «Бонавентура», как оказалось, эвакуировал из Египта гражданских, в основном британцев, которые из-за угрозы немецкой экспансии стремились поскорее убраться куда подальше. Кроме того, на борту корабля находилось около двухсот пленных итальянцев, запертых в трюме, в наскоро оборудованных тюремных помещениях, больше похожих на клетки. Охраной пленных занималось три десятка поляков из тех, что успели бежать под крылышко британцев, когда стало ясно, что война проиграна. Как солдаты они, в основной массе, были не очень, но для полицейских функций годились вполне. Неудивительно, что охрану итальянцев поручили именно им – более надежные солдаты дрались сейчас на берегу, пытаясь остановить взявшего неплохой старт Роммеля.

Когда торпеда проломила борт корабля и он начал медленно, но неумолимо крениться, большинство поляков рванули вверх, на палубу. Итальянцы же моментально сообразили, что если не выберутся, то пойдут на корм рыбам, и принялись ломать клетки. Учитывая, что сварены они были тяп-ляп, а итальянцы хотя и посредственные солдаты, но все же крепкие, да еще и подстегнутые страхом мужчины, вопрос стоял только как долго металлические прутья смогут их удерживать.

Тем из поляков, которые все же оказались чуть похрабрее товарищей и не покинули сразу пост, такое поведение итальянцев, естественно, не понравилось. Сделав по ним несколько выстрелов и убедившись, что остановить их не хватит никаких патронов, они принялись колоть и рубить пленных штыками. Однако крен нарастал, и остатки поляков живо сообразили, что

могут и не успеть покинуть корабль. Ну а после того, как они покинули трюм, смогли выломать двери клеток и выбраться наружу и часть итальянцев. Те, кого не убили.

Обнаружив, что столкнулся с нестандартной ситуацией, командир субмарины принял решение, вполне соответствующее образу мыслей нормального моряка. Возможно, такое поведение изначально казалось ему правильным, а может быть, сыграл роль пример все того же знаменитого адмирала, всегда старающегося спасти тех, кто оказался за бортом, вне зависимости от их происхождения. Так или иначе, вместо того, чтобы спокойно погрузиться и следовать своим курсом либо вначале подобрать итальянцев, какие-никакие, а все же союзники, а потом все равно уходить, он развернул спасательную операцию, благо ничего невыполнимого в ней не было. Шлюпки на «Бонавентуре» имелись, времени, чтобы спустить их, хватало, да и плоты соорудить люди тоже успевали – тонуло судно больше часа. Сильнее пострадали малодушные, те, кто в панике сиганул за борт. Акулы здесь водились и на запах крови подоспели быстро. Большинство же вполне нормально перебрались на спасательные средства, еще и спасшихся с эсминца подобрали, после чего подводная лодка взяла их на буксир и потащила в сторону берега. Ну а чтобы ее не вздумали атаковать, командир передал в эфир о проведении спасательной операции и растянул позади рубки белое полотнище из наскоро скрепленных простыней с намалеванным суриком красным крестом. В общем, формальности были соблюдены, но тут вмешалось неприятное обстоятельство.

Вскоре после того, как подводная лодка, изображающая буксир, тронулась в путь, над ней появился самолет. Чей – так и осталось тайной, опознавательных знаков рассмотреть не смогли. Около часа он кружил над морем, а потом удалился, сбросив предварительно несколько бомб. Плещущаяся на трех узлах подводная лодка – хорошая мишень, и неудивительно, что одна из бомб попала рядом с рубкой, нанеся субмарине тяжелые повреждения, а еще одна разметала идущий следом плот. Людей погибло немного, но ситуация все равно сложилась паршивая. К чести своей, немцы операцию не прекратили и дотащили-таки людей до французского побережья, после чего отправились на ремонт. Но дело было уже сделано. В ярость пришел не только Гитлер, но и большинство немецких моряков, от матроса до адмирала. И даже Колесников, когда узнал, что объявлена неограниченная подводная война, не нашелся, что возразить. В конце концов, он поступил бы точно так же².

Итак, на море взбешенные подводники топили всех подряд. С воздуха бомбили самолеты. А вот на суше... На суше-то и началось все самое интересное.

Генерал-лейтенант Роммель, человек, безусловно, не только талантливый и решительный, но и честолюбивый, отлично понимал, что ему поручили задание, способное или поднять человека на гребень успеха, или сбросить в забвение, сделав одним из многих заурядных генералов, которых хватает в любой армии. А еще он понимал, что надо греметь, иначе лавры достанутся совсем другим людям. Такое уже случалось, когда планировали вторжение во Францию, да и сейчас, можно сказать, на его глазах, нечто подобное произошло. В конце концов, автором плана адмирала Лютьенса официально считался лично фюрер. Совсем уж замолчать участие знаменитого флотоводца, правда, оказалось сложно, слишком гремело его имя, но дело было преподнесено таким образом, что адмирал был вроде как на вторых ролях. Так, стоял рядом и советы подавал, не более. Тем более, звучало логично – что моряк понимает в сухопутных делах? Лютьенс отнесся к подобной трактовке событий с редкостным безразличием, однако всем, кто знал правду, расклады не слишком нравились. Другое дело, они предпочитали благоразумно держать языки за зубами и вслух не возмущаться, но некий осадок все же остался.

Итак, чтобы не затерли, надо греметь и побеждать. Роммель, понимая расклады, принялся действовать исходя из обстановки со свойственной ему быстротой. Прибыв в Александрию, он обнаружил, что дела там идут ни шатко, ни валко. Итальянцы, кое-как окопавшись, в

---

² Ситуация произошла в реальной истории: самолет, сбросивший бомбы, был американским.

основном предпочитали грабить местных, благо в большом (ну, относительно большом) городе всегда есть чем поживиться. Дисциплина, изначально невысокая, сейчас таяла на глазах. Пожалуй, если бы англичане сообразили, что к чему, они могли бы выбить это отребье даже теми небольшими силами, которые у них имелись. И корабли в гавани вряд ли спасли бы ситуацию, в городском бою не все и не всегда решают калибры.

Естественно, что при таком раскладе даже нормально организовать высадку немецкого корпуса оказалось сложно. Повезло, что помогли французские моряки. Они-то прекрасно видели, какое «могучее» сухопутное прикрытие им досталось, и понимали, что случись нужда, уйти они могут не успеть, а уж трофейные корабли потеряют точно. Что с ними сделают разъяренные потерями британцы, французам не хотелось даже представлять, и потому едва ли не впервые в жизни прибывшим бошам они обрадовались, как родным.

Выгрузку людей, а главное, техники произвести удалось в рекордно короткий срок. Все это время Роммель провел, осматривая позиции британцев, после чего решил, что все же стоит рискнуть, благо никто от него пока активных действий не ждет. В конце концов, пока что в Александрию прибыла едва четверть личного состава корпуса при двух десятках танков. Не те силы, которыми можно проводить масштабные наступательные операции. Однако на сей раз британцев ждал сюрприз.

На рассвете, когда засыпают даже самые ответственные часовые, немецкие солдаты, многие из которых еще не отошли от морской болезни, пошли в атаку. Роммель творчески реализовал подкинутую ему Лютьенсом идею танкового десанта – все же Колесников хорошо помнил, что и в Отечественную войну, и в первые десятилетия после нее такой прием использовался, причем достаточно успешно. В результате, прибывшие в Африку немецкие танки имели кустарно приваренные к бортам и башням металлические скобы, за которые держались облепившие танки автоматчики. Автоматы, кстати, Роммель вытребовал в немалом количестве – винтовки обладали возможностями явно недостаточными, и немецкий генерал решил, что раз не может обеспечить превосходство численное, то придется сделать ставку на тактику и вооружение.

Решение его оказалось правильным. Танки успели подойти к позициям англичан, прежде чем те очухались, и в результате практически вся их артиллерия была успешно нейтрализована, да и немногочисленную технику частью раздавили или расстреляли, а частью захватили. Ну а потом к месту боя подоспела пехота – так и не успевшие толком организовать оборону англичане были выбиты с позиций.

Однако на этом дело не кончилось. Хорошо помня, что недорубленный лес вырастает, Роммель организовал преследование, и в результате практически все уцелевшие в ночном бою британцы оказались взяты в плен. Вырваться из кольца и уйти удалось немногим.

Дальнейшие действия Роммеля отличались стремительностью. Едва дав время танкистам заправить свои машины, а солдатам немного отдохнуть после боя, он на глазах наблюдавших за ним с открытыми ртами итальянцев посадил людей в трофейные или нагло реквизированные у союзников автомобили и провел быстрый рейд, в котором сумел поймать на марше британскую колонну, идущую к Александрии, и наголову ее разгромить. Британское подкрепление до цели так и не добралось, хотя, даже застигнутые врасплох, солдаты Владычицы морей дрались отчаянно. Тем не менее, их участь была решена, и, потеряв два танка и около полусотни человек убитыми и ранеными, Роммель сумел захватить инициативу, которая, учитывая малочисленность задействованных на этом театре сил, могла сойти и за стратегическую. Сейчас он, дождавшись подкреплений, уверенно развивал наступление.

Даже итальянцы при виде такого приободрились и частично отправились следом за ним. Роммель их тут же взял под крыло – не бог весть какая помощь, но все же лучше, чем ничего. Да и вообще, в подобных случаях рискуют самые храбрые и инициативные, итальянцы тут не исключение, так что с ним отправились лучшие солдаты из тех, что дуче послал в эти места.

Итак, сборная солянка немецкого генерала уверенно двигалась вперед. Узнав об этом, Колесников только головой покрутил. Так, глядишь, и впрямь сумеют перерезать Суэцкий канал, и тогда дни Британской империи будут сочтены. Если, конечно, Гитлер сдуру не полезет на восток.

Берлин встретил его низкой облачностью и нудным, морозящим дождем. Садиться пришлось уже в сумерках, но Курт, пилот сто десятого, не зря считался пилотом недисциплинированным (потому его и спихнули в свое время Лютьенсу, что отцам-командирам с ним срабататься никак не получалось), но притом очень грамотным и опытным. Что-то вроде Чкалова или других воздушных хулиганов, которыми гордился СССР, только с поправкой на немецкое происхождение. Ну и класс пониже, конечно, но все равно пилотом Курт был классным. И в условиях паршивой видимости он с первой попытки сумел посадить истребитель точно в начало полосы и лихо вырулил на стоянку, до смерти напугав каких-то олухов, явно не ожидавших, что к ним сейчас прилетит высокий чин. Да и ладно бы просто не ожидали, но эти субчики уютно расположились и потребляли шнапс. Будучи застуканными за сим недостойным немцев при исполнении занятием, они шарахнулись, будто вспугнутые куры. Колесникова аж смех пробрал – такое он легко мог представить в окружении родных осин, но, как оказалось, человеческая природа везде одинакова.

Окинув разгильдяев мрачным взором и сделав вид, что не заметил ни бутылку, ни селедочный хвост, абсолютно ничем не отличающиеся от тех, что приходилось видеть (а по молодости, бывало, и самому потреблять) в своем прошлом-будущем, адмирал прошествовал мимо, чтобы уже через пару минут уютно расположиться на широком заднем диване персонального «хорьха». Вальман плюхнулся за баранку – сегодня он прибыл сам, без водителя. Тот, как оказалось, в последний момент свалился с острым приступом аппендицита, а другого шофера, столь же проверенного и в то же время свободного, под рукой не оказалось. Лейтенант же и сам не прочь был порулить, поэтому со свойственным молодости пренебрежением к мелочам вроде «положено – не положено» прикатил и без посторонней помощи.

На переднее кресло, рядом с водителем, уселся Курт. Это было вроде бы против германских норм, но Лютьенс уже заработал репутацию оригинала, плюющего на условности, и удивления такое пренебрежение уставом не вызвало. Ну, в самом деле, пилот – коренной берлинец, здесь у него родители, и заставлять его незнамо сколько ждать на аэродроме транспорта, выглядело примитивным свинством.

Веселье началось на полпути к городу, когда они проезжали мимо островка леса. Местные «почти чащи», старательно вычищенные от валежника, сухостоя и прочего мусора и потому кажущиеся искусственными, Колесников уже видел. Зрелище на взгляд человека, привыкшего к сибирским просторам, донельзя скучное, но смотреть все равно было больше не на что. Тем более, Вальман в присутствии летчика отмалчивался, а тот, в свою очередь, предвкушал, что вот-вот окажется дома, и все его мысли крутились вокруг этого. Да и не слишком Курт был разговорчив, так что в салоне машины сейчас шумел только двигатель. И Колесников от скуки рассматривал не раз уже виденные окрестности, которые в быстро сгущающемся сумраке, да еще сквозь пелену быстро усиливающегося дождя, выглядели необычно и гротескно.

Неудивительно, что адмирал первым заметил на фоне темных деревьев серию коротких вспышек, а через секунду их автомобиль тряхнуло и повело влево. Вальман, ругаясь не хуже обозного солдата, выкрутил руль, и в следующее мгновение машину затрясло, словно в лихорадке. Взвыл басом Курт, тряхнуло так, что Колесников достал макушкой до обшитого мягкой тканью потолка салона, а затем машина съехала в кювет и замерла.

– Наружу! Живо!

Пожалуй, лейтенанта и впрямь неплохо натаскали в десанте. Во всяком случае, голову он не потерял, ситуацию оценил трезво и командовал четко. Оставалось только подчиниться,

в такой момент не до чинопочитания. Колесников распахнул дверь, вываливаясь под дождь, и с незстетичным шлепком распластался в грязной луже. Рывком поднялся на ноги и кинулся к передней двери, из которой неловко выбирался зажимающий бок Курт.

– Живой?

– Пока да, – растянул губы в кривой ухмылке пилот. – Вскользь вроде бы задело...

Сухая автоматная очередь прервала их содержательный разговор. Вальман, лежа у края дороги, скупными очередями стрелял по кому-то там, у леса. В ответ донеслись приглушенные расстоянием звуки выстрелов, и сверху характерно свистнули пули.

На ходу доставая парабеллум, который с первого дня своего пребывания здесь постоянно таскал с собой, Колесников бросился к лейтенанту:

– Что там? – хрипло выдохнул он, плюхаясь рядом. Было жестко и сыро, но сейчас это не казалось особым неудобством.

– Четверо, – удивительно ровным голосом ответил Вальман. – Три автомата и пулемет. Уходите, адмирал, я их задержу.

– Что, хочешь всю славу себе забрать? – ухмыльнулся Колесников. – Не выйдет.

Лейтенант не ответил, Только снова принялся стрелять, ловко отсекая очереди по два-три патрона. Колесников высунулся, засек вспышку метрах в пятидесяти и дважды выстрелил, целясь чуть правее. Вряд ли попал, конечно, но нервы чуток попортил, и то хлеб. Слева хлопнул вальтер Курта. Три ствола, пускай даже не самых мощных, это все же лучше, чем один.

Пулеметная очередь взломала асфальт перед ними, бросив в лицо мелкую крошку. С той стороны патронов не жалели, ну да оно и понятно. Время работало на обороняющихся – любая проезжающая машина способна поменять расклады. Вот и стараются покончить скорее, а задача Колесникова со товарищи – продержаться. У сидящих же в окопах или, как сейчас, в кювете, всегда есть преимущество.

Пулемет снова застучал, будто у него там патронов как минимум ящик. Пули злобно зацвиркали над головой, не столько реально угрожая, сколько заставляя вжиматься в землю. Понятно, хотят не дать поднять головы, а сами в это время подобраться, скажем, на бросок гранаты. Примитивно, но действенно.

Мысли текли в голове неспешно, но очень четко, с удивительным спокойствием, как, впрочем, и во время любого боя. Колесников, не особенно и торопясь, переместился на несколько метров вправо, осторожно высунулся, сумел рассмотреть две осторожно, но быстро приближающиеся пригнувшиеся фигуры. Аккуратно поймав ближайшую в прицел, адмирал успокоил дыхание и с сократившегося до пары десятков метров расстояния вогнал в нее три пули. Сколько раз попал, сказать трудно, однако противник рухнул, нелепо взмахнув руками. Зато второй с заячьей прытью скакнул в сторону и метнул гранату.

Вращаясь в воздухе, немецкая «колотушка» полетела точнехонько в сторону удачливого стрелка. Бросок был отличный, вот только Колесников помнил читанное когда-то – запал у этой гранаты горит долго, а придержать ее в руке противник вряд ли успел. Значит... А значило это лишь то, что он успел схватить плюхнувшуюся рядом смерть и отправить ее обратно. Не очень удачно, пальцы скользнули по измазанной в грязи ручке, и граната полетела куда-то в сторону, но главное, он остался жив. А вот метатель – нет. Приподнялся после взрыва – и со стороны, где засели товарищи, тут же затрещали автомат и пистолет. Кто попал – уже неважно, главное, противник ткнулся носом в землю и больше не шевелился.

Тяжелый, смачный шлепок сзади выбивался из обычного звукового фона настолько, что Колесников развернулся, не раздумывая. Как раз вовремя, чтобы успеть рассмотреть силуэт на фоне деревьев, темное на темном. Пожалуй, не оскользнулся этот человек, то подобраться ему удалось бы неслышно, а так... В общем, выстрелили они одновременно.

Если нападавший был темным силуэтом на темном фоне, то адмирал в своем кителе и вовсе черной кляксой на черной земле. Это его и спасло. Это – а еще собственная реакция.

Автоматная очередь подняла столбики грязи в каких-то сантиметрах от него, зато ответный выстрел заставил противника сложиться пополам и рухнуть на колени, через секунду свалиться на бок и отчаянно завывать. Колесникова это, впрочем, сейчас волновало в последнюю очередь.

Бросок к упавшему, рывком вырвать из скрюченных, окровавленных пальцев автомат... Проклятие! Колесников никогда не только не пользовался МП-38, он его и в руках-то не держал. Оставалось надеяться, что раз из него только что стреляли, то и сейчас остается только на курок нажимать. Оглянулся вокруг – нет, с тылу больше никто вроде бы не лезет. Броском вернувшись к дороге, адмирал упер неудобный приклад в плечо и вдавил спусковой крючок. Автомат забился в руках, как живой, и ствол его почти сразу ощутимо повело вверх. С другой стороны застрочил пулемет – и заткнулся. Вряд ли от того, что его хозяина зацепило пулями. Скорее уж, он сообразил, что расклады поменялись и надо делать ноги. А может, и нет...

Пригибаясь, Колесников вернулся к остальным и обнаружил Курта, склонившегося над нелепо скорчившимся Вальманом. На боку лейтенанта расплывалось пятно, темное даже на фоне заляпавшей его грязи, но он был в сознании, руки по-прежнему держали автомат. При приближении Колесникова он даже шевельнулся было, но как раз в этот момент пилот кортиком распорол ему одежду. Лейтенант посмотрел на открывшееся зрелище, дернулся и зашипел от боли.

– Пакет есть?

– В машине, аптечка...

Очевидно, на эти слова ушли последние силы, потому что Вальман закрыл глаза и обмяк. Колесников зло рыкнул и бросился к «хорьху» – теперь оставалось надеяться, что аптечка и впрямь имеется. А заодно на то, что их избитый пулями пепелац заведется и они смогут доползти на нем до города.

Мюллер выглядел абсолютно спокойным, но от Колесникова не укрылось, как раздуваются крылья носа главного гестаповца. Группенфюрер владел собой, как немногие, но все равно он был взбешен, и от наблюдательного человека это состояние скрыть не получалось. Мало того, что его в двенадцатом часу ночи выдернули с какого-то важного мероприятия, так еще и прокол тайной полиции, что называется, налицо. А главное, адмиралу его было ни капельки не жалко.

Разумеется, на взгляд Колесникова, сдергивать ради случившегося Самого Главного Полицейского – это уже перебор. Достаточно простого следователя, способного организовать необходимые мероприятия, а уж с утра можно и босса побеспокоить. Однако подчиненные Мюллера предпочли доложить по команде, по цепочке перекладывая ответственность на плечи вышестоящих, пока не добрались до самого верха. Ну, а Мюллеру деваться уже некуда, положение обязывает.

С другой стороны, дело получалось громкое. В самом сердце рейха, в пяти минутах езды от Берлина, совершено нападение на человека, в этом самом рейхе отнюдь не последнего. И интересно, кстати, было бы узнать, откуда нападавшие получили сведения о его прилете. Ведь специально не в городской аэропорт прибыл, а, ради сохранения секретности, на один из многочисленных военных аэродромов на отшибе. В общем, есть о чем подумать и кому голову открутить.

Самой большой проблемой оказалась невозможность провести следствие по горячим следам. Пленных не было – двоих на дороге положили насмерть, а третий, которому пуля адмиральского парабеллума разнесла пах, умер от потери крови. Пулеметчик же ретировался и даже оружие свое унес. Словом, никаких зацепок, кроме следов от стандартных армейских сапог, груды стреляных гильз и трупов, опять же, европейской внешности, в обычной солдатской форме без знаков различия. Кроме того, Колесников очень долго добирался до города – «хорьх» на спущенных колесах тащился как беременная улитка. Хорошо еще, его вообще

смогли выкатить из кювета. Ну а потом вместо того, чтобы сообщить о происшествии, Колесников рванул в ближайшую больницу, где, совсем по-русски сунув под нос дежурному врачу парабеллум, доходчиво объяснил ему важность поставленной задачи. В результате Вальмана, которого, как оказалось, ранили еще за рулем, удалось спасти, но расследование началось на два часа позже, чем могло бы.

– Ничего больше не вспомните, адмирал? – устало спросил Мюллер. Колесников вздохнул. Мало того, что их с Куртом два часа трясли обычные следователи, так еще пришлось все повторить лично для группенфюрера. Ну да что ж поделаешь...

– Нет, вроде бы ничего больше не вспомню.

– Я так и думал. Ладно, езжайте, отдохните. У вас, я знаю, на завтра назначена аудиенция у фюрера...

– Именно так.

– Надеюсь, все пройдет хорошо. Но будьте осторожны, адмирал. Кто бы ни охотился за вами, он обладает немалыми возможностями.

– И повадками дворового хулигана, – пробормотал Колесников себе под нос, но Мюллер все же услышал.

– Поясните свою мысль.

– Такое впечатление, что это любитель. В больших чинах, но любитель. Засады, истребители... Если он и впрямь такой серьезный деятель, то я бы на его месте просто обвинил человека в измене. Как минимум, на какое-то время нейтрализовал бы, а уж там... В камере может произойти всякое. Сердечный приступ, к примеру.

– Это не так просто, как вам кажется, – задумчиво ответил Мюллер. – Однако ход ваших мыслей мне понятен. Не лишено... логики, я и сам думал о чем-то подобном. Тем не менее, вас дважды чуть не убили, и оба раза выжить удалось благодаря случайности. То самолет оказался чуть прочнее, чем думали британцы, то пулеметчик не совсем верно оценил расстояние... В сумерках в дождь, конечно, немудрено, однако вечно так везти не может. Будьте осторожны, адмирал.

– Я куда больше опасаясь за родных, – поморщился Колесников. – Сам-то я почти всегда на базе, в окружении своих подчиненных, а им я верю. В конце концов, буду проводить больше времени на линкоре. Из броневой коробки меня так просто не выцарапать.

– За родных не беспокойтесь, охрану им мы обеспечим. И вашей... гм... знакомой, если считаете нужным, тоже. Хотя и сомневаюсь, что на вас решатся напасть в ближайшее время, да еще и в центре Берлина. Думаю, предпочтут затаиться.

– Благодарю, – серьезно ответил Колесников. – Меня доставят в гостиницу?

– Да. У нас в гараже есть дежурная машина.

– А...

– Вашего пилота тоже, – кивнул Мюллер, вставая и давая понять, что разговор окончен. Оставалось только поблагодарить и откланяться.

В гостиницу Колесников приехал далеко за полночь. Насыщенный получился денек, да еще и в темпе, от которого он за последние месяцы порядком отвык. Скорость жизни, больше подходящая началу двадцать первого века, будоражила кровь, но и выматывала страшно. И оставалось одно-единственное желание – подняться в номер и лечь спать.

Консьержки не наблюдалось, однако приставленный Мюллером в качестве охраны здоровенный детина с внешностью отошедшего от дел маньяка решил вопрос моментально, и уже через пять минут заспанная хозяйка вручила адмиралу ключи от номера. От того же самого номера – похоже, он был за Лютьенсом уже закреплен. Ну что же, неплохо, хотя бы привыкать к новому помещению не требовалось.

Мягко повернулась на хорошо смазанных петлях массивная, по-немецки надежная дверь. Эту дубовую махину было куда тяжелее даже просто сдвинуть с места, чем вошедшие в моду спустя полвека филленчатые конструкции, но Колесникову нравилось ощущение солидности, возникающее, когда он к ней прикасался. Будущее много потеряло, и не только глобального, но и таких вот приятных мелочей.

Щелчок выключателя, неяркий, приятный для глаз свет, заливающий комнату – и ощущение того, что здесь кто-то есть. Откуда? Это Колесников понял лишь минуту спустя.

Он уже привык к немецкой педантичности. Привык, что в его номере убираются. Так убираются, что пылинки на полу – это уже ЧП, что ковер лежит с математической выверенностью, а по кровати можно кататься на коньках, настолько гладким выглядит покрывало. Сейчас же всю эту симметрию и торжество аккуратизма кто-то беспардонно нарушил. Не то чтоб глобально, но в глаза бросалось. Особенно в глаза человека, которого только что пытались убить.

Пистолет словно бы сам собой прыгнул в руку. Пожалуй, еще немного, и можно будет ехать в Голливуд, чтоб сниматься в вестернах в роли Джека Самого Быстрого Пистолета... Эта мысль вызвала одновременно и смех, и раздражение. А еще пришло в голову, что если бы его захотели убить, то успели бы сделать это уже раз десять. Так что Колесников сунул оружие в кобуру и решительно пошел вперед.

Нарушительница спокойствия обнаружилась в соседней комнате. Хелен спала на том же диване, что и в прошлый раз, когда они с Роммелем нажрались до скотского состояния. Бессовестно дрыхла, свернувшись в клубочек и поджав босые ноги, и даже не проснулась, когда хозяин аккуратно прикрыл ее пледом. Вот ведь... Теперь уж точно никто не поверит, что у них чисто платонические отношения. А, плевать. Адмирал с трудом заставил себя вылезти из грязной и мокрой, пропахшей потом одежды, наскоро сполоснулся под душем и рухнул в постель. Спа-ать...

Пробуждение вышло тяжелым. Очевидно, крепкий организм Лютьенса, до сих пор уверенно выдерживающий нагрузки, противопоказанные даже молодым, на сей раз призадумался над последствиями и решил, что новый хозяин эксплуатирует его совсем неправильно. И если коньяк хлестать можно и нужно, а терпеть сотрясения от близкого разрыва снарядов положено по долгу службы, то купание в грязных лужах и беготня с пистолетом – это уже перебор.

Протест выразился во вполне конкретных действиях. Голова болела, как с перепоем, в горле першило. Хорошо еще, сопلي бахромой не висели. И все это на глазах у хлопочущей вокруг девушки, перед которой было просто стыдно чувствовать себя старой развалиной. А главное, все равно пришлось встать, прием у Гитлера – это не хухры-мухры, опаздывать нельзя. Так что через силу запихать в себя яичницу, влить кофе, две таблетки аспирина в рот – и разжевать, морщась от отвращения, чтоб быстрее подействовало. Короче говоря, к тому моменту, как у гостиницы затормозил шикарный «Опель-Адмирал», Колесников был уже в сносном состоянии. Оставалось только потрепать Хелен по роскошным волосам (та дернулась и надулась – не любила, когда к ней вот так, будто к маленькой) и решительно направиться на встречу с серьезными людьми.

Гитлер выглядел раздраженным. В отличие от хорошо владеющего собой Гимmlера и явно занятого больше своими мыслями Геринга, фюрер всея Германии скрывать настроение не старался. Какая уж муха его укусила... Как бы то ни было, про вчерашние игры со стрельбой не было сказано ни слова. Поздравления с победой тоже звучали достаточно сухо. Тем не менее, недовольство Гитлера было направлено не на адмирала, а вроде как бы на всех подряд. И очередной орден, порхнувший на грудь, Колесников воспринял уже как нечто само собой разумеющееся.

– Итак, адмирал, – закончив с церемонией, Гитлер внимательно посмотрел в глаза Колесникову. Взгляд у него был тяжелый, давящий... – Догадываетесь, ради чего вас вызвали?

Вопрос не слишком сложный. Наградить могли бы и в другой обстановке, а это похоже больше на военный совет, где адмирал Лютьенс играет роль генератора идей. В конце концов, до сего момента у него вполне получалось генерировать дельные предложения, так почему бы не напрячь еще раз? Везет лошадка – ну так пускай продолжает. Примерно это, только аккуратно сгладив острые углы, Колесников и сказал. Гитлер кивнул:

– Все верно. До сих пор вы не ошибались, а значит, к такому стратегу стоит прислушаться.

– Никак нет!

– Не понял... – Гитлер смотрел с таким удивлением, что Колесников с трудом подавил желание взять его двумя пальцами за подбородок и потянуть вверх, чтобы, значит, рот закрыл. Впрочем, остальные выглядели не лучше.

– Никак нет, мой фюрер. Я не стратег. Максимум, что я могу сделать, это решать тактические задачи, причем на море. Стратегией должны заниматься те, кто стоит во главе рейха. У вас это получается намного лучше. После чего флот будет готов выполнить любой приказ.

Взгляд Гитлера потеплел, да и Гиммлер выглядел довольным. Вот так, прогиб засчитан. Только Геринг по-прежнему не реагировал на происходящее.

– Если бы так думали все, адмирал, Германия была бы избавлена от многих проблем. Тем не менее, ваш совет нам необходим. Как вы считаете, каковы наши перспективы в войне?

– Очень хорошие, мой фюрер. В настоящее время наш флот уступает британскому, но с учетом понесенных ими потерь, скорого введения в строй линейных кораблей типа «Бисмарк», массового строительства новых подводных лодок, а также восстановления французских трофеев мы сможем выставить сравнимые с британцами силы. Если к тому же удастся заставить итальянцев не сидеть в портах, а реально действовать, хотя бы связывая вражеские силы в Средиземном море, то превосходство будет на нашей стороне. В этих условиях возможно как обеспечить бесперебойную доставку подкреплений корпусу Роммеля, который уже сейчас создает реальную угрозу функционированию Суэцкого канала, так и провести операцию «Морской лев». Насколько мне известно, люфтваффе весьма успешно работает по объектам на территории Великобритании. Оккупировав Британские острова или просто вынудив англичан сдаться, мы получим в свои руки достаточную промышленную и ресурсную базу для обеспечения броска через Атлантику. При этом, нанеся удар по району Панамского канала и перерезав сообщение между атлантическим и тихоокеанским побережьями США, мы разрежем их флот пополам. Таким образом, мы имеем все шансы на обеспечение...

– Довольно, – прервал его Гитлер. – Ход ваших мыслей понятен. Ударить по американцам до того, как они успеют подготовиться и развернуть строительство новых кораблей и боевой техники.

– Так точно, мой фюрер, – вытянулся в струнку Колесников. Разговор ему откровенно не нравился, однако показывать это было нельзя ни в коем случае. Приходилось изображать из себя преданного Германии вояку, даже если хочется всех послать на родном языке.

– Что вы скажете насчет этого?

Карта Евразии, жирно обведенные границы СССР, с немецкой аккуратностью указанные линии строящихся и уже существующих укреплений, места дислокации войск... Мамочки! Да откуда эти сволочи столько знают? И стрелки, жирные стрелки, указывающие направления ударов. Пачка листов – план «Барбаросса», тезисно. И страшное понимание того, что все уже решено, и предотвратить войну при сохранении текущих раскладов не удастся.

– С точки зрения сухопутных операций выглядит внушительно. Но давать какие-то иные комментарии не могу – не обладаю достаточной компетенцией в этих вопросах. Не сомневаюсь, что те, кто разрабатывал этот план, обладают значительно лучшим пониманием ситуации.

– А с точки зрения моряка? – прищурился Гитлер. На несколько секунд в кабинете воцарилась полная тишина, слышно было, как звенит в углу неведомо какими путями залетевший сюда комар. Колесников вздохнул:

– Флот в войне с русскими будет малополезен. Технически ничего сложного в том, чтобы блокировать русские силы, нет. Помимо того, что они имеют несравнимо меньший флот, который в открытом бою не выстоит и часа, он у них разделен на четыре части. Силы, дислоцированные на Балтике, легко запираются на базах путем установки минных заграждений, после чего уничтожаются массированными ударами с воздуха. Наличие двух авианосцев позволит нам маневрировать авиагруппами и обеспечивать поддержку летчиков, работающих с береговых аэродромов. Флот на Черном море там и останется, пройти через проливы ему никто не даст. Уничтожим, когда захотим. То, что имеется у русских в Мурманске, недостаточно даже для прикрытия побережья. Словом, блокировать возможность морских сообщений несложно, однако, на мой взгляд, это мало что даст. Эта страна обладает богатейшими ресурсами и способна произвести без посторонней помощи все, что необходимо для ведения войны любой длительности. Кроме того, на Тихом океане они будут вне зоны досягаемости наших кораблей, следовательно...

– Там ими займутся наши японские союзники, – перебил его Гитлер.

– Мой фюрер, я им не верю. В ту войну они нас предали.

Гитлер поморщился. О том, как в Великую войну японцы долго играли словами, убедив кайзера в том, что готовы вступить в войну на стороне Германии, а затем ударили немцам в спину, помнили все. И потерю территорий в Тихоокеанском регионе им тоже не простили. Тем не менее, Гитлер коротко бросил:

– На сей раз все будет по-другому.

– Не сомневаюсь, мой фюрер. Но, в любом случае, действия флота будут иметь вспомогательный характер. Ни до каких стратегических центров русских нам просто не дотянуться. На Тихом океане же нам придется во всем полагаться на Японию, а их русские в последнее время били с завидной регулярностью.

– А Ленинград и Мурманск? – название северной столицы Гитлер словно бы выплюнул.

– Мурманск хорош в качестве грузового порта, но в отсутствии перевозок его значение невелико. До Ленинграда нам не дойти – корабли рейха мало приспособлены для балтийской акватории, слишком там мелко. К тому же нельзя недооценивать минную опасность. Русские понимают толк в этом оружии и завалят минами хоть все море. Да и береговые батареи у них хорошие. При любых обстоятельствах это будет война сухопутных сил.

– Благодарю вас, адмирал, мне понятна ваша точка зрения. Откровенно говоря, если бы я не знал о вашем полном бесстрашии, в котором мы вчера лишний раз убедились, я бы подумал, что вы боитесь.

Ага, выходит, знает. Ну что же, примем к сведению.

– Не боюсь, но – опасаясь. Русские могут стать весьма опасным противником.

– Чушь! – Гитлер рубанул воздух ладонью, переходя на риторику, больше подходящую митингу, чем серьезному совещанию. Остальным оставалось лишь внимать. – В прошлую войну их один раз толкнули – и этот колосс упал. Сейчас будет то же самое. Унтерменши побегут под натиском германского оружия.

– Так точно, мой фюрер! – рявкнул Колесников, верноподданически выпучив глаза.

– Вот так-то лучше, – буркнул Гитлер, медленно остывая.

Совет после этого постепенно свернулся, будто сам собой, и через полчаса, чувствуя себя выжатым лимоном, Колесников спустился к своей машине и зло закурил. Еще через минуту появился Геринг:

– Адмирал, предлагаю поехать ко мне. Мой повар обещал превзойти самого себя, да и взаимодействие флота и люфтваффе обсудить стоит.

Глядя на улыбающуюся рожу главного пилота Германии, хотелось выругаться по-русски. Колесников сдержался, разумеется, только кивнул – все же Геринг стоял в иерархии неизмеримо выше его, рядового, в общем-то, несмотря на головокружительные успехи, адмирала. От

таких предложений не отказываются, тем более, толстяк неплохо к нему относится. И, скорее всего, просто хочет поговорить вдали от чужих ушей.

Так и получилось, хотя и повар расстарался. Наверное... Нос не чувствовал запахов, а язык почти не различал вкуса. Ерунда, главное, что голова работала. А Геринг обедом явно наслаждался. И лишь закончив и аккуратно промокнув салфеткой губы, он посмотрел в окно, на усилившийся и теперь струями бьющий в стекло дождь, и спросил:

– Скажите, Гюнтер... Я правильно понимаю, что вы против войны с русскими, или мне это показалось?

– Правильно, Герман, вы очень точно сформулировали.

– И почему же?

Геринг смотрел вроде бы и с улыбкой, но взгляд стал другим. Острым – вот, пожалуй, самое точное определение. Колесников вздохнул:

– Видите ли, я все же не из аристократической семьи. Но понятия о чести и служении своей стране для меня никогда не были пустым звуком.

– Тот, кто думает иначе, может постоять с вами на мостике во время боя. Если ему не потребуется менять штаны, то это будет удивительно, – и, довольный своей тяжеловесной шуткой, Геринг рассмеялся. Колесников не стал его поправлять, что сам он на мостик во время боя старается не выходить, предпочитая командовать из хорошо защищенной боевой рубки. Вместо этого он задумчиво сказал:

– Так вот, хотя это для меня и важно, но все же отец с детства приучил меня считать. Время, риски, деньги... Война с Россией – это плохое вложение средств, Герман. Очень плохое.

– А точнее?

– Как уж точнее. Русские – это очень серьезные противники. Я хорошо помню: это их предки брали Берлин, а не наши – Москву. И война с ними будет невероятно тяжелой.

– В прошлую войну...

– В прошлую войну, – Колесников невежливо перебил Геринга, но тот даже не обратил на это внимания, – были другие русские. Вспомните, Герман, они в разы уступали нам по насыщенности артиллерией, да и всем остальным. Да что там, у них патронов не хватало, а их парламент всерьез обсуждал вопрос о возможном вооружении новобранцев алебардами. И при этом они смогли продержаться три года и рухнули только после того, как мы, параллельно, кстати, с их союзниками, провели внедрение своих агентов влияния и фактически разложили всю верхушку русских. И даже тогда их солдаты держались, а иногда даже наступали. Вспомните, австрийцев они били с завидной регулярностью, а про турок я вообще молчу. И это при том, что у них в армии был «сухой закон», а нет ничего страшнее для русского солдата. Стресс надо снимать, а они не додумались ни до литра вина на рыло, как французы, ни до походно-полевых борделей. И все равно держались.

– И что? – Геринг, похоже, не совсем понимал оппонента.

– Да все просто, – Колесников устало откинулся в кресле. От возбуждения неприятные ощущения и ломота в суставах отступили, но осталась предательская вялость, да и горло, казалось, горело огнем. – Я интересовался. Может, поверхностно, все же я моряк, но картина безрадостная. Русские насытили войска техникой так, как нам и не снилось. Это не очень хорошая техника, но ее много. А главное, они производят ее сами, а не покупают. Стало быть, любые потери будут восполнимы. Их генералы... Я не знаю, каковы они в деле, но идеологическое воспитание русские поставили серьезно, так что солдаты останутся хорошими. И организовать переворот, как в семнадцатом, не удастся. Там сейчас сидят люди, которые его делали, хорошо знают методы и последствия для себя лично. Судя по тому, как они чистят свои ряды от неблагонадежных элементов, нашей разведке, и без того не блестящей, вряд ли удастся добиться успеха. Мелкие диверсии – вот их предел в нынешней ситуации.

– Согласно плану, все это преодолимо в кратчайшие сроки.

– План хорош, не спору, но, судя по тому, что я увидел, в нем нет одного – запаса прочности. Как только хоть что-то всерьез пойдет не так, мы завязнем. Россия – не Франция. Другие пространства, другая протяженность коммуникаций, а стало быть, и вероятность ошибок велика. И заплатит Германия за победу дорогой ценой. А те... унтерменши за океаном будут в это время наживаться на нашей войне. И получим мы в конце предельно обескровленную страну, вынужденную конкурировать с заокеанским соперником. Экономика которого, и без того серьезная, окажется усилена за наши деньги. Помните? Чтобы победить в войне, нужны деньги, деньги и деньги. У американцев их окажется намного больше. Поэтому я и против войны с Россией. Во всяком случае, в нынешней ситуации. По мне, лучше иметь рядом пускай опасного, но связанного договором соседа, чем в долгосрочной перспективе потерять страну.

Геринг некоторое время молчал, обдумывая услышанное. Тишина установилась прямо-таки давящая. Потом он с видимой неохотой кивнул.

– В ваших словах, Гюнтер, есть смысл. Безусловно, есть. Но я ума не приложу, как убедить фюрера. Он заиклен на войне с Россией. Это у него в последнее время настоящая идея фикс.

– Ну, если не получится... Тогда остается одно. Герр рейхсмаршал, – невероятно официальным тоном сказал Колесников. – В случае необходимости флот готов выполнить ЛЮБОЙ приказ командования.

Вот так, слово прозвучало, намек дан. Понимай, как хочешь, официальный преемник Гитлера, тем более, придраться к сказанному невозможно. А ты ведь понял, все понял, вон как киваешь. Медленно, задумчиво...

– Я понял вас, адмирал... Гюнтер, вам самому-то не страшно?

– Страшно. Еще как страшно. Но приходится выбирать между тем, что страшно, и тем, что еще страшнее.

– А вы смелый человек, – Геринг усмехнулся. – Кто другой костями бы лег, но в страхе не признался. Хорошо. И все же я попробую переубедить фюрера.

– Благодарю. Кстати, с чего он сегодня был такой недовольный?

– Он хотел предложить Британии мир. Послал Гесса. Тайно, естественно. А они его арестовали и бросили в тюрьму.

– Понятно, – Колесников принялся лихорадочно вспоминать. Вроде бы слышал в своем времени про такое, но случился перелет вроде бы перед самой войной с СССР. Ну, хронология здесь уже нарушена полностью, так что ничего удивительного. – Я всегда знал, что островитянам нельзя доверять. И раз уж зашел разговор, то второй вопрос: почему советуются в таких серьезных вопросах со мной, без гросс-адмирала?

– Фюрер не верит Редеру, – усмехнулся Геринг. – Все же у него мать – еврейка. Только об этом мало кто знает. Поэтому, пока он справляется с административной работой, его не трогают, но и не во все посвящают.

Колесников едва удержался от того, чтобы присвистнуть. Сам Гитлер, Гиммлер вроде бы каким-то боком, теперь еще Редер... Весело живем, в руководстве антисемитского государства куча евреев. Куда катится мир...

– Вот бы не подумал.

– Ну да. Это я решаю, кто у меня в люфтваффе еврей, а кто нет, а остальным приходится отдуваться самостоятельно. Ладно, раз уж собрались, то обсудим операцию, о которой говорили в прошлую встречу. А то времени остается все меньше.

В гостиницу Колесников вернулся уже ближе к ночи. Состояние лучше всего описывалось одним словом: «убитое». В смысле, лучше застрелите – хоть полежу. Разболелся он, похоже, окончательно. С трудом поднялся по лестнице, буквально ввалился в дверь – и тут же попал в ловкие женские руки. Мигнуть не успел, как оказался без формы, зато в теплом

свитере, сидящим в глубоком мягком кресле и пьющим чай с малиной. Боги, он ведь и забыл уже, что это такое. И уют, пускай даже в гостиничном номере, и вкус этого чая...

– Прелесть, – совершенно искренне выдохнул он, ставя на низенький столик показавшую дно чашку. – Откуда это?

– От мамы. Она все еще варит. Как привыкла в России, так и продолжает.

– Россия... Скажи мне, что ты о ней думаешь?

– Не знаю, – Хелен откинулась в своем кресле, задумчиво посмотрела в потолок. Адмирал непроизвольно отметил, что одежда на ней явно домашняя, во всяком случае, не из тех шмоток, в которых ходят на приемы или на работу. – Честное слово, не знаю. Я очень хотела бы побывать там, родители много рассказывали... И до сих пор часто о ней говорят. А что?

– Нет, ничего. Ты извини, Хелен, я тебе задам сейчас один нехороший вопрос. Скажи, зачем тебе все это нужно?

– Что – все? – девушка улыбнулась. – Весь мир?

– Как раз для чего женщине может понадобиться весь мир, понятно, – усмехнулся Колесников. Горло, согревшись, начало проходить, да и общее состояние немного улучшилось. – Я про себя. Зачем тебе нужен старый, больной, да еще и женатый адмирал? В жизни не поверю, что ради интервью или денег. Во всяком случае, их ты у меня ни разу не просила. Да и не стала бы возиться со мной сегодня. Так зачем?

На миг ему показалось, что Хелен сейчас встанет и уйдет, хлопнув дверью. Однако, как оказалось, женщин он знал плохо. Звезда немецкой журналистики (а как еще назвать, если именно благодаря ее репортажам газета из заштатного бульварного листка поднялась на пятое место по тиражам в Берлине) совершенно по-бабьи подперла голову ладонью и вздохнула:

– Потому что рядом с тобой хорошо. Ты надежный, сильный, умный... Не волнуйся, я не собираюсь создавать тебе проблемы. И требовать ничего не собираюсь. Скажешь – уйду.

– Не скажу, – мотнул головой Колесников. – Просто...

– И уводить из семьи не собираюсь.

– Это я уже понял. Я про другое. Рядом же и другие есть. Помоложе, поперспективнее. Да вон, хотя бы Вальман. Он вроде бы к тебе неровно дышал.

– А кто перспективнее? Сокурсники, которые стараются выглядеть, как истинные арийцы, говорят о превосходстве германской нации, смотрят на русскую свысока... притом что все мысли у них, как бы мне под юбку залезть? Или лейтенант, который в ту нашу встречу из машины не вылез, чтобы мне помочь?

– Работа у него такая, – вздохнул Колесников. – А так... Он мне вчера жизнь спас, а я, скотина такая, даже не поблагодарил.

– Работа у него такая, – усмехнулась Хелен. – Так что... А насчет возраста – так не такой уж ты и старый. Все зависит от точки зрения. Ну что, удовлетворила я твое любопытство?

Будем считать, что да, подумал Колесников, а вслух сказал:

– Хорошо. Тогда отдыхаем до завтра, а там... Там видно будет.

Следующее утро началось с визита к Гиммлеру. Хорошо еще, за ночь организм, взбодренный лекарствами и отдыхом, немного пришел в себя. Так что одеться по парадному, целомудренно поцеловать в щечку Хелен – и вперед!

Рейхсфюрер был не один. Помимо него в кабинете присутствовал Мюллер, который и сообщил интересную новость. Как оказалось, одного из убитых в перестрелке смогли опознать – числился он в полицейской картотеке, а берлинская криминальная полиция умела работать оперативно. А вот дальше начинались странности.

Во-первых, с криминальным прошлым (да какое-то особое прошлое, несколько драк и сопутствующие исправительные работы) этот парнишка давно завязал. Лет десять назад, примерно. Во-вторых, вступил в партию. В какую именно, Колесников даже не спрашивал, и так

ясно, что не в Коммунистическую. Ну и, в-третьих, был он сейчас в армии. Если конкретно, то в люфтваффе, в каком-то наземном подразделении. Ну а когда начали рыть по этому направлению, то опознали и двух других кадров. Из того же подразделения орелики. Очень интересно.

– Грешите на Геринга? – мрачно поинтересовался Колесников, дочитав переданную ему пачку бумаг. Все же немцы в отношении документооборота – это что-то с чем-то. Все изложенное можно было разместить на одном листе. Ну, на двух или трех, но на дюжине – это уже чересчур. – Не слишком мне в это верится.

– Почему? – с интересом спросил Мюллер. Гиммлер сидел за столом, что-то черкал карандашом и в разговор, похоже, вмешиваться не собирался.

– А ему невыгодно это. У нас нормальные рабочие отношения, а придет кто-то другой – и как оно еще повернется, сказать сложно. На его влияние и власть я не покушаюсь, да и не смог бы, даже если бы захотел, слишком разные у нас возможности.

– Мы рассуждали примерно так же, – кивнул Мюллер. – Очень похоже, кто-то специально организовал покушение таким образом, чтобы бросить тень на Геринга. Иначе вас расстреляли бы еще на дороге, вместе с машиной. Откровенно говоря, мне с самого начала показалась странной ошибка пулеметчика. Но слишком уж демонстративно организаторы изображали из себя дураков. И перестарались.

– И... кто?

– Пока не знаю. Но докопаюсь обязательно.

Колесников вздохнул. Этот да, этот докопается. Почему-то Мюллеру он верил.

Разговор с Гиммлером начался после того, как Мюллер покинул кабинет. Вначале рейхсфюрер вставил адмиралу здоровенную дыню. Причем сделал это в крайне интеллигентной манере, Колесников в жизни так не умел. Вроде бы и вежливо, вроде бы даже похвалил, а уши покраснели так, словно он не пятидесятилетний адмирал и не глубокий старик-математик, а нашкодивший мальчишка. А все из-за неправильно построенного разговора с Гитлером. Правда, углы позже удалось немного смягчить, но все равно, лишние проблемы никому не нужны. Гиммлер, как оказалось, тоже не особенно жаждал воевать. Пока, во всяком случае. В отличие от фюрера, он не сидел в окопах, но теоретическую подготовку имел лучшую и расклады представлял более реально. Однако и идти против Гитлера в подобных вопросах не собирался, так что невовремя выразивший сомнение адмирал свою порцию люлей получил.

Зато потом Гиммлер начал интересоваться разговором с Герингом. Очень серьезно интересоваться. Пришлось ответить, честно сказав, что, во-первых, обсуждали перспективы войны против Советов и вопросы взаимодействия армии и флота, а во-вторых намечающуюся операцию против Великобритании. Даже кое-какие выкладки пояснил, максимально упрощая, чтобы не особенно сведущий в морских делах рейхсфюрер понял. Тот, надо сказать, будучи человеком, умом не обделенным, выразил полный одобрям. На этой позитивной ноте они и расстались.

Дальше у Колесникова выдался невероятно насыщенный день. Вначале он вытребовал у командования три дня отпуска. Командование, правда, и не возражало – все же положение героя и человека, лично докладывающегося фюреру, имело свои прелести. Затем – в банк. А потом – снять телефонную трубку и договориться о встрече с бывшим одноклассником.

Все же Лютьенс, в отличие от многих коллег, вышедших из старой аристократии, умел пользоваться кое-какими преимуществами неблагородного происхождения. К примеру, он не стал законченным снобом и поддерживал связи со старыми приятелями, что иной раз могло весьма пригодиться. Вот как сейчас, например.

Клаусс Майер, человек во всех отношениях серый и скучный, вел спокойную жизнь добropорядочного мелкого буржуа. Недвижимостью торговал – этаким риелтор, каких адмирал насмотрелся в прошлой жизни, с поправкой на германский менталитет. Лютьенс не то чтобы общался с ним, но и связь не терял. К взаимной, надо сказать, выгоде. Например, два года назад

Клауссу потребовалась помощь – сын сестры жены, от великого ума вышедшей замуж за еврея, попал в трудное положение из-за своего происхождения. Проще всего было бы ему не афишировать отцовских предков, а податься, к примеру, в армию. Брали туда всех подряд, и если человек утверждал, что он немец, ему верили на слово. Но – лопухнулся... Адмирал помог. Озадачил кое-чем обязанного ему штабного умника, тот нашел лазейку в правилах, мальчишку приняли на службу. Затем рапорт непосредственного начальника о незаменимости конкретно этого еврейчика – и вот он уже вполне полноценный гражданин Германии. Кое-какие ограничения, правда, есть, но именно что кое-какие. Во всяком случае, жизни и здоровью, пока нет войны, ничего не угрожает, и до фельдфебеля, к примеру, дорасти можно вполне. Пришлось для этого, правда, немного повоевать во время французского похода, ну да это уже мелочи.

А теперь пришло время Майеру помогать старому знакомому. Не без пользы для себя, кстати. Порылся в картотеке, нашел хороший вариант – и занялся делами адмирала, обещав устроить все максимум за сутки. Ну, а сам Колесников, быстро решив еще несколько мелких вопросов, сделал то, чего никто не ждал от немецкого адмирала, пускай даже эксцентричного, – отправился в больницу, навестить раненого.

Появление адмирала в обычной палате наделало переполоху. Вальман попытался изобразить нечто строевое, причем лежа – встать ему врачи пока запрещали. Правда, как сказал врач, ничего страшного не произошло. Пулю извлекли, рану зашили, заражение крови от набившейся в нее грязи предотвратить удалось. Крови, правда, потерял много, но в больнице имелся неплохой запас, переливание сделали вовремя. Так что полежит недельку – и встанет на ноги, никуда не денется.

Шофер, прикомандированный ведомством Гимmlера, с неохотой тащивший коробку с фруктами и всякими вкусоностями, которых ни в одной больнице не найдешь, аккуратно поставил подарки на стол и быстро покинул палату. Колесников поздравил лейтенанта с присвоением очередного чина (сам вытребовал у Гимmlера) и тоже ушел, чтобы не трепать нервы окружающим. Все, формальности выполнены, теперь можно было и отдохнуть.

Хелен в гостинице не оказалось, но Колесников и не удивился – в конце концов, она предупредила, что поедет к родителям. Да и, честно говоря, ему самому хотелось отлежаться. Зато на следующий день он подрулил прямо к редакции ее газеты и, произведя небольшой фурор, похитил смущенную девушку прямо из-за стола. Возражать, естественно, никто не осмелился.

– Машину водить умеешь? – весело спросил он уже на улице.

– Ну... да. Только своей пока нет, не заработала еще.

– Это-то я знаю. Такой, к примеру, нравится?

Вишневый «Мерседес» выглядел шикарно даже по меркам двадцатого века. Здесь же этот кабриолет с откинутой по случаю теплого дня крышей всю дорогу заставлял редких прохожих оборачиваться и с завистью провожать его взглядами. Девушка вздохнула:

– Замечательная машина.

– Ну так садись. Да не сзади – за руль. И не вздумай отказываться – от чистого сердца подарок.

Интересно, обратила ли она внимание на русский оборот про сердце? Пожалуй, что и нет, настолько была ошарашена. И отнекиваться начала только оказавшись за рулем. Видать, прикосновение к лакированному красному ободу привело ее в чувство. Пришлось скорчить зверскую рожу, пояснить, что от его подарков отказываться не стоит, а то он вот прямо сейчас возьмет, да разобьет всю эту красоту о ближайший фонарный столб. Подействовало. Однако главный шок для девушки был еще впереди.

Четверть часа (хвала Всевышнему, в эти годы об автомобильных пробках никто еще и слухом не слыхивал), и вот они уже в Бабельсберге. Именно здесь, если верить советскому кинематографу, жил незабвенный Штирлиц. Интересно, может, по соседству и впрямь обитает какой-нибудь советский разведчик? Впрочем, неважно. Главное, доехали. В последнем

за время поездки Колесников начал изрядно сомневаться. Водила машину Хелен, откровенно говоря, паршиво, что и неудивительно для человека, не имеющего практики. Ну да ладно, научится.

– Останови вот здесь. Замечательно. Ну а теперь пошли.

Дом, невысокий, двухэтажный, встретил их вначале шуршанием листвы старого сада, а потом сухим теплом. Внутри было чисто, но все равно заметно, что здесь уже давно не живут. Мебели почти не было, так, накрытый чехлами гарнитур в зале, и все. Девушка удивленно посмотрела вокруг и обернулась к Колесникову:

– Где это мы?

– Дома, – адмирал стянул перчатки, провел пальцем по столу, посмотрел на оставленную в пыли темную полосу. Поглядел на камин, сейчас холодный и пустой. – Принимай командование, хозяйка.

– То есть...

– Я часто бываю в Берлине, – терпеливо, как маленькой, объяснил Колесников. – И мне надоела гостиница. Поэтому я буду приезжать сюда, а ты соответственно жить здесь. Вот, – он аккуратно положил на стол пачку новеньких, в банковской упаковке, денег. – Это на то, чтобы закупить все необходимое, нанять прислугу, навести порядок. Дом записан на тебя. Мало ли что может со мной случиться. Война идет, а так моя совесть будет спокойна. И еще, если ты сейчас откажешься, я встану и уйду. И никогда с тобой больше не увижусь. Да, это шантаж. А разве с вами, женщинами, можно иначе?

В общем, убедил...

Средиземное море встретило Колесникова штормовым ветром. Хорошо еще, Курт сумел пробиться и посадить самолет на знакомом аэродроме под Тулоном. Даже мысль о том, чтобы приземлиться где-нибудь на запасном аэродроме и километров двести мотыляться по убогим французским дорогам, повергала адмирала в священный ужас. Но пилот справился, и «мессершмитт», едва не дав «козла», уверенно закатился на стоянку.

Кстати, по сравнению с прошлым разом здесь стало куда оживленнее. Самолетами было заставлено буквально все. В основном французскими, но попадались и немецкие машины. Сама полоса носила следы ремонта, а параллельно с ней строилась еще одна, длиннее и шире. Похоже, адмирал Жансуль обустроивался в этих местах всерьез и надолго. И, кстати, машину предупредительно выслал – не забыл еще, с кем имеет дело и кому обязан и нынешним положением, и, возможно, жизнью.

Надо сказать, с момента их последней встречи французский адмирал очень изменился. Если вначале это был потерянный человек, не знающий, куда себя приткнуть, а позже – лихорадочно-возбужденный авантюрист, с головой нырнувший в чужую игру с неясными перспективами, то сейчас перед Колесниковым сидел уверенный в себе адмирал. Даже некоторая французская спесь, которую просто обязан испытывать любой лягушатник в разговоре с бошем, опять начала вылезать. Пускай и непроизвольно, но все же начала, и это стоило учесть. Такое необходимо осаживать сразу и жестко, а то в будущем возникнут проблемы. Оно надо? Колесников усмехнулся про себя и откинулся в кресле. Обед, предложенный французом, оказался неплох, и сейчас живот ощутимо давил на ремень.

– С чем пожаловали, адмирал? – Жансуль смотрел вроде бы доброжелательно, однако чувствовалось, что появлением Лютьенса он недоволен. И Руге не было. Интересно, почему? Впрочем, оно и к лучшему.

– И как вы пьете эту кислятину? – Колесников покрутил в руке бокал с рубиново-красной жидкостью. Большим ценителем вин он не был ни в той жизни, ни в этой. Может, данный конкретный напиток и впрямь считался чем-то особо элитным, но это сейчас было неважно. А важно то, что собеседник на миг потерял нить разговора. – Доложите, в каком состоянии флот.

Вот так, сразу показать, кто здесь главный. И любую самостоятельность ломать на корню. А то вон, фрондируют. Нацепили новые знаки различия на французского образца мундиры и считают, что подчеркивают этим свою исключительность. Ага, щ-щас-с. Если уж шагнули в болото, не пытайтесь говорить, что сели в шоколад.

– Что вас интересует?

– Все. В настоящее время планируется серьезная операция, и мне надо знать, какими силами я буду располагать. Не по штабным рапортам, а на самом деле. И не кривитесь так, командовать поручено мне, соответствующие полномочия получены лично от фюрера.

На самом деле полномочия эти звучали довольно расплывчато, да и командовать Лютьенсу поручалось лишь своей частью операции. Впрочем, расплывчатость несложно было трактовать в свою пользу, а насчет кто и чем командует... Формально руководство операцией возложил на себя лично Гитлер. Похоже, он уверился в том, что там, где работает Лютьенс, будет успех, и потому не боялся уронить свой престиж, что было неминуемо в случае неудачи. Приятно, когда в тебя так верят, пускай и враги. Ну а заместителями его оказались, вполне закономерно, Гиммлер и Геринг. Первый по той же причине, что и шеф, а второму деваться было некуда. Должен же среди политиков присутствовать хоть один военный профессионал.

Хорошо еще, реально они не мешали. Гитлер ограничился парой общих фраз, и его роль должна будет проступить позже, когда придет время: или провозгласить победу, или деликатно замолчать поражение. В общем, впарить лохам... простите, немецкому народу то, что окажется наиболее соответствующим военно-политическому раскладу. Гиммлер вообще, по своему обыкновению, держался в тени, ни во что не лез, но руку с пульса не убирал, дабы не упустить, если повезет, возможность половить рыбку в мутной воде. Блюл свои интересы, в общем. Ну а Геринг, успевший сработаться с Лютьенсом и при этом не сильно разбирающийся в специфике морских, да, честно говоря, и наземных операций, занимался исключительно административными делами. В общем, молодым и наглым профессионалам не мешали, и они в кои-то веки резвились, как считали нужным.

Собственно армии, точнее, корпусу Роммеля, отводилась в предстоящем действе вспомогательная роль. Отвлекающий удар – давно ожидаемый противником бросок к Суэцкому каналу. Получится – значит, получится, нет – значит, нет. Роммель о своей задаче и о том, что имеет право невозбранно отступить, когда сочтет нужным, знал прекрасно. Зря, что ли, вчера весь день сидели с ним и обсуждали нюансы. Так долго, что вылетал обратно генерал уже ночью.

Авиацией командовать поручили подполковнику Коллеру. Этого бывшего полицейского и опытного летчика назначили и за профессионализм, и по протекции Мюллера, который неплохо относился к дважды коллеге. К тому же Геринг, похоже, натаскивал его и к чему-то готовил. Учитывая сложность операции и задействованные в ней силы, она могла стать сорокадвухлетнему офицеру неплохим трамплином. Тем не менее, Коллер в их триумвирате оказался младшим по званию, и в приватной беседе Геринг рекомендовал ему не пытаться играть самостоятельно, а оперативно подчиняться флоту. Неслыханное еще недавно дело, но в свете нынешних событий вполне оправданное. Коллер, судя по всему, понял, что рекомендация в данном случае равносильна приказу, и только каблуками щелкнул. Впрочем, обеспечивать его действия все равно частично приходилось Лютьенсу.

Основную же роль в планируемых событиях предстояло сыграть флоту. И не только кораблям, но и вновь создаваемому роду войск – морской пехоте. О формировании экспериментального подразделения по британскому образцу Лютьенс имел разговор с руководством рейха в лице Гиммлера еще весной. Откровенно говоря, о своей мимолетно проскочившей в разговоре идее он потом и думать забыл. А вот Гиммлер, как оказалось, нет. Все же мужик он был весьма башковитый и сообразил, что лишнее подразделение, ему, пусть и опосредственно, через Лютьенса, подчиняющееся, не помешает. Адмирал, который буквально три недели назад

с удивлением узнал, что руководство свежее испеченными вояками возлагается на него, долго ругался, но сдавать назад было уже поздно. Хотя подарочек, конечно, был тот еще.

Для эксперимента не отбирали солдат из элитных частей, да и из обычных, честно говоря, тоже. Единственно, придали инструкторов из десантных подразделений и горных стрелков. И десантники, и егеря хорошо знали свое дело, но с морем не были связаны никак. От слова «ващце», как говаривали в прошлом/будущем Колесникова. А вот их новые подчиненные...

Все же немцы всегда славились умением приспособлять к делу что угодно. Сейчас, к примеру, они нашли применение уголовникам с тяжелыми статьями и длинными-длинными сроками, которым было предложено искупить вину... ну, или гнить в камерах дальше. И вот этот сброд в количестве двух тысяч человек, подвергнутый интенсивной дрессуре, Колесникову и передали. Хорошо еще, инструкторов не отняли. Оставили, правда, только добровольцев, но зато пообещали им офицерские погоны. Кое-кто согласился, а для усиления Лютьенсу передали из пехоты офицеров кадровых, но тоже проштрафившихся. Последних адмирал перебрал сам, оставив тех, кто попал в немилость за пьянку, вольнодумство или небрежение уставом, но инициативных и храбрых, начисто отсеяв проворовавшихся интендантов и просто никем не востребованных лентяев. И тех, и других в вермахте, как, впрочем, и в любой армии, тоже хватало, и от них многие пытались избавиться всеми силами.

И вот, три недели, практически забросив остальные дела, пришлось заниматься этими мокрозадными орлами. Учить грести, плавать (не все, как оказалось, умели), высаживать десант... В общем, как вернулся из Берлина, так и впрягся. Хорошо еще, примерно представлял, что от морпехов будет требоваться. И наглухо вбил им в головы: обратной дороги нет. Или они победят, или умрут. Зато победители получают амнистию, повышенное денежное довольствие и вполне реальные воинские чины.

Все это он вынужден был лично продавливать – изначально морскую пехоту рассматривали как некий штрафбат. Только, в отличие от советских аналогов времен Отечественной войны, служить в качестве бесправного пушечного мяса предстояло до смерти. Однако же убедить в том, что солдат, имеющий сзади плетку, а перед глазами морковку, будет драться куда лучше, чем просто из-под палки, хоть и с трудом, но удалось. Кое-кто из новоиспеченных морпехов, правда, все же смалодушничал и предпочел вернуться в уютные камеры, но таких набралось чуть более десятка – народ собрался все же рискованый. И вот сейчас эту орду предстояло испытать в деле. Оставалось лишь надеяться, что Средиземное море, пускай и зимнее, окажется чуть потеплее Балтики.

Однако морская пехота – это, конечно, здорово, но без кораблей она значила немного. А корабли под рукой имелись только французские. Ну и итальянские, но макаронники воевать не жаждали, а вот французам, официально входящим в состав германского флота, можно было приказывать. И оспорить прямой приказ командования Жансуль, как ни хотелось бы ему этого, не мог. Правда, он все же попытался намекнуть, что его корабли не совсем немецкие. Стоило бы определиться, имеет ли право Лютьенс командовать, и... Что «и», Колесников не стал даже слушать, просто сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.